

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

Ю. Е. Березкин
МЕЖДУ ОБЩИНОЙ И ГОСУДАРСТВОМ
Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки
и Передней Азии в исторической динамике

Санкт-Петербург
«Наука»
2013

УДК [39+321.1](728+5-011)
ББК 63.5(3)
Б48

Рецензенты:

чл.-корр. РАН Н.Н. Крадин, д.и.н. М.Ф. Альбедиль

Б48 **Березкин Ю.Е.**
Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: Наука, 2013. — 256 с. (Kunstkamera Petropolitana). ISBN 978-5-

В книге рассмотрены общества андского пояса Южной Америки и юго-востока Центральной Америки от появления первых свидетельств надобщинной политической организации 5 тыс. лет назад до конкисты. В отношении хозяйства и технологии эти общества сопоставимы с обществами Передней Азии IX–IV тыс. до н.э. Вместе с тем при одинаковой или меньшей численности населения общественно-культурные сооружения Нового Света по размеру намного больше, а инвентарь элитарных захоронений намного богаче. От доколумбовых культур дошло гораздо больше предметов с профессионально выполненными фигуративными изображениями, в ритуалах с участием высшей элиты использовались наркотики-галлюциногены, изображения голов-трофеев широко распространены и следуют одинаковому канону. Можно предполагать, что основным источником власти в обществах Южной и Центральной Америки являлся контроль над циркуляцией престижных ценностей и эзотерическим знанием, тогда как в Передней Азии — над производством и распределением продуктов массового потребления. Дезинтеграция сложных политических систем в Центральных Андах в третьей четверти I тыс. до н.э. и в конце I тыс. н.э. была вызвана кризисами идеологии. Различия между ранними сложными обществами Америки и Передней Азии обусловлены различием культурных традиций, уходящих глубоко в доземледельческую эпоху. Вместе с тем для древнейшего сложного общества Передней Азии (X–IX тыс. до н.э.) характерны гигантские затраты на сооружение неутилитарных объектов. Этим памятники круга Гёбекли-тепе напоминают культуру побережья Перу III–II тыс. до н.э.

УДК [39+321.1](728+5-011)
ББК 63.5(3)

*На обложке: рисунок на ткани из западной гробницы в Уака-Лоро,
культура сикан, долина Ламбайеке, ок. 1000 н.э.
(Опубликовано с любезного разрешения
автора раскопок И. Шимады.)*

ISBN 978-5-

© Ю.Е. Березкин, 2013
© Оформление серии. В. Яковлев, 2013
© МАЭ РАН, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Север Центральных Анд в III—I тыс. до н.э.	16
Глава 2. Север побережья Перу в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.	51
Глава 3. Север горной области Перу в I тыс. н.э.	65
Глава 4. Юг побережья Перу в конце I тыс. до н.э. — начале II тыс. н.э.	75
Глава 5. Юг горной области Перу и Боливийское плоскогорье в середине II тыс. до н.э. — начале II тыс. н.э.	83
Глава 6. Эквадор.	110
Глава 7. Северные Анды и юго-восток Центральной Америки.	126
Глава 8. Итоги обзора по обществам Нового Света.	142
Глава 9. Ближний Восток	169
Заключение.	190
Библиографический список	208
Указатель археологических культур, памятников, этносов, исторических общностей	250
Abstract.	254

ВВЕДЕНИЕ*

В конце 1940-х годов Дж. Стьюард впервые описал цивилизации Старого и Нового Света как особый класс обществ, проходящих в своем развитии одни и те же этапы [Steward 1949]. И сам Стьюард, и многие из его последователей основное внимание обратили на Переднюю Азию и Центральные Анды.

Во втором десятилетии XXI в. попытки детально синхронизировать эпизоды хозяйственной, социальной и политической эволюции исторически не связанных между собой регионов выглядят наивно. Тем не менее главная идея Стьюарда благополучно выдержала проверку временем. Магистральный ход развития первичных цивилизаций одинаков. Этот факт остается самым важным (если не сказать единственным безоговорочно убедительным) доводом в пользу наличия определенного вектора в эволюции культуры и общества. Если общества находятся в сходных природных условиях и примерно на одинаковом технологическом уровне, скорость и направление их дальнейшего развития остаются сопоставимы на протяжении тысячелетий. Под сходными условиями имеются в виду не любые особенности климата и ландшафта, а критически важные параметры. Для ранних цивилизаций таковыми являлись потенциальная возможность развития земледелия и прочная обратная связь между интенсификацией земледелия и демографическим ростом. Наличие домашних животных — фактор тоже существенный, особенно в плане использования вторичных продуктов и развития средств транспорта. Однако Мезоамерика смогла достаточно успешно развиваться в отсутствие скотоводства, поэтому для формирова-

---

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 11-06-00441 «Динамика централизации—децентрализации традиционных социально-политических систем Старого и Нового Света по археологическим, историческим и этнографическим данным». Собрать материалы было бы невозможно без помощи десятков друзей и коллег в России и за рубежом, которым я выражаю огромную благодарность. Особо признателен другим участникам поддержанного РФФИ проекта, прежде всего Д.Д. Беляеву, С.А. Боринской и трагически погибшему А.В. Козьмину, памяти которого посвящаю эту книгу.

ния обществ рассматриваемого типа наличие скотоводства нельзя считать критически важным.

В российской археологии сопоставимость направления и темпов развития центральноандских и ближневосточных культур в 90-х годах особенно отстаивал В.А. Башилов [Башилов 1999]. Его, однако, интересовали процессы формирования производящей экономики, а не эволюция политических систем. Эта последняя тема в применении к двум рассматриваемым регионам и периоду раннее появления развитых государств вообще никогда у нас всерьез не рассматривалась. Сам я впервые осознал ее важность и перспективность, ознакомившись с работой Ричарда Адамса «Энергия и структура. Теория социальной власти» [Adams 1975], которую и сейчас считаю одной из лучших книг в области социальной антропологии. Адамсу удалось исчерпывающе описать алгоритм формирования социополитических общностей любого типа и уровня — не в виде конечного набора ячеек, а как результат действия универсальных принципов взаимодействия между людьми и коллективами. Принципы эти элементарно просты, но способны породить бесконечное разнообразие организационных форм.

Важным рубежом на пути к адекватному описанию форм социополитического устройства в догосударственную эпоху было появление концепции вождества. Она постепенно сформировалась в контексте исследований школы Дж. Стьюарда, хотя сам термин получил распространение лишь в конце 50-х — начале 60-х годов в работах М. Салинза и Э. Сервиса. Приемлемое в первом приближении определение принадлежит Р. Карнейро: «Вождество — это автономная политическая единица, включающая в себя несколько деревень или общин, находящихся под постоянной властью верховного вождя» [Carneiro 1981: 45]. В 70-х — начале 80-х годов экономические и политические характеристики вождеств обсуждались многократно и всесторонне (например, [Earle 1987]). Затем исследователей стали все больше интересоваться другими формами организации догосударственных социополитических систем.

Среди множества характеристик таких систем наиболее показательны численность, степень интегрированности и степень централизованности принятия решений (пресловутая вертикаль власти либо иные, в основном горизонтальные, связи, превращающие совокупность мелких коллективов в один более крупный). Все эти признаки поддаются хотя бы приблизительной оценке. Подобное

кросс-культурное сопоставление позволяет выйти за рамки привычных, но часто неточных терминологических штампов. Например, множество политических образований от древности до Нового времени, которые традиционно именуются царствами и княжествами, отвечают скорее стандартам вождеств. Еще больше таких, которые можно определить как общества среднемасштабные (или среднесложные) и которые включают вождества как распространенную, но не единственную возможную форму. Известная карта «Рост территории древних государств», традиционно открывающая школьный учебник и на всю жизнь закрепляющая в сознании его юных читателей стереотип восприятия прошлого, в действительности показывает рост территории не государств, а письменных цивилизаций, что не одно и то же. Картографирование среднемасштабных обществ и обществ, обладающих признаками, характерными для государств, позволяет выявить интереснейшие тенденции в социально-политической эволюции человечества. Осуществить такую работу под силу лишь коллективу исследователей, располагающих большими финансовыми и организационными возможностями. Эта книга — лишь очередной шаг на пути к решению подобной задачи.

Вождества, как уже было сказано, являются самыми распространенными политическими образованиями из числа среднемасштабных. Наряду с вождествами Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев выделяют «аналоги вождеств» (а также «аналоги государств») [Гринин 2006; Гринин, Коротаев 2012; Grinin, Korotayev 2011]. «Аналоги» не имеют четкого определения, но лишены одного или нескольких признаков, характерных для вождеств типичных: иерархичности, централизованности, наличия формального лидера, организованной системы контроля над ресурсами, политической самостоятельности.

Если убрать все перечисленные признаки, то остается только размер, который для вождеств определяется в интервале от нескольких сот до нескольких тысяч человек. При этом суперсложные вождества, в которых число жителей зашкаливает (и порой значительно) за 10 тыс., могут считаться уже не вождествами, а «аналогами государства». Вместе с тем нецентрализованные и неиерархичные общества, состоящие из немногих сотен членов, по логике должны быть отнесены к категории простых. Если же рассматривать на правах особых типологических вариантов те случаи, когда отсутствуют не все, а только некоторые признаки вождеств, число характерных для среднемасштабных обществ вариантов политического устрой-

ства растет. Таким образом, у нас, с одной стороны, есть перечень социополитических параметров (формальное лидерство, контроль над ресурсами и пр.), а с другой — аналитически сконструированные типы, число которых исследователь волен увеличить или уменьшить.

Нечеткость подобной понятийной системы есть ее достоинство. Невозможность выделить ограниченное число ячеек, по которым было бы удобно размещать фактический материал, вытекает из многообразия самого материала. Формы социополитической организации — это такой же продукт эволюции, как и другие явления и объекты окружающего мира. Однако эволюционируют не типы обществ (от общин через деревни и вождества к государствам), а различные параметры (демографические, технологические, логистические, идеологические и пр.), которые эти общества характеризуют. К тому же все статистические тренды, даже самые мощные, способствующие отбору определенных форм, носят вероятностный характер. В результате наряду с распространенными формами мы имеем множество промежуточных и атипичных.

Трудности классификации среднemasштабных и близких к ним раннегосударственных обществ обусловлены не только проблемами типологии.

Общества, существовавшие в разных районах мира в эпоху европейских контактов, описанные в древних источниках или исследованные этнографами, — это лишь небольшая часть тех, которые в разное время возникали и исчезали. О большинстве обществ известно только по материалам археологии. В подобных случаях нет возможности непосредственно судить о признаках, которые приняты за конституирующие. Мы изучаем не отношения между людьми, а результаты деятельности людей, которые об отношениях свидетельствуют лишь косвенно. Тем не менее другого способа изучать эволюцию социополитических систем в их исторической динамике нет.

Число работ, посвященных типологии и общим проблемам функционирования политических систем, явно превышает число обществ, данные по которым используются в качестве примеров. Значительная часть накопленных археологами материалов во внимание не принимается. Между тем, как было сказано, прогресс исследований, осуществленных за последнее время, огромен. Для всех трех основных очагов политогенеза (Передняя Азия, Китай, Нукле-

арная Америка) датировки появления сложных обществ значительно удревнились, а степень разрешения в описании археологических культур повысилась. Поэтому презентация и обобщение фактического материала становятся уже не побочной, а одной из главных задач исследования. Именно создание базы данных по среднemasштабным обществам стало первоочередной целью работы, начатой в 2011 г. и поддержанной РФФИ. Хотя до полного осуществления подобного проекта требуются десятилетия, некоторые результаты анализа материалов по обществам южной половины Нуклеарной Америки подвести можно. Эти результаты особенно интересны в сравнении с данными по Передней Азии.

Автор книги стремился не только внести свой скромный вклад в изучение политогенеза. За последние годы в России вышло ничтожно мало публикаций, из которых читатель мог бы получить актуальные сведения об обществах и культурах Центральной Америки и андского региона в догосударственную эпоху, а обобщающих и сравнительных исследований не было вовсе. Единственная насыщенная материалом работа по культурам Центральных Анд появилась более 40 лет назад, причем предназначена она была исключительно археологам [Башилов 1972]. Ситуация с Передней Азией несколько лучше, но и здесь некоторые открытия пока известны лишь немногим специалистам. Стараясь сделать книгу доступнее для читателей смежных дисциплин, я снабдил ее довольно большим числом иллюстраций.

Вместе с тем отбор материалов для обзора определялся, исходя исключительно из интересов исследования — описать варианты обществ, устроенных сложнее, чем общины, и проще, чем государства, и известных нам почти исключительно по данным археологии. Особого внимания заслуживают случаи распада сложных политических систем. Эта тема как самостоятельное направление мало разработана не только в российской, но и в мировой науке. Также за пределами внимания большинства специалистов по политической организации древнейших сложных обществ осталась идеология их создателей, точнее — ее роль в процессах политической интеграции и дезинтеграции. Во многих случаях для изучения подобной темы просто нет данных. Однако некоторые общества Америки описаны в испанских источниках, а материалы древней иконографии освещают такие стороны культуры, о которых археологи обычно судить не в состоянии.

* * *

Сложными мы называем общества, имеющие надобщинный уровень организации, а среднемасштабными — те из них, в которых отсутствуют институты, характерные для государства. Практически, однако, провести между типами обществ четкую грань невозможно. Общины не одинаковы по размеру, структуре и степени социальной дифференциации, формы надобщинной организации тоже многообразны. Если же мы должны не изучать социополитические институты непосредственно, а реконструировать их по косвенным данным, надежда достичь консенсуса в выводах равна нулю. Бесконечно обсуждать варианты интерпретации археологических материалов — занятие бесперспективное. Гораздо разумнее признать за этими материалами статус единственных свидетельств процесса политогенеза и сопоставлять их не столько с этнографическими материалами, сколько друг с другом.

Какие же факты, известные по материалам археологии, можно использовать в качестве свидетельств усложнения политической организации? Мы отобрали несколько категорий данных, которые отличают культуры, существовавшие на протяжении последних тысячелетий, от более ранних, в которых подобных свидетельств нет. Важность именно этих данных признается и другими исследователями [Drennan et al. 2010; Lozny 2011: 125], хотя с какими конкретно формами социополитической организации они связаны — вопрос почти всегда спорный. Трудно даже утверждать, что все те общества, для которых одного из подобных свидетельств нет, были устроены проще всех тех, для которых оно обнаружено. Однако статистически связь рассматриваемых категорий данных с усложнением социополитической организации сомнений не вызывает.

Итак, археологически видимые и существенные для нас факты можно отнести к четырем главным категориям.

Общественно-культурные сооружения. Любые объекты сочетают практическую направленность с символической ценностью. Тем не менее в некоторых преобладает утилитарная функция (каналы, сельскохозяйственные террасы и пр.), а в других — символическая. Отделить собственно культурные сооружения от административно-общественных по данным археологии трудно, а часто вообще невозможно. Неизвестно, например, являются ли монументальные здания Урука храмами в узком значении слова или они имели более широкие функции [Gibson 2010: 87]. Сделать подобный выбор бы-

вает трудно и на основе этнографических наблюдений, поэтому определение точного назначения монументальных объектов не является критически важной задачей. В интересующем нас регионе, т.е. в пределах андского пояса Южной Америки и юго-востока Центральной Америки, сохранилась единственная этническая традиция, прямо продолжающая существовавшую до Колумба, — культура североколумбийских коги. Данные о постройках особого статуса, собранные среди коги в середине XX в., и лицах, которые принимают решения, показывают, что эти объекты можно с одинаковым правом именовать деревенскими храмами либо административными центрами, а людей — жрецами либо главами общин [Reichel-Dolmatoff 1975a: 201–202; 1985: 137–141].

Главное, о чем свидетельствуют масштабные общественные работы, — это координация труда многих людей и соответственно наличие больших и достаточно сплоченных коллективов. Сложность представляют оценка времени, ушедшего на создание объектов, и определение той границы, после которой объект следует считать «крупным». Универсальных критериев нет, но в пределах одной культурной традиции даже простое сравнение объемов перемещенного грунта по периодам отражает динамику изменения социальной структуры. Конкретные формы управления коллективами реконструкции в данном случае не поддаются. В качестве свидетельства политической сложности особое место занимает монументальная скульптура, требующая как специальных навыков обработки камня, так и коллективных усилий по транспортировке и установке тяжелых блоков.

Наличие изделий, производство или доставка которых объективно дороги, причем утилитарная полезность соответствующих предметов, если она вообще имеется, не оправдывает затраченного труда. Речь идет о предметах как из редкого сырья (из драгоценных металлов и камней редких пород), так и из доступного сырья. В последнем случае высокая стоимость предметов определяется дефицитом специалистов, способных их изготовить. Это высококачественная керамика, орнаментированные ткани и прочие «предметы искусства», создание которых требует профессиональной квалификации. Сокровища в захоронениях, кладах и жертвенниках свидетельствуют о существовании лиц, облеченных властью («вождей»), поскольку ценностями распоряжаются конкретные люди — по крайней мере де-факто. В то же время границу между «резкими»

и «умеренными» различиями можно установить лишь интуитивно и приблизительно.

Крупные поселения. Жизнь в них при отсутствии современных средств снабжения и санитарии имела очевидные неудобства по сравнению с жизнью в небольших деревнях и хуторах близ сельскохозяйственных и промысловых угодий. Эти минусы должны были перекрываться преимуществами, проистекающими из контактов значительного числа людей. Прямой же контакт многих сотен и тем более тысяч людей предполагает наличие механизмов управления коллективом. Понятно, что никакой определенной границы между крупными и некрупными поселениями установить невозможно. К числу крупных мы будем относить поселения численностью не менее 1,5–2 тыс. человек. Выбор именно этой цифры довольно случаен и обусловлен перерывом постепенности (может быть, кажущимся) в распределении по площади поселений Месопотамии, Ирана и сопредельных районов. На фоне многочисленных деревушек площадью 1–4 га поселения площадью 12–15 га (с вероятным числом обитателей не менее 1,5 тыс.) резко выделяются, образуя верхний ярус двухуровневой системы, а поселения площадью порядка 6–8 га особого уровня, видимо, не образуют. При этом крупные поселения могли существовать и обособленно, не имея тяготеющих к ним деревушек и хуторов.

Трех- и (тем более) четырехуровневая иерархия поселений по размеру и различия в характере сооружений на поселениях разного ранга. Невозможно сказать наверняка, в какой степени системы поселений отражают иерархию в принятии решений в тех или иных древних обществах. Известно, однако, что в тех обществах, где государственная организация заведомо существовала, поселения резко различаются по размеру. Если данные о системах поселений специально собирались, для изучения политогенеза этот признак является основным. Правда классификация поселений по размеру надежна лишь там, где их площадь различается в несколько раз. Так, сделанный в свое время вывод о формировании государства в доурукской Сузиане нельзя считать убедительным, поскольку деление поселений именно на четыре, а не на три ранга в этом случае не является очевидным, а наличие лишь трех рангов свидетельствует скорее о формировании сложного вожества, нежели государства [Джонсон 1986; Johnson 1980; Wright, Johnson 1975]. Другая проблема — оценка размеров поселений при поверхностном обследова-

нии. Так, площадь поселения Гальинасо в долине Вину на севере перуанского побережья около рубежа нашей эры сперва была определена в 1000 га, но более тщательные исследования сократили эту цифру до 40 га [Fogel 1993; Millaire, Eastaugh 2011]. Поэтому следует с осторожностью относиться к результатам исследований, основанных на допущениях и интерполяции.

Таким образом, в работе мы рассматриваем не те общества, в которых существовала надобщинная организация (на этот счет можно лишь строить предположения), а те, для которых имеется хотя бы один из перечисленных четырех показателей: монументальные сооружения, сокровища, крупные поселения, трехуровневая система поселений.

Хотя в рамках всемирной истории важнейший исторический рубеж проходит между догосударственными и государственными обществами, невозможно сказать, в какой мере (если вообще) он ощущался в древности. Ранние прецеденты возникновения собственного государству специализированного управленческого аппарата (благодаря которому, вероятно, только и может сложиться четырех-, а не трехуровневая система соподчинения коллективов, отраженная в соответствующей иерархии поселений и характере общественных зданий) могли остаться лишь эпизодами, если традиция не закрепила их в качестве нормы.

Как давно замечено, в ранних сложных обществах, если они не основаны на горизонтальных связях и имеют определенный властный центр, авторитет этого центра обеспечивается его способностью организовать ритуалы, к которым население ощущает свою причастность. Под ритуалами имеется в виду формализованная коллективная деятельность, не связанная напрямую с производством средств существования и обороной. Ритуалы дороги, и для их организации требуется расширение производства. А чтобы мобилизовать работников для производства, необходимо устраивать все более пышные ритуалы. Выход из порочного круга — признание обществом верховной власти в качестве института, необходимость и очевидная данность которого сомнению больше не подвергаются. Тогда в прогрессирующем усложнении ритуалов отпадает необходимость. Система специализированного управления, воспринимаемая обществом как альтернативная норма, и есть государство [Drennan 1976: 360]. Если конкретная полития распадется, но состояние безвластия будет воспринимается как временное и противоречащее «природе вещей», го-

сударство быстро регенерирует. Это, если можно так выразиться, эмное понимание государства, в отличие от его этных определений, описывающих объективно существующие институты, которые исследователи договорились считать признаками государства [Harris 1979: 53; Pike 1954: 8–28]. Понятно, что об эмных сторонах культуры материалы археологии информации не содержат.

Все без исключения общества, относительно которых обычно предполагается их раннегосударственный уровень и которые этого уровня достигли спонтанно, а не под внешним влиянием, исторических текстов нам не оставили. Таковы Урук VI–IV в Месопотамии, Эрлитоу в Китае, Монте-Альбан и Теотиуакан в Мексике, Мочика в Центральном Андах. В тех же обществах, по которым хотя бы минимальные исторические данные имеются (Месопотамия и Египет начала III тыс. до н.э., иньский Китай, города-государства майя позднего классического периода, не говоря уже об ацтеках и инках), к числу первичных государств не относятся. Поэтому на вопрос, являлись ли государствами те или иные дописьменные общества, дать однозначный ответ в принципе невозможно. В лучшем случае мы можем выявить этные, т.е. внешние, признаки государства. Однако без признания самим обществом государственности как культурной нормы соответствующие формы организации не могли быть стабильными.

* * *

Итак, мы попробуем проследить динамику социополитической эволюции в южной части Нуклеарной Америки и сравнить ее с таковой в Передней Азии. Наш обзор в значительной мере основан на информации, ставшей доступной после 2000 г., и касается преимущественно американских материалов. Переднеазиатские проработаны не столь тщательно. Карты, иллюстрирующие динамику политогенеза в Нуклеарной Америке (см. рис. 76–79), имеют временной шаг в 250 лет. Хронологическая привязка памятников, особенно относящихся к III–I тыс. до н.э., не всегда надежна даже по отношению к столь крупным интервалам. Возможные ошибки вряд ли, однако, значимо отражаются на магистральной тенденции увеличения или уменьшения числа сложных обществ в пределах региона.

Все оценки времени опираются на калиброванные радиоуглеродные даты. Первая из проблем, связанных с их использовани-

ем, — существование периодов (в частности, в I и III тыс. до н.э.), когда разновременные образцы при калибровке дают почти одинаковый результат либо даты по близким по времени образцам в случае незначительной погрешности могут разойтись на столетия [Aurenche et al. 2001: 1201]. Другая проблема — региональные различия для калибровочных кривых. Так, не исключено, что калиброванные даты по Передней Азии на несколько столетий превышают календарный возраст, хотя это спорный вопрос.

Включенная в обзор территория Нового Света охватывает Центральные и Северные Анды и ту часть Центральной Америки, которая с андским регионом на протяжении последних полутора тысячелетий перед конкистой была связана теснее, чем с Мезоамерикой. Именно из андского региона в Панаму и Коста-Рику проникли металлургия золота и меди и некоторые элементы иконографии. Юг и восток Боливии, север Чили и северо-запад Аргентины представляют собой южную периферию Центральных Анд. Сложные общества появились здесь в третьей четверти I тыс. н.э. Они не включены в обзор, поскольку это довольно значительно увеличило бы объем книги. Кроме того, на примере южной периферии Центральных Анд прослеживаются в общем-то те же тенденции, что и на примере обществ Колумбии и Венесуэлы.

Цель книги — осветить вопросы, касающиеся развития обществ, отвечающих определенным социополитическим характеристикам. Другие аспекты культурной эволюции не затрагиваются.

Чтобы отличать названия археологических культур от названий соответствующих им древних государств, первые даны со строчной, а вторые, как и названия памятников, — с заглавной буквы.

Глава 1 СЕВЕР ЦЕНТРАЛЬНЫХ АНД В III–I ТЫС. ДО Н.Э.

Самые ранние сложные общества Нового Света возникли 5,5–4,5 тыс. лет назад на побережье Перу. Их экономика была основана на морском рыболовстве (особенно ловле анчоусов), добыче съедобных моллюсков и выращивании разнообразных сельскохозяйственных культур в поймах рек [Quilter et al. 1991; Vega-Centeno 2010]. Эти продукты обменивались, так что рыба составляла основу белковой пищи даже в некоторых поселениях, удаленных от моря на десятки километров.

В отдельных районах побережья Перу и прилегающих к побережью предгорий существенной отраслью хозяйства земледелие стало не позже VI тыс. до н.э. [Dillehay et al. 2010]. Культурные виды, зафиксированные здесь в VI–IV тыс. до н.э., в других районах Южной Америки появились еще в IX–VIII тыс. до н.э. [Clement et al. 2010: 92; Dillehay et al. 2012: 68; Erickson et al. 2005; Pearsall 2008: 110; Piperno 2011: 276; Piperno, Pearsall 1998: 314]. Речь идет о первых попытках выращивания растений, которые следует, разумеется, отличать от полноценного земледелия. Прошло много времени, прежде чем продукты земледелия заняли в пищевом рационе ведущее место. Что касается побережья Тихого океана в III тыс. до н.э., то здесь в это время земледелие не только вполне обеспечивало людей углеводами, но и повышало эффективность рыболовства: на полях выращивали хлопок и тыкву-горлянку для изготовления сетей и поплавков. Существенно, что участок акватории, близ которого открыты самые ранние памятники общественно-культурной архитектуры, обладает наибольшими рыбными ресурсами в регионе [Moseley 1992b].

Первые оседлые поселения на побережье Перу возникли в VI–V тыс. до н.э. В середине IV тыс. произошел переход от небольших скоплений круглых в плане хижин из жердей, тростника и других органических материалов к крупным агломерациям прямоугольных помещений, возведенных из камня и глины [Chu Barger 2011: 42–49]. Этот период остается наименее изученным, поэтому появление монументальной архитектуры в III тыс. до н.э. выглядит пока неожиданным и внезапным.

Рис. 1. Упомянутые в тексте долины перуанского побережья

Древнейшим монументальным центром Центральных Анд считается Сечин-Бахо в долине Касма (рис. 1, 11), где самое раннее, неоднократно перестраивавшееся сооружение датируется второй половиной IV тыс. до н.э. [Fuchs et al. 2009; Fuchs, Patzschke 2013: 74–78; Zick 2011: 34–37]. Внутри платформы площадью 50×20 м находится круглая площадь поперечником около 15 м, поверхность которой углублена на 2,5 м ниже поверхности платформы. Такого рода углубленные площади затем надолго остаются характерны для перуанской общественно-культовой архитектуры. Сохранившаяся на 2–2,5 м в высоту платформа Сечин-Бахо была частично разрушена более поздними сооружениями и ее первоначальная высота не известна. Гораздо обильнее данные о памятниках района Норте-Чико — участка побережья протяженностью 50 км в 150–200 км к северу от Лимы, где расположены долины Супе, Уаура, Пативилька и Форталеса (рис. 2). Анализ обнаруженных здесь при раскопках копролитов показал, что в конце III тыс. до н.э. главным источником белков были анчоусы, а углеводов — батат и особенно кукуруза [Haas et al. 2013]. Для местной культуры характерны общественно-культурные сооружения из глины и камня объемом перемещенного грунта не менее 10–15 тыс. куб. м [Creamer et al. 2007; Haas, Creamer 2006; Ortloff, Moseley 2012; Shady Solís 2006a; 2006b; Zick 2011: 20–33].

Большинство монументальных сооружений Норте-Чико относятся к середине III — началу II тыс. до н.э. Гораздо более ранние даты были получены для Бандурриа — небольшого поселения с общественно-культовой архитектурой, расположенного недалеко от берега океана, к югу от устья реки Уаура (рис. 2) [Creamer et al. 2007: 4; Fung 1988]. Однако масштабные раскопки этого памятника показали, что Бандурриа являлось периферийным поселением. Хотя оно и было основано еще в конце IV тыс. до н.э., монументальная общественно-культовая архитектура появилась там лишь в первых веках II тыс. до н.э. (рис. 3 нижн.) [Chu Barrera 2011: 228–229]. В III тыс. до н.э. в Бандурриа имелись лишь крохотные культовые помещения, для возведения которых значительной трудовой кооперации не требовалось. На сегодняшний день появление первых монументальных объектов в Норте-Чико можно относить ко второй четверти III тыс. до н.э. Их наличие для периода между 3500 и 2750 до н.э. остается под вопросом. Монументальный комплекс Уака-де-лос-Идолос в Асперо (рис. 6.1) мог быть построен раньше, но полученные там даты имеют большой разброс — от середины

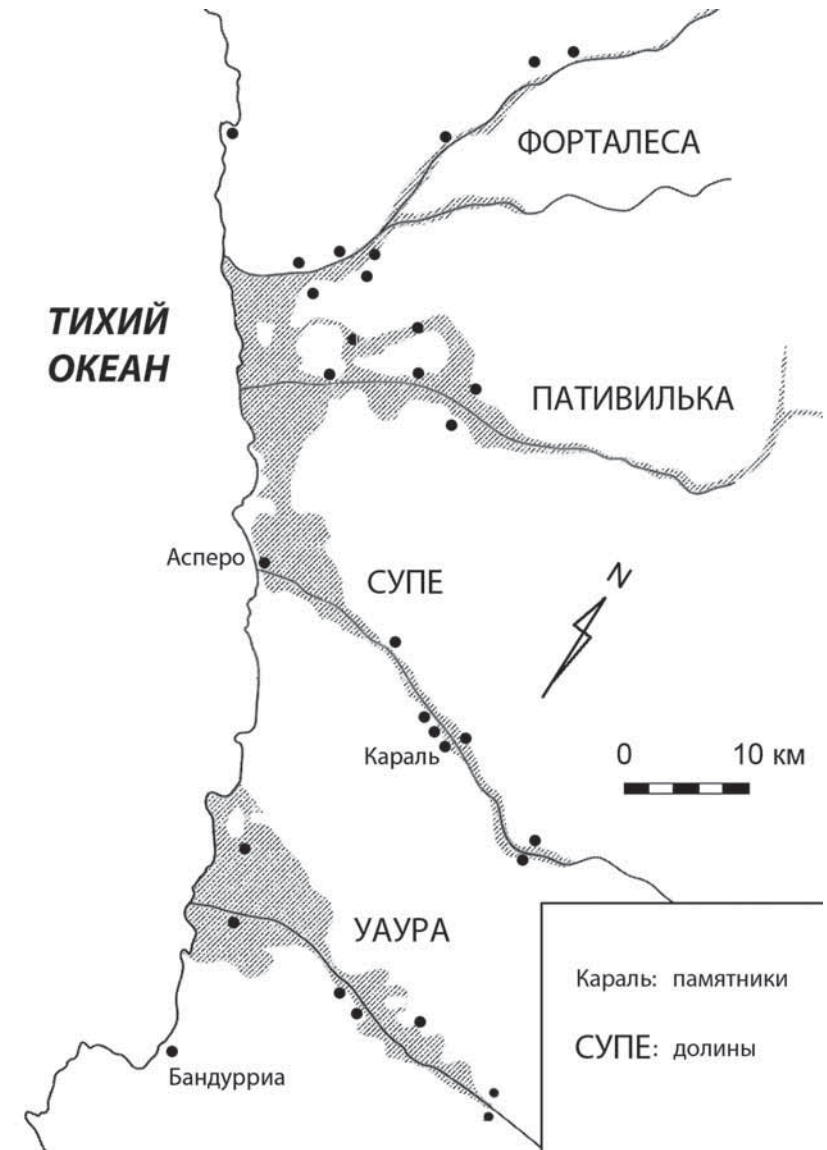

Рис. 2. Норте-Чико. Точками обозначены памятники III тыс. до н.э. с достоверно известной или вероятно имевшейся общественно-культовой архитектурой, по [Haas, Creamer 2006, fig. 1]

IV до середины III тыс. до н.э. [Feldman 1983: 292; 1985: 76–77]. Существует также гипотеза, согласно которой первые прибрежные храмы хотя и были построены еще в конце IV тыс. до н.э., однако затем наступил двухсотлетний период активных эль-ниньо, вызвавший демографический и социополитический кризис [Sandweiss et al. 2007]. Чтобы проверить это предположение, необходимо надежно датировать гораздо большее число памятников, чем сейчас.

Среди памятников Норте-Чико лучше других изучен Караль — самый крупный (66 га) в кластере из десятка подобных поселений в долине Супе (рис. 3 верхн.). В этой же части долины расположены еще три скопления памятников, на которых монументальная архитектура, скорее всего, имела [Shady Solís 2006a; 2006b]. Во второй половине III тыс. до н.э. поселения в Супе и соседних долинах Норте-Чико могли образовывать этнополитическую общность типа рыхлой конфедерации десятков крупных общин совокупной численностью 10–15 тыс. человек. Однотипная монументальная архитектура представлена как на прибрежных, так и на удаленных от моря поселениях, свидетельствуя против иерархической организации в масштабах всего ареала [Pozorski, Pozorski 2008a: 611].

Данных о военной активности для Норте-Чико нет. Материальная культура очень бедна, инвентарь погребений скуден и однообразен. Обладание некоторыми предметами вроде найденного в Бандурриа ожерелья из обработанных камней красноватого цвета [Chu Barrera 2011, fig. 156] может свидетельствовать об особом статусе отдельных лиц, но объективная стоимость производства таких изделий невысока и трудовой кооперации не требует. Важным и значимым свидетельством усложнения социальной структуры в Норте-Чико служит именно монументальная архитектура — результат долговременной координации действий десятков и сотен людей. Кроме того, обилие явно культовых и каноничных фигуративных изображений на тканях (рис. 4.4–8) указывает на существование контролировавших культовую сферу специалистов. Подобные специалисты бывают и в просто организованных обществах. Поскольку, однако, как стиль, так и сюжеты изображений перекликаются с характерными для Перу последующих тысячелетий, сообщество религиозных специалистов III тыс. до н.э., скорее всего, уже представляло собой устойчивую корпорацию, передававшую традиции из поколения в поколение. Помимо изображений на тканях, можно особо отметить найденный в Норте-Чико фрагмент калекбасы, на котором тоже показан какой-то

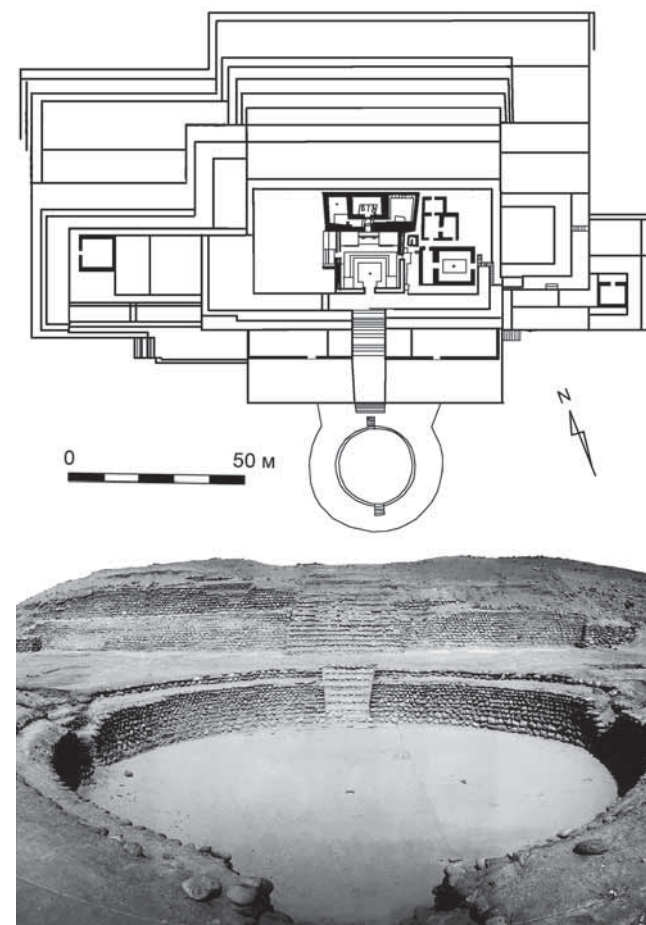

Рис. 3. Древнейшие общественно-культовые сооружения Норте-Чико. Вверху: план храма в Караль, долина Супе, вторая четверть или середина III тыс. до н.э., по [Shady Solís 2006a, fig. 2.4]. Внизу: вид на раскопанный монументальный комплекс в Бандурриа, долина Уаура, начало II тыс. до н.э., по [Chu Barrera 2011, fig. 138]. Размеры комплекса 60×30×10 м. Круглая, реже прямоугольная площадь, углубленная ниже уровня окружающей поверхности, — характерная особенность общественно-культовых сооружений на севере Перу в III–I тыс. до н.э. и в бассейне Титикаки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. (ср. рис. 18 и 39). Весьма вероятно, что, подобно святилищам кива у индейцев пуэбло [Parsons 1939], она символизировала подземное вместилище, из которого люди вышли в наш мир

мифический персонаж (рис. 4.1). Сходный образ встречается в иконографии североперуанских культур чавин и куписнике (1500–500 до н.э.), равно как и в более поздних традициях (рис. 4.2, 3).

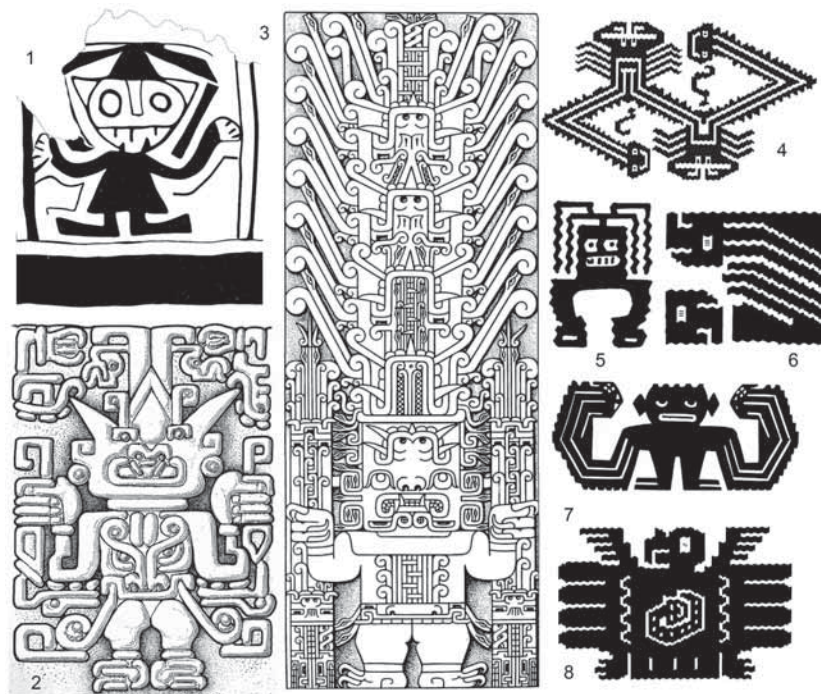

Рис. 4.1–3. Персонаж анфас с жезлами в руках, ср. рис. 47.

- 1) На калбасе из долины Пативилька, Норте-Чико, III тыс. до н.э., по [Creamer et al. 2007, fig. 32].
- 2) На золотом кубке из долины Хекетепеке, конец II — начало I тыс. до н.э., по [Carrión Cachot 1948, fig. XVIII.4].
- 3) На так называемой стеле Раймонди из Чавин-де-Уантар, первая половина I тыс. до н.э., по [Burger 1995, fig. 176].
- 4–8) Изображения середины — второй половины III тыс. до н.э. из Уака-Приеты (4–6, 8) и Ла-Гальгады (7), по [Bird 1963, 4, 6, 7; Burger 1995, fig. 16].

В горных районах северного Перу сооружение первых небольших, но уже возведенных из камня общественно-культурных построек началось на рубеже IV–III тыс. до н.э. Скопления синхронных святилищам обитаемых круглогодично жилых домов (т.е. оседлых

деревень) для этого времени в горных районах нет, хотя, возможно, они просто не выявлены. Называть сложными общества первой половины III тыс. до н.э. пока нет оснований. Сами древнейшие сооружения, обнаруженные на поселении Пируру в бассейне Мараньон, невелики и имеют не более 2,5 м в диаметре [Bonnier 1988; Bonnier, Rosenberg 1988]. Однако во второй половине этого тысячелетия значительные по размеру общественно-культурные сооружения, свидетельствующие о наличии властных центров, в горах появились [Burger, Salazar-Burger 1980; 1985; 1986; Fung Pineda 1988; Kano 1971; Onuki 1993]. Совокупность подобных центров именуют традицией мито, или «религиозной традицией котош» [Montoya Vera 2007]. Характерной особенностью являются помещения с вентиляционной шахтой под полом, которая ведет к очагу (рис. 5). На побережье такие же помещения найдены в Касме и реже в более северной долине Хекетепеке [Pozorski, Pozorski 1993: 46, 58–59; 1996]. Люди собирались в тесной и жаркой комнате, возможно, напомилавшей ритуальную парильню (sweat-house) индейцев Мексики и Северной Америки. Хотя в подобном действе одновременно могли принимать участие лишь несколько человек, объекты нередко расположены в пределах больших монументальных комплексов. По-видимому, речь идет о ритуалах, доступ к которым был привилегией местной элиты.

Жевание листьев коки вместе со специально приготовленной для этого известью, обеспечивающей выделение алкалоидов, отмечено на побережье Перу уже для VI–V тыс. до н.э. [Dillehay, Rossen, Netherly 1997; Dillehay et al. 2010] (см. стр. 143). Об использовании сильных наркотиков-галлюциногенов данных для столь раннего времени нет, но со II тыс. до н.э. их употребление, несомненно, являлось важным элементом ритуалов с участием лиц, занимавших властные позиции (см. рис. 19 и 45). Это касается как средне-масштабных обществ II–I тыс. до н.э., так и крупных политических образований I тыс. н.э. [Berenguer 1985; 1987; Burger 2008: 687–688; 2011; Cordy-Collins 1977; Isbell, Knobloch 2006; Knobloch 2000]. Во II–I тыс. до н.э. для приготовления галлюциногенов служили каменные ступки, на внешней поверхности которых изображены мифические персонажи. Традиция изготовления таких ступок зарождается в Эквадоре в III тыс. до н.э. (рис. 19.2) [Peterson 1984; Vega-Centeno 1998, fig. 5; Zeidler 1988].

В III тыс. до н.э. как в горных районах, так и на побережье северного Перу источником власти элиты были, по всей вероятности,

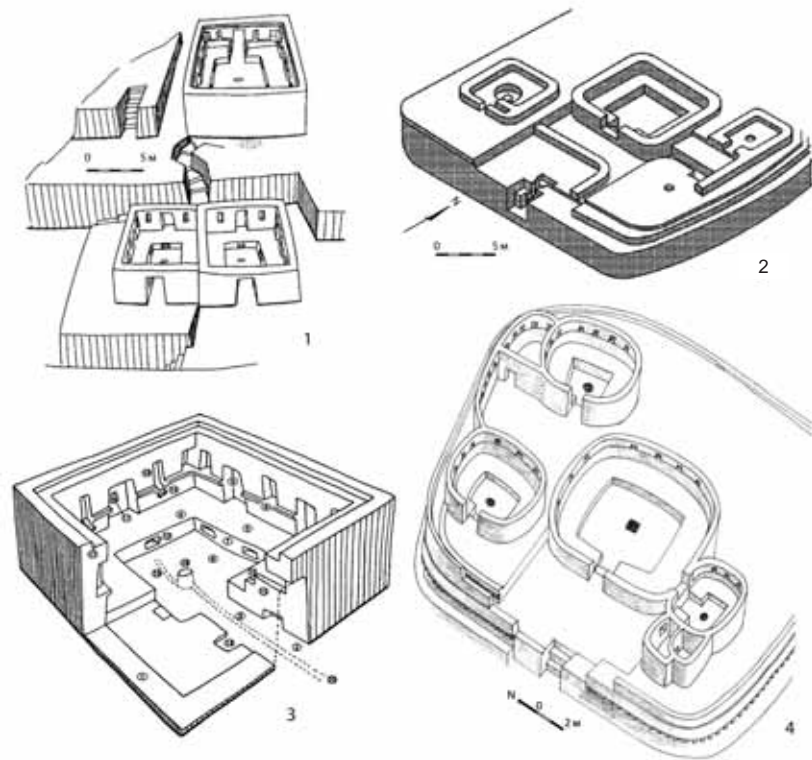

Рис. 5. Общественно-культурные постройки традиции мито второй половины III тыс. до н.э.

Характерны группы святилищ, включающих одно главное и расположенные рядом с ним меньшие по размеру, очаги с вентиляционной шахтой под полом, забутовка более ранних святилищ и возведение новых на образовавшейся платформе.

1, 2) «Храм скрещенных рук», средний строительный горизонт периода мито, поселение Котош в верховьях Уальяги. Пунктиром обозначены вентиляционные шахты под полом, по [Onuki 1993, fig. 3, 4].

3) Эль-Силенсио, среднее течение Санты, по [Montoya Vera 2007, fig. 10].

4) Ла-Гальгада, долина Таблачаки, правого притока Санты, по [Grieder, Bueno Mendoza 1985, fig. 10]

монополия на сакральное знание и контроль за дальним обменом престижными ценностями. На нескольких памятниках, в частности в Бандурриа и Асперо, найдены дисковидные бусы из эквадорских

раковин [Chu Barrera 2011, fig. 34; Feldman 1987: 13], а в Ла-Гальгаде — крупнейшем центре традиции мито, расположенном на пути с побережья в горы, — как аналогичные диски, так и перья птиц из Амазонии [Grieder, Bueno Mendoza 1985].

Во второй четверти II тыс. до н.э. памятники с монументальной архитектурой в Норте-Чико исчезают. Изменение контура береговой линии под влиянием эль-ниньо могло привести к оскудению морских ресурсов и сокращению площади пригодных для обработки земель в дельтах рек, но было ли это единственной причиной ухода жителей из этих долин, сказать трудно [Ortloff, Moseley 2012]. Региональными лидерами с начала II тыс. становятся долины Центрального побережья в районе Лимы (культура манчан) [Tukot et al. 2006] и некоторые долины Северного побережья, прежде всего уже упомянутая долина Касма (культура мохеке; рис. 9–11).

В долине Чильон, неподалеку от Лимы, монументальное строительство началось в последней четверти III тыс. до н.э. Более ранняя дата получена для объекта IV в комплексе Эль-Параисо, расположенного в 2 км от моря, близ устья реки (карта 2 на рис. 76). Эта дата указывает на середину III тыс. до н.э., но с монументальной архитектурой не связана. Общая площадь памятника — 58 га. Две самые большие платформы расположены на противоположных сторонах площади и имеют 300 м в длину. Эль-Параисо сильно разрушен в ходе современного освоения территории, так что определить, какие постройки относятся к концу III, а какие к началу II тыс. до н.э., трудно, но в целом памятник функционировал не более двух, максимум четырех, веков [Moore 1996: 30–32; Quilter 1991: 417–419; Quilter et al. 1991]. Жилых остатков найдено очень мало.

Как и все более поздние монументальные комплексы, существовавшие на Центральном побережье Перу на протяжении II тыс. до н.э., платформы Эль-Параисо вытянуты с юга-юго-запада на север-северо-восток. В этом смысле монументальные центры II тыс. до н.э. продолжают заложенные в Эль-Параисо традиции. Однако, по сравнению как с этими центрами Центрального побережья, так и с комплексами долины Касма, Эль-Параисо — относительно небольшой памятник. Если для его возведения потребовалось, по оценкам, 1,9 млн человеко-дней, то трудовые затраты для возведения комплекса Ла-Флорида в долине Римак были в 3,5 раза более значительными [Patterson 1985; Quilter 2010: 23]. Скорее всего,

возвышение Ла-Флориды началось после оставления Эль-Параисо, поскольку в Ла-Флориде найдено некоторое количество керамики, а в Эль-Параисо ее нет совсем.

Объем кладки Ла-Флориды намного превышает объем кладки зиккурата в древнем Уре (рис. 6). Среди сооружений II тыс. до н.э. на побережье Перу есть и более значительные, в частности Сечин-Альто в Касме и Сан-Хасинто (он же Уандо) в долине Чанкай [Fung Pineda, Williams León 1977: 112–116; Patterson 1985; Stanish, Harley 2004: 63–64; Williams León 1980: 107–109]. Но если Ур-Намму и Шульги в конце III тыс. до н.э. опирались на ресурсы многомиллионной Месопотамии, то в перуанских долинах население измерялось всего лишь тысячами. Политии, включавшие несколько долин, вряд ли существовали, поскольку в большинстве долин постоянно действовал как минимум один крупный центр. В Касме их, видимо, было два, а на берегу океана южнее устья реки находился еще один — Лас-Альдас (рис. 11). В долине Лурин к югу от Римак на протяжении II тыс. до н.э. существовал комплекс Мина-Пердида, который был основан одновременно с Ла-Флоридой или чуть позже. Оба комплекса строились долго — в разрезе кладки Мина-Пердида прослеживается более 30 строительных эпизодов, а Ла-Флорида, по словам археологов, в разрезе «похожа на луковицу» [Burger 1995: 60–61; Patterson 1985: 59]. Во второй половине II тыс. до н.э. в Лурин функционирует комплекс Кардаль, а в Римак — Гарагай. Размеры центральной платформы Кардаля — 145×60×17 м, при этом в выявленных по соседству домах вряд ли жили более трех сотен людей [Burger, Salazar-Burger 1991]. Размеры центральной платформы Гарагая — 385×125×23 м (более 300 тыс. куб. м), но жилой застройки рядом не замечено, и строители, видимо, приходили из разбросанных по долине деревушек и хуторов [Ravines 1975; Ravines et al. 1982; Ravines, Isbell 1975].

У специалистов, привыкших иметь дело с памятниками Передней Азии, размеры перуанских сооружений общественно-культурного характера, равно как и большое число подобных комплексов в пределах ограниченной территории, вызывают удивление, поскольку не соответствуют вероятной численности строителей. Понятно, что далеко не все поселения III–II тыс. до н.э. выявлены, небольшие жилища в зоне современного орошения могли исчезнуть бесследно. Однако нет оснований полагать, что обследования дают в корне ошибочные оценки площади жилой застройки.

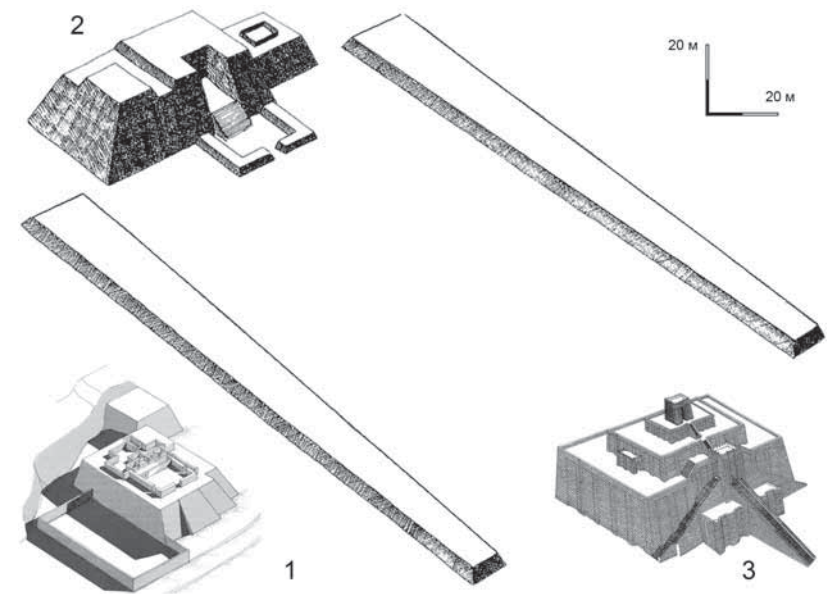

Рис. 6. Сравнительные размеры древних монументальных сооружений.
1) Асперо, Норте-Чико, долина Супе, ок. 2750 до н.э., по [Bonavía 1991, fig. 17].
2) Ла-Флорида, долина Римак, ок. 2000 до н.э., по [Patterson 1985, fig. 3].
3) Большой зиккурат Ура, ок. 2100 до н.э., по [Roaf 1990: 102–103]

В 1980-х годах картографирование памятников в пределах прибрежной части крупной долины Санта позволило с высокой вероятностью оценить демографическую динамику этого оазиса. Оказалось, что даже в периоды наиболее успешного развития в начале и конце I тыс. н.э., т.е. в эпоху сложных вожеств и государств, здесь жило 30 и 35 тыс. человек соответственно [Wilson 1989: 196, 258, fig. 161]. Ни для одной долины перуанского побережья, кроме, может быть, самых северных, где площадь орошаемых земель наибольшая, оценки числа обитателей выше 50 тыс. человек в любую эпоху до испанского завоевания совершенно нереальны. Для периодов ранее рубежа нашей эры они от этих предельных значений наверняка оставались очень далеки. Супруги Ш. и Т. Позорски, исследовавшие ранние политии Касмы, полагают, что во II тыс. до н.э. здесь жило 2,5–3 тыс. человек [Pozorski, Pozorski 1994: 70; Stanish 2001: 50].

Что касается Норте-Чико, с которого начался этот обзор, то в III тыс. до н.э. число обитателей отдельных районов, где были сосредоточены монументальные сооружения, измерялось скорее сотнями, чем тысячами людей. Как говорилось (рис. 3), важнейшим элементом планировки в комплексах Норте-Чико являлась углубленная на 1–3 м круглая площадь, с которой на вершину платформы вела лестница. Такие площади могли вмещать 100–150 человек — скорее всего, всех взрослых мужчин [Landry 2008: 144]. В этом случае число членов общин, включая детей и женщин, должно было составлять от 400 до 700 человек. В Карале углубленных площадей две, так что число жителей могло превышать 1 тыс. чел. Этой оценке соответствует и площадь жилой застройки — порядка 12–14 га, при том что общественно-культурные сооружения занимали четвертую большую территорию [Ortloff, Moseley 2012, fig. 3].

Р. Шейди предположила, что обитатели Карала использовали людские или продовольственные ресурсы не только долины Супе, орошаемой небольшой пересыхающей речкой, но и более многоводной Пативильки [Shady Solís 2006a: 62]. Однако в самой Пативильке также были обнаружены синхронные Каралу памятники общественно-культурной архитектуры [Creamer et al. 2007]. Это значит, что на строительстве каждого комплекса, скорее всего, работали одновременно лишь немногие сотни или даже десятки людей. Не исключено, таким образом, что в III–II тыс. до н.э. на побережье Перу трудовые затраты на строительство монументальных сооружений по сравнению с числом обитателей этих центров превышали соответствующие показатели для большинства других древних обществ.

Вместе с тем расчеты показывают, что перуанские храмовые комплексы как III, так и II тыс. до н.э. могли быть возведены усилиями небольших трудовых команд, если те работали регулярно, — в зависимости от числа рабочих дней в году на возведение даже крупных объектов требовались немногие десятилетия или даже годы [Bonavía 1991: 197–198]. В частности, аргументированные выкладки сделаны для монументальных комплексов второй половины II — начала I тыс. до н.э. в долине Моче (рис. 7).

Монументальные объекты в Моче за время жизни одного поколения были вполне способны возвести две с половиной сотни работников при участии нескольких специалистов. Если весь коллектив насчитывал 1,5 тыс. человек, такая нагрузка не выглядит

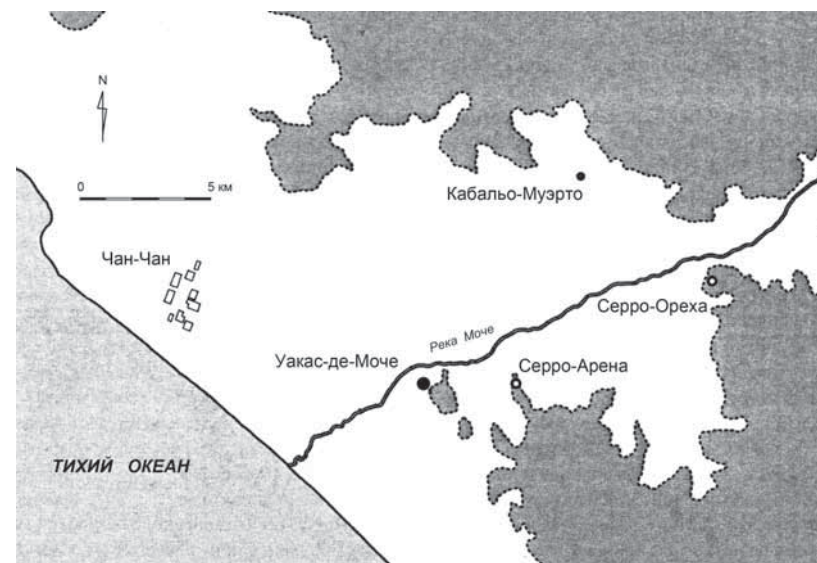

Рис. 7. Упомянутые в тексте памятники низовьев долины Моче: Кабальо-Муэрто (1500–900 до н.э.), Серро-Арена (400–200/0 до н.э.), Серро-Ореха (200 до н.э. — 300 н.э.), Уакас-де-Моче (200–700/850 н.э.), Чан-Чан (900–1475 н.э.), по [Lockard 2009, fig. 1]

чрезмерной [Pleasant 2009: 189–196; Pozorski 1980]. Скопление памятников середины II — начала I тыс. до н.э. в низовьях долины известно под названием Кабальо-Муэрто [Pozorski 1980]. Полностью выявлена планировка основной части комплекса Уака-де-лос-Рейес площадью 120×100 м и высотой 18 м (рис. 8). Другое монументальное сооружение комплекса Кабальо-Муэрто, Уака-Кортада, имеет размеры 102×80×20/21 м [Nesbitt et al. 2008: 265]. Таким образом, размерами эти монументальные комплексы напоминают синхронные им Кардаль и Гарагай на Центральном побережье. При этом шурфовка показала, что значительная территория в пределах Кабальо-Муэрто была застроена жилыми домами, остатки которых ныне перекрыты двух- и даже четырехметровым слоем аллювиальных отложений [Nesbitt 2012; Nesbitt et al. 2008: 262]. Не исключено, что жилая застройка еще будет обнаружена и близ тех перуанских комплексов, где она пока не замечена. Тем не менее речь все же идет о сотнях, а не о многих тысячах людей.

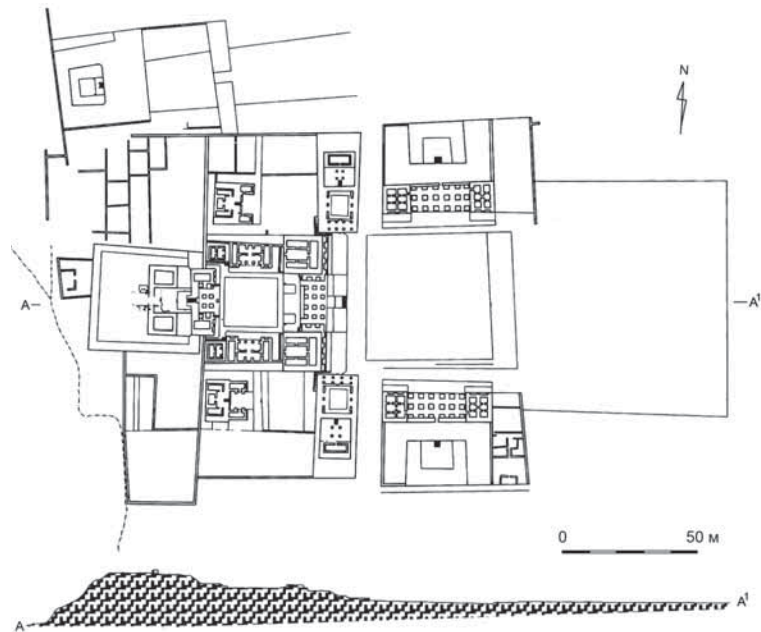

Рис. 8. План и разрез комплекса общественно-культурных сооружений Уака-де-лос-Рейес в долине Моче, вторая половина II тыс. до н.э., по [Pozorski 1980, fig. 1]

Размеры самых крупных сооружений II тыс. до н.э. предполагают на порядок большие трудовые затраты, чем вычисленные для Уака-де-лос-Рейес. Во II тыс. до н.э. столицей одной из двух политий Касмы, вероятно, была Пампа-де-лас-Льямас — Мохеке, занимавшая, как и Кабальо-Муэрто, площадь 2 кв. км, но отличающаяся более значительной величиной монументальных платформ. Так, платформа Уака Мохеке имеет 170×160 м в основании при высоте 30 м (рис. 9). Размеры главной платформы другого монументального сооружения Касмы, Сечин-Альто, составляют $300 \times 250 \times 44$ м, а весь комплекс общественно-культурных сооружений протянулся в длину на более чем километр [Pozorski 1987: 21]. На позднем этапе строительства в облицовке платформ использовалась циклопическая каменная кладка (рис. 10). Понятно, что уже сами по себе доставка и укладка крупных каменных блоков являлись делом исключительно трудоемким.

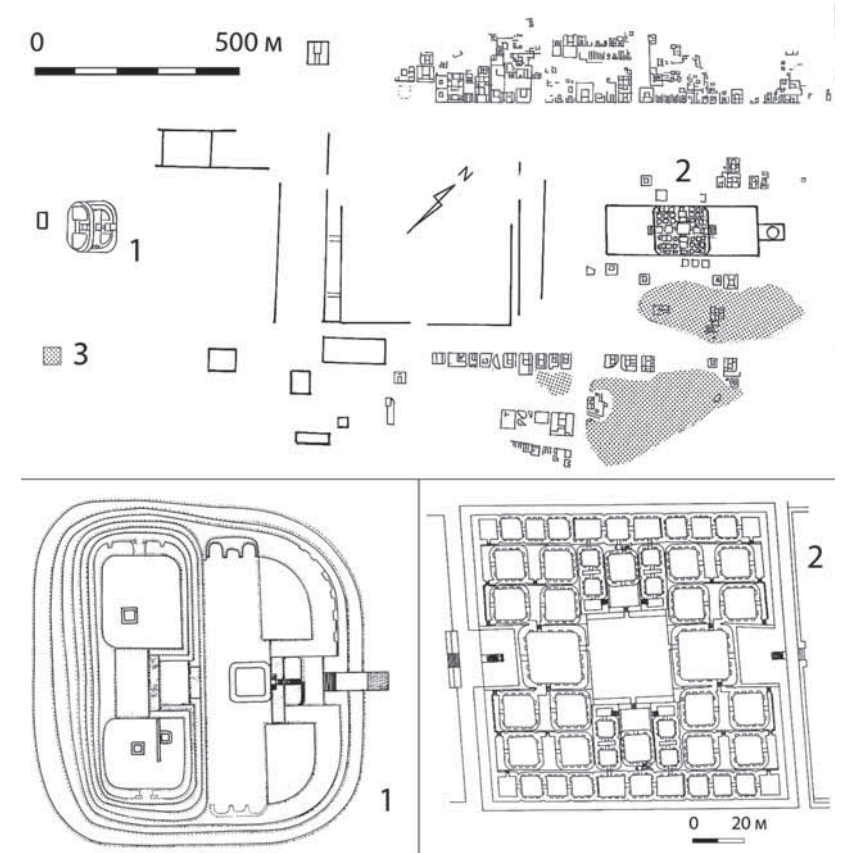

Рис. 9. Схема расположения сооружений в Пампа-де-лас-Льямас — Мохеке, вероятной столице протогосударственного образования в долине Касма в середине II тыс. до н.э.

- 1) Уака Мохеке (на основном плане и слева внизу).
- 2) Помещения на верхней платформе комплекса, известного как Уака А в Пампа-де-лас-Льямас (на основном плане и справа внизу). Предполагается, что эти помещения являлись хранилищами.
- 3) Скопления рядовых жилищ в Пампа-де-лас-Льямас, по [Burger 1996, fig. 64, 65; Pozorski, Pozorski 2008a, fig. 31.10]

Тем не менее если работы продолжались десятилетиями, коллективы, состоящие пусть и не из нескольких сотен, то по крайней мере из несколько тысяч человек, возвести подобные сооружения

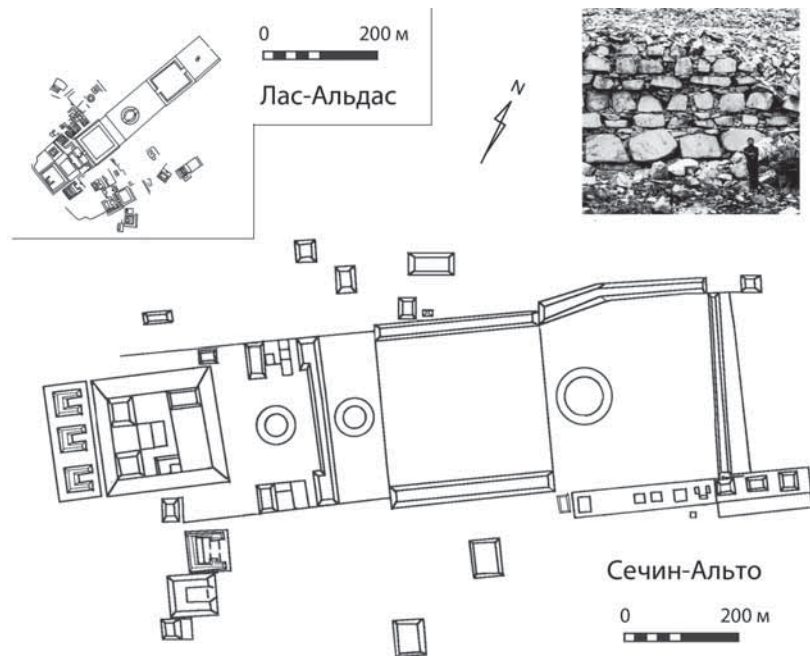

Рис. 10. Планы Лас-Альдас (долина Касма) и Сечин-Альто (побережье Перу к югу от устья Касмы), по [Moore 1996, fig. 2.16; Pozorski 1987, fig. 3; Pozorski, Pozorski 2006, fig. 2, 4].

Справа сверху: циклопическая кладка платформы Сечин-Альто, по [Burger 1995, fig. 63]

были способны. Существенные различия между отдельными комплексами касаются, однако, не только их размеров, но и структуры. В культуре манчан уже упоминавшийся монументальный комплекс Ла-Флорида (рис. 6), а также в четыре раза больший его по размеру, но плохо изученный Сан-Хасинто выделяются главным образом своими масштабами. Что же касается Касмы, то для этой долины характерны не только чудовищные размеры монументальных платформ, но и разнообразие типов и форм сооружений, а это может отражать разнообразие административных функций [Pozorski, Pozorski 2008a: 618–619].

Были ли в системе управления политик Касмы признаки, характерные для государств, сказать невозможно. В отношении

вероятных затрат труда, потребовавшихся для возведения Сечин-Альто, этот комплекс сопоставим с крупнейшими монументальными объектами в тех обществах Нового Света, для которых наличие государственной организации в высшей степени вероятно, в частности с Уака-дель-Соль и Уака-Форталеса (рис. 24, 26). В отношении Касмы допустимо лишь утверждать, что среди всех обществ Центральных Анд ранее рубежа нашей эры общество Касмы должно было быть самым развитым.

Может быть, неслучайно именно в Касме вроде бы были выявлены следы крупномасштабных военных действий, закончившихся разрушением как Пампа-де-дас-Льямас — Мохеке, так и Сечин-Альто. Супруги Т. и Ш. Позорски предположили, что политический центр противников обитателей Касмы находился южнее долины на побережье Тихого океана в Лас-Альдас (рис. 11) и что где-то в конце XIV в. до н.э. после одержанной победы именно эти люди воздвигли на вражеской территории комплекс Серро-Сечин,

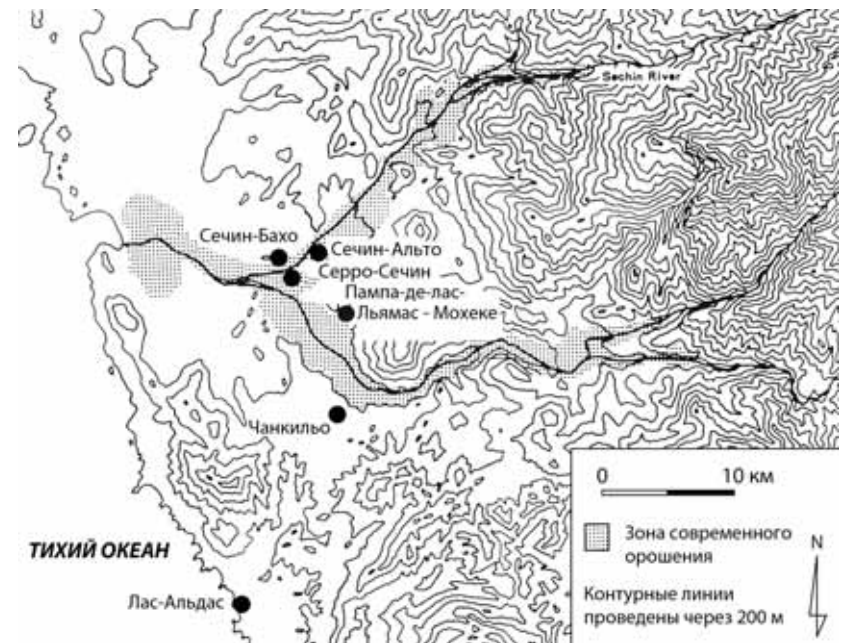

Рис. 11. Упомянутые в тексте памятники долины Касма III–I тыс. до н.э., по [Pozorski 1987, fig. 1]

точнее, обнесли монументальной оградой с рельефами более раннее находившееся там святилище [Pozorski, Pozorski 2006]. Эта реконструкция основана в том числе на идентичности деталей одежды у персонажей на монументальной глиняной скульптуре из Мохеке и одежде казнимых пленников на рельефах из Серро-Сечин [Kauffmann Doig 1980: 182; Pozorski, Pozorski 2008b: 121].

Реконструкция подробностей политической и военной истории по археологическим данным всегда гипотетична, и случай с Лас-Альдас, Мохеке и Серро-Сечин — не исключение. Реконструкция супругов Позорски подверглась недавно разгромной критике, а рельефы Серро-Сечина отнесены к первой четверти II тыс. до н.э. [Bischof 2009; Fuchs, Patzschke 2013: 80–81]. Эти рельефы изображают вооруженных воинов рядом с расчлененными и выпотрошенными телами пленников (рис. 12) [Kauffmann Doig 1979; 1980: 166–195; Samaniego et al. 1985]. Сюжетно данная композиция более всего напоминает изображения гораздо более поздней культуры мочика (гл. 2). Как в мочика, так и в Серро-Сечин кровавые ритуалы, видимо, не были связаны с представлениями о плодородии растений, что — судя по данным археологии и иконографии — было типично для культур паракас и наска на юге Перу (гл. 4) [Nieves 2009; Silverman 1993: 218–226]. По мнению большинства исследователей, политическая организация мочика достигла уровня государства, и даже возражающие против использования в данном случае соответствующего термина [Quilter 1913: 587; Quilter, Koons 2012] вряд ли стали бы оспаривать статус данного общества как «аналога государства». Что же касается паракас и наска, то эти общества наверняка были устроены проще. Хотя параллели в области иконографии и ритуала сами по себе не свидетельствуют о сходстве политической организации перуанских обществ II тыс. до н.э. и общества мочика, они делают вероятным наличие между ними идеологической преемственности.

Помимо различий в масштабах монументальных сооружений, общественно-культурные комплексы II тыс. до н.э. в отдельных районах Северного и Центрального побережья Перу отличаются планировкой. Наиболее характерны два решения — U-образное расположение платформ вокруг главной площади, как в Ла-Флориде и других центрах культуры манчан и в Уака-де-лос-Рейес (рис. 6, 8), либо линейное расположение платформ и дворов, как в Лас-Альдас и Сечин-Альто (рис. 10). Тем не менее в разных долинах общественно-культурные сооружения имеют все же много общего и относятся

Рис. 12. Фасад храма Серро-Сечин, ок. 1300 либо ок. 1800 до н.э., долина Касма. Вверху: схема расположения рельефов, изображающих воинов и пленников, по [Kauffmann Doig 1980: 171]. Внизу: изображения искаленных тел и фрагментов тел на фасаде, по [Horitobi 1983]

к одной традиции. Для всех комплексов характерны осевая симметрия и сочетание небольших отгороженных от постороннего глаза святилищ и обширных дворов. Примером сходства элементов декора в оформлении монументальных объектов, принадлежащих

разным локальным вариантам культуры, служат гигантские глиняные головы, характерные как для Уака-де-лос-Рейес в Моче, так и для Мохеке в Касме (рис. 13).

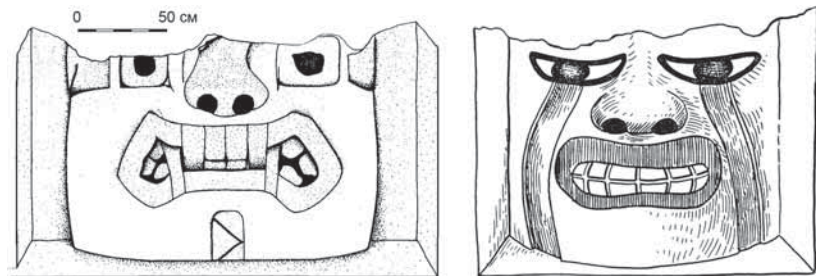

Рис. 13. Гигантские глиняные головы в основании монументальных платформ в Уака-де-лос-Рейес (слева) и Мохеке (справа), долины Моче и Санты, вторая половина II тыс. до н.э., по [Pozorski 1980, fig. 3; Tello 1956, fig. 31]

Совокупное время существования перуанских культур данного типа составляет не менее 2,5 тыс. лет, но время существования отдельных центров измерялось столетиями. Некоторые комплексы, в частности Лас-Альдас и Ла-Гальгада, могли использоваться на протяжении тысячи лет [Grieder, Bueno Mendoza 1985; Pozorski, Pozorski 2006], но функционировали ли они непрерывно и какие размеры имели вначале, неясно.

В начале I тыс. до н.э. все общественно-культурные центры побережья Перу были покинуты (ср. карты 7 и 8 на рис. 77). Наиболее вероятной причиной этих событий стали климатические изменения, приведшие к более частым и разрушительным, чем прежде, эль-ниньо, и, возможно, крупные цунами [Bird 1987; Elera Arévalo 1999: 273–274; Sandweiss et al. 2007]. Некоторое время была не ясна датировка общественно-культурного центра Серро-Бланко в долине Непенья, расположенного в 16 км от моря, — стиль найденных там изображений позволял относить их то ли к концу II — началу I тыс. до н.э. [Daggett 1987: 121], то ли к середине I тыс. до н.э. [Vega-Centeno 2000], но сейчас подтвердилась именно ранняя датировка [Opuki 2013: 51]. Монументальный центр Палька в соседней долине Касма может относиться как раз к периоду оставления прибрежных храмов, однако сам он хотя и расположен лишь в 35 км от берега океана, однако на высоте 900 м [Burger 1995: 85; Diessl 1989: 71, fig. 55].

Так или иначе, но культурная традиция в большинстве районов северного Перу в начале I тыс. до н.э. не прервалась — по крайней мере культуры явно другого облика появляются на побережье не ранее V–IV вв. до н.э. Исключение представляет долина Касмы с соседним морским побережьем. Если внезапное оставление находившегося на берегу Лас-Альдас можно объяснить природной катастрофой, такое объяснение сомнительно для более удаленной от моря территории, где во II тыс. до н.э. существовали Мохеке и другие монументальные центры. Во второй четверти I тыс. до н.э. в Касме резко меняется система жизнеобеспечения — распространяются кукуруза (которую ранее здесь совсем или почти не выращивали) и домашние животные: ламы и морские свинки. Сооружение монументальных комплексов не возобновляется, а новые поселения представляют собой лабиринты дворов, помещений и коридоров с отдельными низкими платформами (рис. 14). Возведение подобных платформ значительной кооперации труда не требовало [Burger 1995: 186; Pearsall 2008, table 7.1; Pozorski, Pozorski 2008a: 626–627; 2008b: 118–121]. Супруги Ш. и Т. Позорски предполагают, что в долине произошла смена населения. Не исключена, однако, и радикальная перестройка культуры в результате смены идеологии при минимальном обновлении этнического состава. Через несколько столетий подобная перестройка произошла на всей территории Перу, где в III — середине I тыс. до н.э. существовала традиция монументальной храмовой архитектуры.

Неизбежен вопрос: что заставляло людей из года в год таскать глину, щебень и камни, чтобы возводить сооружения, никакой практической пользы не приносящие? Очевидно, что такое было возможно лишь под влиянием определенной идеологии, а не под угрозой применения силы со стороны лидеров. Впрочем, это касается большинства догосударственных обществ [Keatinge 1981; Stanish, Harley 2004: 60]. Само наличие властных лидеров для III и даже для II тыс. до н.э. довольно проблематично, поскольку не найдено захоронений, резко выделяющихся богатством инвентаря. Руководители, скорее всего, не передавали своих прерогатив по наследству и, очень возможно, занимали позиции на ротационной основе [Moseley 1992a: 140–141].

Важнейшим обстоятельством, которое способно объяснить, как небольшие коллективы могли сооружать объекты гигантских размеров, является вероятное наличие в этих коллективах фратрий.

Рис. 14. План поселения Сан-Диего в низовьях Касмы, вторая четверть I тыс. до н.э., по [Burger 1995, fig. 192]. Темным выделены небольшие платформы среди жилой застройки, монументальных построек нет

Принцип дуальной организации пронизывал все общества Центральных Анд, о которых имеются исторические или этнографические сведения, а особенности архитектуры ранних периодов хорошо объяснимы, если проецировать на них соответствующие данные XVI–XVII вв. [Anders 1989; Berryman 2010: 77; Burger, Salazar-Burger 1991: 281; 1993; Hahn 2009: 19; Kolata, Ponce Sangines 1992: 324–327; Korpisaari, Pärssinen 2011: 31–32; Moore 1996; Netherly 1984; Netherly, Dillehay 1986; Palomino Flores 1971; Urton 1993; Vega-Centeno 2005: 335–338; 2010: 127]. Особенность дуализма в Центральных Андах —

в подчеркнутой асимметричности и дополнительности половин [Quilter 2010: 42; 2013: 589–591]. Характерная для металлических изделий раннего периода культуры мочика осевая симметрия, при которой половина предмета сделана из золота, а другая половина — из серебра, этот принцип вполне отражает (рис. 15). В архитектуре III тыс. до н.э. не выявлено явных особенностей, которые бы указывали на наличие фратриальных делений, но нельзя забывать, что пока исследована лишь ничтожная часть памятников. Возможно, что наличие двух углубленных площадей в Карале соответствует наличию двух фратрий.

Учитывая многочисленные параллели с индейскими обществами за пределами Центральных Анд [Hornborg 1988], не будет большим риском предположить, что фратриальные деления не только существовали ранее II тыс. до н.э., но и что они возникли еще на начальном этапе заселения Нового Света, возможно, даже у предков индейцев в Азии [Moseley 1992a: 83]. Дуальная организация предусматривает отношения сотрудничества и соперничества. Именно это могло способствовать все большему росту трудовых затрат на строительство сооружений общественно-культурного характера. У индейцев северо-западного побережья Северной Америки, для которых фратриальная организация весьма характерна, обслуживавшее аристократов профессиональное искусство являлось ее прямым порождением [Mauzé 2004: 72–77; Miller 1997: 55, 81–86]. К этой теме мы еще вернемся в конце книги.

Как говорилось выше, значительная военная активность во II тыс. до н.э. реконструируется — да и то не слишком надежно — только для долины Касма. Вместе с тем в культуре куписники (1500–500 до н.э.) известны изображения мифических персонажей с головами-трофеями в руках [Bischof 1994, fig. 19c; Cordy-Collins 1992; Salazar-Burger, Burger 1983], а из горного района близ Чавин-де-Уантар происходят рельефы с изображением как явно мифического персонажа, так и просто воина, держащих в руках оружие и отсеченную голову [Bischof 1994, fig. 19b; Rowe 1962, fig. 17]. Агрессия, однако, могла выражаться не только в захватнических войнах, но и в рутинных ритуализованных действиях типа охоты за головами. Традиция изображения голов-трофеев переходила, похоже, из культуры в культуру вне зависимости от частоты и масштаба реальных военных действий (рис. 16). Нельзя также не заметить, что на вазовых росписях культуры мочика, унаследовавшей ряд традиций и,

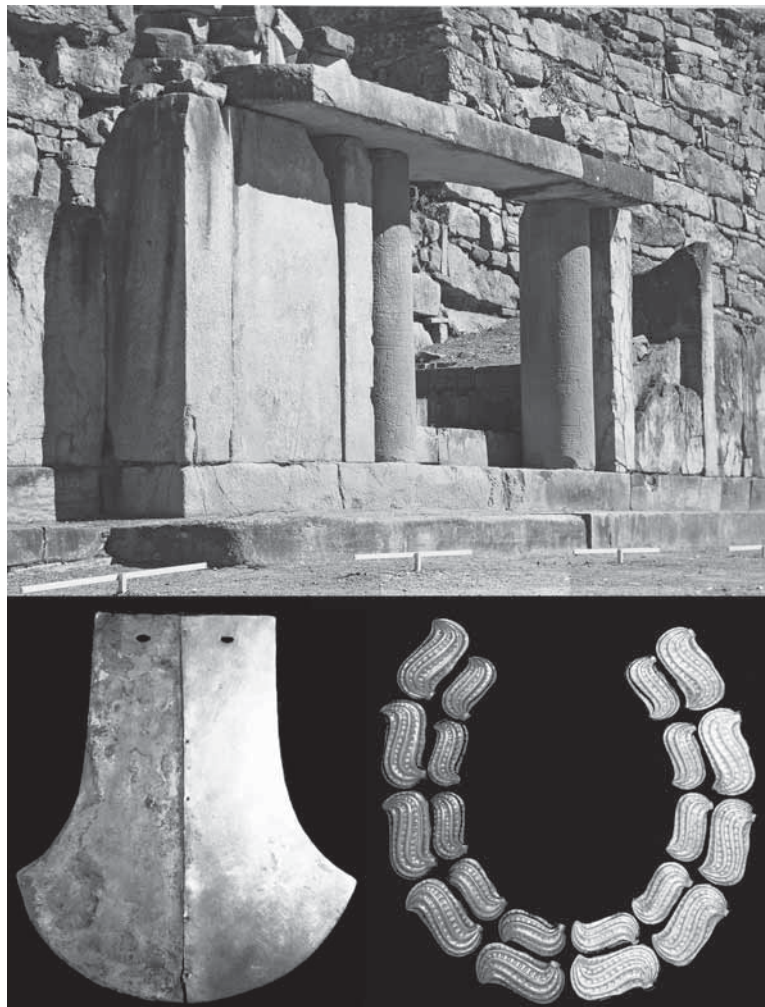

Рис. 15. В архитектуре и искусстве Центральных Анд отражен принцип осевой симметрии и противопоставления половин. Вверху: сложенный из темного и светлого камня так называемый черно-белый портал храма Чавин-де-Уантар, первая четверть I тыс. до н.э., по [Zick 2011: 66]. Внизу: спаянный из золотой и серебряной половин ритуальный предмет, прикреплявшийся к поясу воинов, и ожерелье из золотых и серебряных стручков арахиса из погребений в Сипан, III в. н.э., культура мочика, по [Alva, Donnan 1993, fig. 96, 166]

Рис. 16. Персонажи с головами-трофеями в культурах Центральной и Южной Америки.
1) Фигура воина на плите из района Чавин-де-Уантар, первая половина I тыс. до н.э., по [Rowe 1962, fig. 17].

- 2) Антропоморфная фигурка на Воротах Солнца в Тиуанако, третья четверть I тыс. н.э., по [Pospanski 1945, fig. 39-3]; персонаж трубит в горн и держит в руке голову-трофей.
- 3) Деталь росписи на сосуде культуры мочика, IV–V вв. н.э., север побережья Перу, по [Kutscher 1954, Taf. 21]; изображен вражеский воин, вероятно, представитель культуры рекуай, у которого головы-трофеи прикреплены к специальным щитам (ср. рис. 29.6).
- 4) Роспись на сосуде культуры наска, юг побережья Перу, III–IV вв. н.э., по [Proulx 1983, fig. 5].
- 5) Рисунок на ткани паракас, V–III вв. до н.э., по [Kauffmann Doig 1980: 305].
- 6) Деталь рельефа на сосуде культуры касма, VIII–IX вв. н.э., юг Северного побережья Перу, по [Carrión Cachot 1959, fig. 107].
- 7) Роспись на сосуде культуры уари, горная область Перу, VII–VIII вв. н.э., по [Ravines 1977, fig. 32].
- 8) Рисунок на ткани культуры чиму, Северное побережье Перу, XII–XIV (?) вв. н.э., по [Anton 1984: 151].
- 9) Рельеф на сосуде с побережья Перу, север Центрального либо юг Северного побережья, конец I — начало II тыс. н.э. (колл. МАЭ, № 42-1).
- 10) Каменная статуя второй половины I тыс. н.э., центральная Коста-Рика по атлантическую сторону водораздела, по [Mason 1945, pl. 40A].
- 11) Керамическая фигурка культуры толита, граница Колумбии и Эквадора, около рубежа нашей эры, по [Labbé 1986, fig. 38].
- 12) Подвеска из тумбаги культуры коклэ, Ситио-Конте, центральная Панама, VIII–IX вв. н.э., по [Lothrop 1937, fig. 150]; воины держат в руках головы-трофеи и палицы. См. также рис. 19, 44, 49, 54

возможно, язык создателей куписнике [Kaulicke 2010: 133–134], мифические существа сплошь и рядом обезглавливают людей, хотя на практике мочика обычно лишали пленников жизни иными способами [Klaus et al. 2010: 1103; Phillips 2009: 123]. Иначе говоря, образ воина с головой-трофеем в руке в большей мере отражает определенные идеологические установки, нежели повседневную практику.

Упадок сложных обществ на побережье Перу в начале I тыс. до н.э. совпал по времени с возвышением горных центров. Один из них, Кунтур-Уаси в верховьях речки Хекетепеке, впадающей в океан на севере побережья, был основан или по крайней мере значительно расширен непосредственно после оставления прибрежных монументальных комплексов. Традиции береговых храмов прослеживаются в его архитектуре [Kano 1993; Onuki 1995]. Останки знатных персон и сопроводительный инвентарь, обнаруженные в погре-

бениях Кунтур-Уаси, были, как полагают японские археологи, принесены с побережья и в таком случае должны быть датированы самым началом I тыс. до н.э. [Onuki 1995: 212–213; Onuki, Inokuchi 1995: 37, 123]. Если так, то первое появление индивидуальных гробниц с богатым инвентарем, в том числе с крупными золотыми предметами, следует относить именно к этому времени (рис. 17.5).

В Центральных Андах и Эквадоре золото стало известно в первой половине II тыс. до н.э., может быть, в самом конце III тыс. до н.э., но сперва это были совсем мелкие вещи [Aldenderfer et al. 2008; Burger, Gordon 1998; Grossman 1972; Ledergerber-Crespo, Tapia-Sarmiento 2010: 62; Matsumoto, Cavero 2012: 115–116]. Новые открытия вряд ли заставят изменить этот вывод. Поскольку перуанские древности подвергаются грабежу на протяжении многих десятилетий, невероятно, чтобы крупные золотые изделия III–II тыс. до н.э., если они существовали, не попали в коллекции. В то же время при раскопках монументального центра Уака-де-лос-Чинос в долине Моче, относящегося к IX — началу VIII вв. до н.э., в слое, а не в погребениях были найдены 10 кусочков обработанного золота, а также кусочки меди [Pleasant 2009: 99, 175]. Скорее всего, это значит, что в начале I тыс. до н.э. медь и золото уже стали известны относительно хорошо. Среди научно раскопанных погребений самого начала I тыс. до н.э. достаточно массивные золотые предметы содержали, как уже было сказано, захоронения в Кунтур-Уаси, а также в Пакопампе — еще одном крупном общественно-культурном центре, расположенном севернее Кунтур-Уаси в верховьях р. Чотано — притока Мараньон [Seki et al. 2008: 75, 90, fig. 19]. О распространении золота свидетельствуют и предметы первой половины или середины I тыс. до н.э. с изображениями в стиле куписнике, которые происходят из разграбленных захоронений в долине Хекетепеке (см. рис. 4.2) [Tochihara 2002: 72–73].

Позже, во II–III вв. н.э., в могилы вождей культуры мочика стали класть настоящие сокровища — изысканные в художественном отношении и сложные по технологии изготовления золотые и серебряные вещи, общий вес которых измерялся килограммами. Один из таких погребальных комплексов, Сипан, получил мировую известность (рис. 17.7, 22) [Alva, Donnan 1993]. Примерно в то же время (конец I тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э.) изделия из золота, а также платины оказались в погребениях культуры толита на границе Колумбии и Эквадора и культуры малагана на юго-западе

Рис. 17. Золото индейских вождей.

- 1) Пектораль культуры кокле, Панама, VIII–IX вв. н.э., по [Lothrop, 1937, fig. 95b].
- 2) Маскоид культуры толита, Эквадор, около рубежа нашей эры, по [Valdez 1992, frontispiece].
- 3) Фигурка культуры тайрона, север Колумбии, XIV–XV вв., по [Reichel-Dolmatoff 1986, fig. 185].
- 4) Маска культуры илама, юго-запад Колумбии, последние века до нашей эры, по [Cardale Schrimpf 2005, fig. 11.46].
- 5) Корона из Кунтур-Уаси, начало I тыс. до н.э., север Перу, по [Burger 1995, pl. XV].
- 6) Маскоид культуры наска, юг Перу, II–IV вв. н.э., по [Lyon 1978, обложка].
- 7) Манекен в убранстве высокопоставленного лица, похороненного в гробнице 1 в Сипан, север Перу, культура мочика, II–III вв. н.э., по [Alva, Donnan 1993, fig. 245].
- 8) Пектораль (горжет) из Чавин-де-Уантар, вероятно, из разграбленного захоронения или сокровищницы, первая половина I тыс. до н.э., культура чавин, север Перу, по [Burger 1996, pl. 4].

Колумбии [Cardale Schrimpf 2005: 145–196], о которых мы скажем ниже. Ко второй половине I тыс. н.э. практика класть золото в погребения распространилась во многих культурах Колумбии, Панама и Коста-Рики. Наличие в могилах сокровищ свидетельствует о выделении лиц, облеченных властью на постоянной основе. В начале нашей эры на Северном побережье появляются первые богатые погребения младенцев — признак наследственно передаваемого статуса [Fogel 1993: 288]. Что касается гробниц правителей государств, таких как Мочика, Чимор и Уари, то они могли содержать уже десятки и сотни килограммов изделий из драгоценных металлов, но все эти комплексы были разграблены либо в древности, либо после прихода испанцев.

Вернемся к общественно-культурным центрам Перу, точнее к завершающему этапу той традиции, которая сформировалась на побережье не позднее начала III тыс. до н.э. Самым значительным центром I тыс. до н.э. является Чавин-де-Уантар (рис. 18). Он расположен почти в 200 км от Тихого океана, в бассейне речки Мосна —

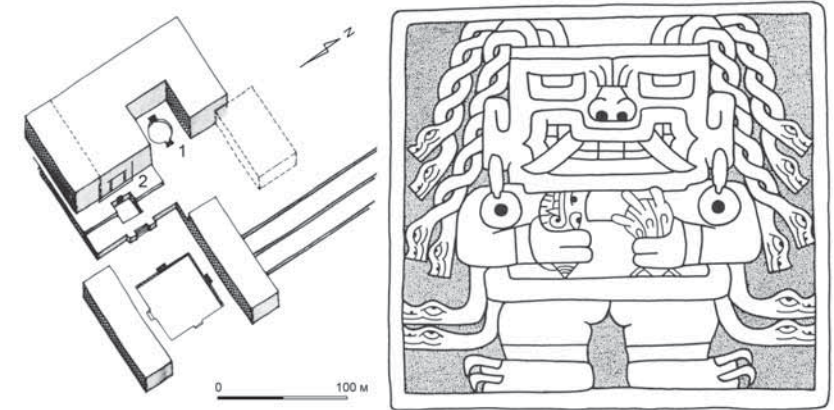

Рис. 18. Слева: схема расположения монументальных объектов в храме Чавин-де-Уантар, по [Bonavía 1991, fig. 25, 26]; 1) углубленная круглая площадка, обрамленная плитами с изображениями мифических существ; 2) «черно-белый портал» (см. рис. 15). Справа: божество, держащее в руках раковины *Spondylus* и *Strombus*, рельеф на плите из Чавин-де-Уантар, первая четверть I тыс. до н.э., по [Burger 1995, frontispiece]. В Перу эти глубоководные эквадорские раковины были редкостью и высоко ценились, их использовали в ритуалах, связанных с плодородием

левого притока Уальяги (см. карту на рис. 27). Согласно исследованиям 1990-х годов, этот храм был основан еще в конце, если не в середине II тыс. до н.э., и лишь через несколько столетий люди с побережья принесли сюда свои традиции [Kembel 2001; Mesía 2007; Rick 2013: 173]. В 2013 г. прямое датирование связывающих кладку растворов методом ускорительной масс-спектрометрии показало, что архитектурный комплекс Чавин-де-Уантар начали возводить около 1200 до н.э., а между 1000 и 800 до н.э. интенсивность строительства достигла максимума [Kembel, Naas 2013]. После этого работы почти прекратились, а около 500 до н.э. храм был заброшен. Региональное значение Чавин, видимо, приобрел в X–IX вв. до н.э. В это время он превратился в узловой пункт в сети связей между храмовыми центрами северных и центральных районов Перу.

Влияние Чавина могло быть обусловлено контролем над движением престижных ценностей. Эквадорские раковины изображены в руках божества на одном из рельефов (рис. 18 прав.). Правда, в той части поселения, где находились, судя по содержанию культурного слоя, мастерские по обработке раковин, преобладают виды с перуанского, а не с эквадорского побережья [Hocquenghem 2009; Paulsen 1974; Sayre 2010: 156–161; Sayre, López 2009]. Знаменитая стела, известная как обелиск Тельо, на которой изображены фигуры двух кайманов с выходящими из их тел культурными растениями, свидетельствует о связях с Амазонией [Lathrap 1977; Lumbreras 2013, fig. 116], откуда в Анды могли поступать перья тропических птиц и другие экзотические продукты, прежде всего наркотики. Галлюциногенное растение *Anadenanthera colubrina* (подсемейство мимозовых) изображено в монументальном искусстве и, несомненно, использовалось во время совершения ритуалов (рис. 19.4). Чавин-де-Уантар стал центром паломничества. Найденные здесь керамика и другие предметы происходят практически из всех районов северного и центрального Перу, где существовали близкие по культуре храмовые центры [Isbell 2008: 693].

Еще до середины I тыс. до н.э. [Sayre, López 2009: 341–342] Чавин-де-Уантар превратился не только в культовый центр, но и в городок с населением не менее 2–3 тыс. человек [Burger 1984: 246–247; 1995: 168; 2008: 695–696]. Ни одно другое поселение Южной Америки таких размеров в это время не достигало. На отдельных участках городища выявлены следы разных видов ремесленного производства. Помимо уже упомянутой обработки раковин, есть

Рис. 19. Ритуальное использование наркотиков в культурах северного Перу и Эквадора, 2000–500 до н.э.

- 1) Каменная ступка культуры куписнике для приготовления наркотика, по [Salazar-Burger, Burger 1996, pl. 13].
- 2) Каменная ступка с побережья Эквадора, конец III — II тыс. до н.э., по [Dockstader 1967, fig. 63].
- 3) Прорисовка рельефа на подобной ступке — мифический персонаж с головой-трофеем в руке, по [Cordy-Collins 1992, fig. 3].
- 4) Прорисовка рельефа на плите из Чавин-де-Уантар с изображением существа, из тела которого выступают стручки наркотического растения *Anadenanthera colubrina*, по [Burger 2011, fig. 3].

свидетельства обработки обсидиана, видимо, кожи, а также производства керамики [Burger 1984: 236–239; Sayre, López 2009: 342–343]. Весьма вероятно, что здесь же изготавливали парадные ткани с культовыми изображениями. С культурой чавин связаны радикальные улучшения в технологии ткачества [Conklin 1978], а ткани, которые, судя по стилю изображений, должны были быть изготовлены в Чавин-де-Уантар, найдены на юге побережья Перу [Burger 1988: 117–123; 1995: 195–200; Cordy-Collins 1982]. Богатых захоронений в Чавине не обнаружено, но они, вероятно, существовали, поскольку есть данные, что именно отсюда происходят добытые грабителями золотые изделия [Burger 1995: 201–202].

Запустение храма Чавин-де-Уантар произошло около 500 до н.э. (ранее считалось, что 400–250 до н.э.). Хотя сопоставить слои разных памятников удастся лишь приблизительно, очень вероятно, что с этого времени началось запустение и других храмовых центров той общности, которая просуществовала в Перу более двух тысяч лет. Вряд ли хоть один из них продолжал функционировать в III в. до н.э. Корреляция событий подтверждается тем, что после запустения храмов на той же территории северного Перу распространяется одна и та же керамика, расписанная белым по красному. Скорее всего, она появилась вследствие изменения технологии гончарного производства [Mesía 2007: 33], но отказ от прежних типов парадной посуды стал возможен вследствие утраты ими своего культового значения.

Новый кризис был более глубоким, чем приведший к оставлению храмовых центров на побережье в начале I тыс. до н.э. Системы расселения резко изменились, иконографическая традиция оборвалась, на сакральных в прошлом участках стали скапливаться бытовые отбросы и возводиться небольшие жилые постройки с использованием каменных плит из разрушенных монументальных комплексов [Burger 1995: 228–229; Lumbreras 1974: 39]. Прежние поселения не обязательно были покинуты, но функционирование культовых объектов всегда прекращалось [Matsumoto, Tsurumi 2011: 94–96]. Возникшие в это время новые центры свидетельствуют об изменении ритуала и характера культовых изображений [Helmer et al. 2012; Helmer, Chicoine 2013]. Демографические оценки, основанные на подсчетах площади жилой застройки по отдельным периодам, заставляют предполагать, что, хотя численность населения не сократилась, люди нередко переселялись из одних районов в другие, а военная активность усилилась [Billman 2006: 186–204]. Пока-

зателен комплекс Чанкильо в долине Касма, датированный III в. до н.э. (рис. 20). Он представлял собой одновременно крепость и храм и был расположен на холме в пустыне поодаль от поселений и полей [Ghezzi 2006]. Ничего подобного ни до, ни после Чанкильо перуанцы не строили. Подобные инновации, не имеющие явных прототипов в предшествующей традиции и заметно не повлиявшие на последующую, характерны для периодов идеологической и политической смуты.

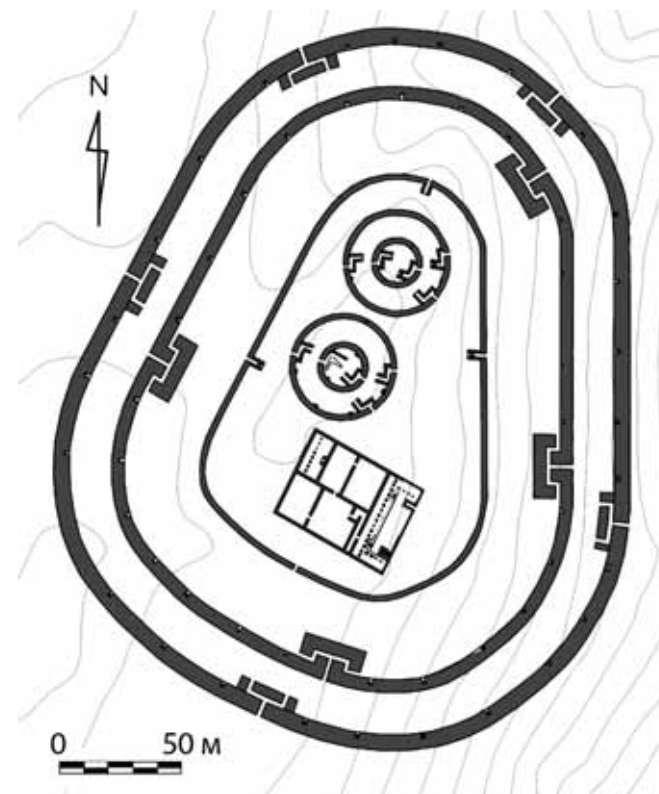

Рис. 20. Крепость и храм Чанкильо, III в. до н.э., долина Касма (см. рис. 11), по [Ghezzi 2006, fig. 3.2]

Причиной кризиса третьей четверти I тыс. до н.э. не могли стать природные катастрофы или межэтнические столкновения — на территории протяженностью 1000 км с ССЗ на ЮЮВ и шириной

150–200 км экологические и социальные условия были для этого слишком разнообразны. Так, если экономика побережья основывалась главным образом на ирригационном оазисном земледелии и эксплуатации морских ресурсов, то в высокогорной пуне люди пасли скот и выращивали клубнеплоды. Тем не менее храмовый центр Кампанаюк-Руми площадью более 14 га с мощным комплексом монументальных сооружений площадью 3,5 га расположен в департаменте Аякучо на высоте 3600 м над уровнем моря (карта 7 на рис. 77). При этом он демонстрирует многие особенности, характерные для таких же центров в долинах, и прекращает функционировать примерно в одно с ними время [Matsumoto 2010; Matsumoto, Cavero 2009; 2012]. Обмен престижными ценностями между отдельными политиями следует рассматривать как отражение идеологических связей. Распад общности свидетельствует о кризисе идеологии, в результате которого люди отказались делегировать власть прежним лидерам.

Глава 2

СЕВЕР ПОБЕРЕЖЬЯ ПЕРУ В КОНЦЕ I ТЫС. ДО Н.Э. — I ТЫС. Н.Э.

На протяжении нескольких последующих веков в северных и центральных районах Перу произошли события, приведшие к появлению первого государства Южной Америки или по крайней мере первого общества, для которого наличие хотя бы некоторых признаков государственной организации трудно оспорить. Речь идет о культуре мочика с центром в долине Моче (город Уакас-де-Моче). Напомним, что во II тыс. до н.э. эта долина уже была объединена вокруг Кабальо-Муэрто — комплекса монументальных сооружений культуры куписнике.

В пользу появления в Моче государственной организации есть два довода, которые сомнению практически не подвергаются. Во-первых, это наличие четырех уровней в иерархии поселений, а во-вторых, вероятный контроль Моче над некоторыми соседними долинами, отстоящими от столицы на десятки и даже сотни километров. Как минимум в сфере контроля Моче находилась расположенная к северу от нее крупная долина Чикама, а как максимум — расположенная далеко к югу долина Непенья, где был построен монументальный общественно-культовый комплекс Паньямарка (см. рис. 27). В частности в Чикаме монументальный комплекс Уака-Као-Вьехо на последнем этапе существования был оформлен так, чтобы детально копировать декор комплекса Уака-де-ла-Луна в Моче [Quilter 2010: 80–84]. Еще одним доводом в пользу наличия государства служат размеры монументальных сооружений в Уакас-де-Моче. В IV–VI вв. н.э. они, безусловно, превосходили по размерам любые другие постройки на Северном побережье.

Правда, размеры монументальных сооружений необязательно свидетельствуют о прямом контроле одних центров над другими — скорее об их неформальной иерархии. Мы уже говорили, что некоторые общественно-культовые сооружения побережья Перу II тыс. до н.э. потребовали для своего возведения затрат труда, сопоставимых с затратами труда для строительства платформ в Уакас-де-

Моче. К ним относятся не только памятники долины Касма, но также Ла-Флорида и Сан-Хасинто к северу от Лимы, а считать их столицами государств никто еще не предлагал. Тем не менее в сочетании с данными в пользу экспансии культуры мочика за пределы Моче размеры сооружений в мочикской столице все же можно считать доводом в пользу наличия сложной и многоуровневой системы управления.

Между мочикой и куписнике существует значительная преемственность в отношении иконографии и содержания культовых изображений, а также ведущей формы парадной керамики — сосудов со стремевидным горлом-ручкой. При этом две культуры разделены промежутком примерно в 500 лет, когда на Северном побережье распространились сильно отличные от куписнике формы культуры.

В IV в. до н.э. на смену куписнике здесь приходит культура салинар. Все более ранние монументальные объекты в Моче были брошены, а население сосредоточилось в нижней части долины. Там появились оборонительные сооружения и возник город Серро-Арена (рис. 21 лев.) [Billman 2006: 187–223; Brennan 1982]. В нем мало построек, которые можно интерпретировать как общественно-культовые, и они невелики по размеру, зато вероятное число жителей (порядка 5 тыс. человек) превосходит соответствующие оценки для любых других более ранних или синхронных поселений на континенте. Среди 2 тыс. домов есть как хижинки, состоящие из одного помещения, так и здания с хорошей отделкой и двумя десятками комнат (рис. 21 прав.). Похоже, что характер застройки в Серро-Арена был примерно такой же, как на поселении Сан-Диего в низовьях долины Касма, возникшем после оставления храмовых центров перуанского побережья в начале I тыс. до н.э. (рис. 14).

В расположенной южнее Моче долине Виру число жителей в период существования Серро-Арена сокращается — вполне вероятно, что люди переселились оттуда в Моче. Если элита Серро-Арена в той или иной степени контролировала не только Моче, но и соседние долины, формы этого контроля были иными, чем во II тыс. до н.э., — вряд ли религиозный авторитет, скорее военная сила.

После рубежа нашей эры ситуация вновь меняется. Моче переживает упадок, верховья этой долины, а также долины Виру захватывают группы горцев. Серро-Арена и много других поселений покинуты, на смену культуре салинар приходит культура гальинасо.

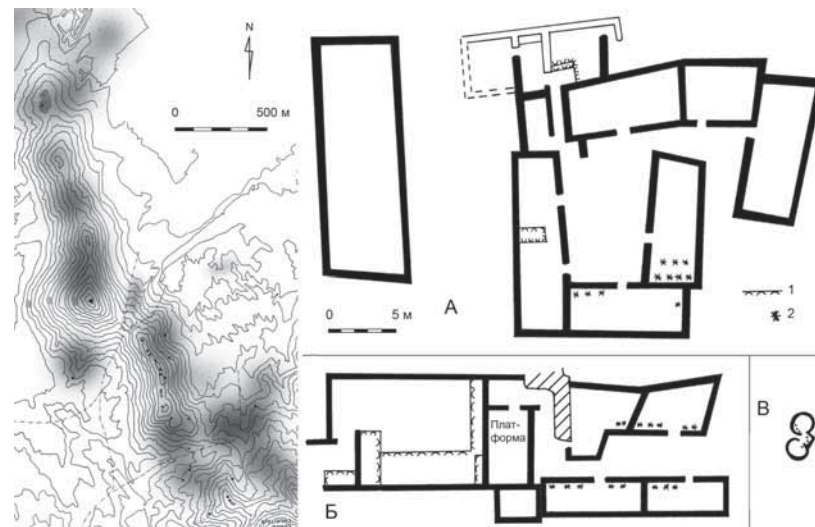

Рис. 21. Слева: примерная плотность застройки территории поселения Серро-Арена, скопления домов выделены темным. Справа: типы построек в Серро-Арена; А) элитарное домохозяйство; Б) ритуальный комплекс; В) бедное рядовое домохозяйство; 1) оштукатуренные скамьи и возвышения; 2) очаги, по [Brennan 1982, fig. 3, 4, 5]

Впервые распространяется изготовленный в формах прямоугольный сырцовый кирпич, лучше подходящий для монументального строительства, чем конические адобы. Политический центр долины Моче перемещается ближе к горам в Серро-Ореха — на передний край обороны против горцев (см. карту на рис. 7). В долине Виру, близ моря, возникает город Гальинасо, куда, вероятно, перешла жить другая часть населения Моче [Billman 2006: 235–267; Fariss 2008; Gagnon 2006; Millaire 2010a; Millaire, Eastaugh 2011]. Это поселение, число обитателей которого оценивают в 10 тыс. человек, с его огромными монументальными сооружениями было, по-видимому, столицей крупной политики. Учитывая наличие четырехранговой иерархии поселений в Виру, некоторые археологи говорят даже о государстве [Millaire, Eastaugh 2011: 295–296], но детально эту тему специалисты не обсуждали.

В северных долинах Хекетепеке и Ламбайеке культура гальинасо, возможно, распространяется раньше, чем в Моче и в Виру.

Культура салинар в этом районе представлена только отдельными находками керамики [Shimada 1994: 64–65], а крупных поселений не выявлено. В низовьях Хекетепеке около 300 до н.э. строится связанный с гальинасо монументальный комплекс Хатанка [Hahn 2009]. Был ли он единственным политическим центром долины, пока не ясно. Монументальная архитектура и крупные оросительные системы гальинасо выявлены и в Ламбайеке [Shimada, Maguñá 1994: 40–47].

Еще севернее в долине Пьюра культуре гальинасо синхронна культура викус (карта 11 на рис. 78). Она возникла в I в. до н.э. и просуществовала более трех веков [Kaulicke 2006]. Монументальная платформа Лома-Вальверде высотой 14 м сейчас занимает площадь 57×17 м, остальное было уничтожено ливневыми потоками во время эль-ниньо. Размеры монументального комплекса не оставляют сомнений в том, что речь идет о достаточно сложном обществе, хотя в целом система поселений викус не описана. Для викус характерна самая развитая для своего времени в Андах металлургия меди, в погребениях найдены даже проушные топоры, совершенно необычные для Нового Света [Campá Soler 1970; Lumbreras 1981: 220]. Золотые изделия также встречаются. Погребения представляют собой шахты с подбоем глубиной до 12–15 м [Disselhoff 1971: 14; Mejía Xesspe 1966], что связывает викус с культурами горной Колумбии. В Перу могилы подобного типа, хотя и не столь глубокие, есть на Центральном и Южном побережье (см. ниже о культуре паракас). В Пьюре неподалеку от центров культуры викус были разграблены богатые погребальные комплексы культур мочика (раннего этапа) и эквадорской толиты, о которых ниже. Все они явно синхронны, но их взаимоотношения неясны.

Около 200 н.э. в северных районах побережья Перу произошла новая культурная трансформация — культура гальинасо в Моче сменилась культурой мочика. Горцев вытеснили за пределы долины, в низовьях была возведена новая столица Уакас-де-Моче с монументальным комплексом Уака-де-ла-Луна, к которому позже добавилась гораздо большая по размеру Уака-дель-Соль. Одновременно с тем, как полития Мочика стала приобретать признаки государства, полития Виру утратила первенствующее положение, заимствовала от мочика некоторые культурные формы, но сохранила свою автономию [Bourget 2010; Millaire 2010b]. Более южные долины Чао, Санта и Непенья, видимо, подверглись прямой мочикской

колонизации [Busch 2009; Chapdelaine 2010; 2011: 204–205]. В долинах к северу от Чикамы в I–III вв. н.э. также возникают монументальные центры, власть в которых принадлежала мочикской элите, но археологи единодушны в том, что центру в Моче они не подчинялись. Одним из северных центров был уже упомянутый Сипан (рис. 22). В IV–VI вв. культура северных долин, в том числе элитарная, демонстрирует смешение черт, характерных для мочики и гальинасо [Castillo 2010; Hecker, Hecker 1995]. Лишь в VII в. здесь распространяется характерный позднемочикский стиль вазовых росписей, а размеры и структура поселений недвусмысленно свидетельствуют о существовании государственной организации (рис. 24, 26).

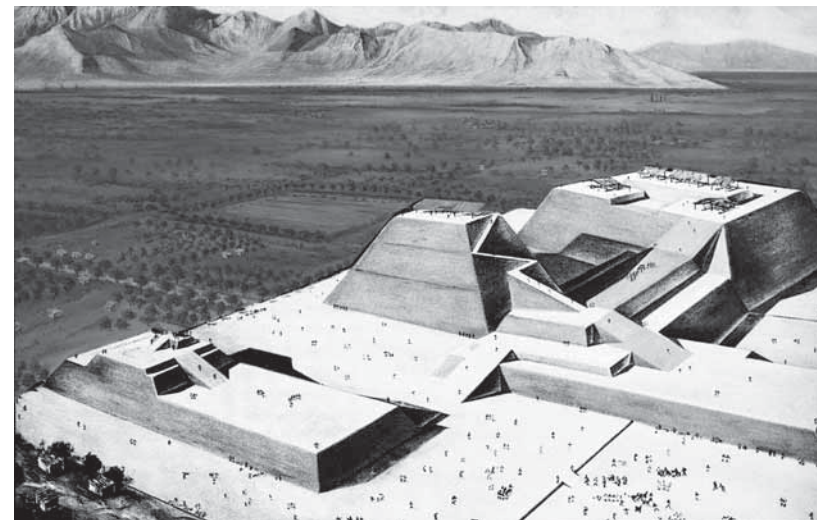

Рис. 22. Реконструкция монументальных платформ в Сипан — центре одного из политических образований уровня вождества, связанных с ранним этапом культуры мочика, II–III вв. н.э., долина Ламбайеке, по [Alva, Donnan 1993, fig. 39]. В кладке низкой платформы (внизу слева) находились камеры с погребениями знатных персон

В результате исследований последних 20 лет культурная и политическая обстановка на севере побережья Перу на протяжении первой половины и середины I тыс. н.э. стала намного понятнее, чем ранее. Строительство крупных каналов, рост населения и в конечном счете появление более сложной политической организации

и культурный подъем совпадают по времени с увеличением количества осадков в горах, в результате чего орошающие побережье реки и речки стали значительно полноводнее [Ortloff, Moseley 2009: 279; Shimada, Maguiña 1994: 40–47]. Судя по исследованиям в Моче, около рубежа нашей эры доля кукурузы в диете местного населения резко выросла [Lambert et al. 2012]. Что касается взаимодействия различных культур и их вариантов, то по всем признакам между создателями культур гальинасо и мочика (а вероятно, также куписнике и с меньшей уверенностью — салинар) не существовало значительных этнических различий. В Пьюре, где, как было сказано, наряду с материалами культуры викус есть относящиеся к ранней мочике, эти последние, по предположению некоторых археологов, также могли появиться вследствие использования местной элитой изделий, обладание которыми считалось престижным [Castillo, Uceda Castillo 2008: 719]. Те различия между культурами, которые имелись, вряд ли совпадали с ареалами распространения отдельных элитарных архитектурных и художественных традиций [Makowski 2010; Shimada, Maguiña 1994]. Не было заметного притока нового населения и в VIII–IX вв. н.э. после гибели культуры мочика [Shimada 1994: 274]. Состав населения не менялся существенно, все миграции имели локальный характер — из одной части долины в другую либо между соседними долинами. В то же время смена культур сопровождалась резкими изменениями в типах поселений и построек, изменением форм парадной (а иногда и бытовой) керамики, распространением новой иконографии. Часть нововведений могла быть обусловлена влиянием жителей горных районов, что особенно вероятно для культуры салинар [Shimada 1994: 64–65], либо появлением новых групп элиты с крайнего севера побережья (после гибели мочика). Однако в основном смена культур отражала идеологические и социальные, а не этнические процессы.

Иконография мочика, как уже говорилось, продолжила традиции куписнике и отчасти салинар, но приобрела также множество новых и совершенно оригинальных элементов [Quilter 2001]. Сходная иконография представлена на изображениях всех категорий — росписи на стенах святилищ и на керамике, изделия из металлов, дерева и пр. В гальинасо сюжетных изображений ни на керамике, ни на стенах построек практически нет, а элитарные захоронения с золотом и другими ценностями не найдены. За различиями такого рода можно разглядеть поиск местной элитой наиболее эффектив-

ных способов удержания власти. Видимо, те способы, которые были опробованы во II в. н.э., оказались достаточны для того, чтобы политическое образование со столицей в низовьях Моче просуществовало еще несколько столетий. Одновременно с основанием Уакасе-де-Моче появился ритуал, включавший участие персон высшего ранга в церемонии казни пленников (рис. 23) [Donnan 2010]). Был ли он разработан конкретно в Моче и сразу же заимствован элитой более северных вожеств, которые Моче не подчинялись, не ясно, но ритуал достаточно специфичен и вряд ли мог возникнуть независимо в нескольких центрах. Исследования показывают, что в Моче предназначенных для казни брали в плен за пределами долины и что речь, скорее всего, идет о реальных, а не ритуальных — типа рыцарских турниров — сражениях [Phillips 2009: 41, 72, 125–126, 133; Sutter, Cortez 2005; Verano 2001]. В частности, массовые захоронения истерзанных пленников найдены рядом с общественно-храмовыми комплексами, где происходил ритуал [Quilter 2010: 73]. Данную практику жертвоприношений следует отличать от более обычной практики — помещать сопроводительные жертвы в могилы знатных персон [Gaither et al. 2008].

Рис. 23. Развертка росписи на сосуде мочика (IV–V вв. н.э.) с изображением воинов, сражающихся на земле, и божеств, находящихся на небе и исполняющих ритуал. Реально такой ритуал совершался с участием знатных персон в главных храмовых центрах. Лицу, занимавшему высший пост в иерархии, подносили кубок, наполненный кровью пленников, по [Donnan, McClelland 1999, fig. 6.42]

Анализ археологических материалов, полученных при раскопках города Уакас-де-Моче и других центров культуры мочика, в сочетании с данными иконографии позволяет предполагать, что к концу VI в. н.э. элита мочика была вынуждена отказаться от прежней идеологии. С этого времени сцены, имеющие отношение к церемонии казни пленников, а также некоторые другие сюжеты исчезают из репертуара изображений. Резко меняется и сам стиль росписей. Полития с центром в Уакас-де-Моче не исчезла, но значительно сократилась в размерах. Наряду с ней на Северном побережье Перу возникают другие политии. Все они в большей или в меньшей степени продолжали традиции культуры мочика, но разрыв с идеологией, характерной для мочикского государства в III–VI вв., сомнений не вызывает [Lockard 2009]. Один из новых центров, Галиндо, возник в самой долине Моче близ выхода реки на равнину. Площадь Галиндо оценивается в 6 кв. км, но, судя по опубликованному плану, плотно застроены были лишь 2,5 кв. км [Bawden 1982, fig. 12.1; 2001: 294, fig. 3]. Еще более крупный центр этого времени вырос в 180 км севернее Моче в долине Ламбайеке, причем не в ее прибрежной части, а, как и Галиндо, близ выхода реки на равнину рядом с головными сооружениями магистральных каналов. По размеру и сложности планировки, отражающей разнообразие административных и производственных функций, Пампа-Гранде площадью порядка 6 кв. км [Shimada 1994: 140] существенно превосходит старую столицу Уакас-де-Моче, площадь которой была порядка 1 кв. км (рис. 24) [Amico 2010, fig. 4].

Судя по найденным материалам, на вершине главного монументального сооружения в Пампа-Гранде, Уака-Форталеса, происходили помпезные ритуалы. Здесь, вероятно, располагались также здания, служившие резиденцией высших лиц государства [Haas 1985; Shimada 1994: 151–154]. Размерами Уака-Форталеса сопоставима с Уака-дель-Соль, самой большой сырцовой платформой в столице Мочика в Моче (рис. 26). Первоначальный объем Уака-дель-Соль трудно в точности оценить из-за разрушений колониального времени, максимальные размеры — 340×160×40 м [Uceda Castillo 2001: 47]. Максимальные размеры Уака-Форталеса — 270×185×54 м, объем — 1,26 млн куб. м [Haas 1985: 393]. На первую из платформ вел пандус длиной 290 м [Shimada 1994: 145]. Оба искусственных сооружения — крупнейшие в доиспанской Южной Америке, но при этом следует учитывать, что Уака-Форталеса была

Рис. 24. Сравнительные размеры крупнейших центров культуры мочика — Уакас-де-Моче в долине Моче (период расцвета — III–VI вв. н.э.) и Пампа-Гранде в долине Лайбайеке (VII–VIII вв. н.э.). Территория Уакас-де-Моче выделена заливкой и определена приблизительно, на значительной ее части культурные слои уничтожены либо перекрыты аллювиальными отложениями, по [Amico 2010, fig. 4; Chapdelaine 2001, fig. 1; Shimada 2001, fig. 2]

построена за более короткий срок — 25–50 лет [Shimada 1994; Shimada, Shimada 1981: 66].

Как только что было сказано, около 600 н.э. в идеологии правящей группы мочика произошли какие-то важные изменения. Они не были чем-то исключительным — двумя веками раньше сюжеты и стиль изобразительного искусства тоже менялись, а на поселениях одни ритуальные комплексы были оставлены, а другие построены [Uceda Castillo 2010: 140]. Подобные изменения долгое время воспринимались как свидетельства обычной эволюции культуры во времени и как явления, касающиеся исключительно иконографии, хотя практически полное отсутствие изображений, датируемых переходом от одного стиля к другому, и вызывало удивление. Сейчас ясно, что речь идет не об эволюции мочикского искусства во вре-

мени, а об отражении в этом искусстве разных идеологических комплексов, частично синхронных друг другу. Обилие фигуративных сюжетных изображений позволяет в случае с мочика если не реконструировать эти комплексы, то по крайней мере зафиксировать их наличие (рис. 25). Это отчасти касается и культур Южного побережья Перу, паракас и наска, также отличающихся богатой иконографией. Можно, однако, предполагать, что борьба групп элиты за власть, выраженная в форме религиозного конфликта, имела место в любых обществах — по крайней мере во всех, которые, подобно культурам Перу, часто сталкивались с изменениями природных и социальных условий и должны были на них реагировать.

Рис. 25. Прорисовка росписи на сосуде мочика, изображающей так называемый «бунт вещей», по [Donnan, MacLelland 1999, fig. 4–70]. Справа — сцена расправы оживших предметов одежды и вооружения воинов над своими хозяевами, слева — зооморфные персонажи во главе с мужчиной в лучистом ореоле (вероятно, богом солнца), занятых «подавлением бунта». Во главе предметов находятся бог-сова и женское божество — вероятно, богиня луны [Березкин 1983: 87–89; Berezkin 1981: 14–15]. Настенные росписи на данный сюжет обнаружены в двух крупнейших мочикских святилищах — Уака-де-ла-Луна в долине Моче и Паньямарка в долине Непенья. Они выполнены в стиле мочика-IV, связанном с возвышением Уакас-де-Моче. Ранее этот сюжет на росписях не встречается. О его важности для правящей элиты свидетельствует тот факт, что в тех же святилищах представлены еще только сцены, связанные с церемонией казни пленников (рис. 23)

Около 700 н.э. Пампа-Гранде была оставлена людьми, а строения на Уака-Форталеса погибли в огне [Shimada 1994: 247–248, 253]. В пользу внешней агрессии нет данных, так что исследовавший памятник И. Шимада пришел к выводу, что позднемочикское

государство рухнуло в результате внутреннего конфликта. Однако традиции государственности в северных долинах побережья не угасли. Через полтора-два века здесь возникло новое государство, соответствующее культуре сикан, она же ламбайеке, со столицей в Батан-Гранде [Shimada 1985; 1987; 1990; Shimada, Cavallaro 1985]. Около 1050 этот город был сожжен и разграблен, а столицей стал Тукуме, он же Эль-Пургаторио [Dulanto 2008: 762; Shimada, Elera 1983: 46].

В культуре ламбайеке впервые в Америке была начата выплавка меди, точнее мышьяковистой бронзы, из минерала энаргита (Cu_3AsS_4). Отдельно добывали арсенипирит (FeAsS). Переход от получения меди из окислов к ее добыче из серосодержащей руды многократно увеличил объем добываемого металла и улучшил его свойства [Lechtman 1991; Pedersen 1976; Shimada 1985: 368–369; Shimada, Merkel 1991]. Мышьяковистую бронзу начали применять для изготовления не только явно церемониальных предметов, но и крупных насадок на деревянные рукояти, возможно, служивших орудиями [Lechtman, Macfarlane 2005, fig. 5]. Резко расширяется в ламбайеке и добыча золота, из которого делают огромные кубки, маски и жертвенные ножи [Kauffmann Doig 1999; Shimada, Griffin 1994]. Как по весу изделий, так и по их количеству на ламбайеке приходится львиная доля дошедших до нас древнеперуанских предметов из драгоценных металлов.

Около 1100 н.э. и затем снова полтора века спустя большие долины северного побережья были опустошены самыми мощными в голоцене эль-ниньо, а около 1375 г. эта территория перешла под контроль государства Чимор с центром в Чан-Чане в долине Моче. В период расцвета культуры ламбайеке в Батан-Гранде и в Тукуме продолжалось строительство гигантских платформ из сырцового кирпича, лишь немного уступающих по размерам платформам в Уакас-де-Моче и Пампа-Гранде. В частности, крупнейшая платформа Батан-Гранде имеет площадь основания 100×80 м при высоте 35 м [Shimada, Cavallaro 1985: 50]. Однако в столице Чимор Чан-Чане возобладали архитектурные традиции горной области, связанные с влиянием культуры уари, о которой ниже. Вместо огромных платформ здесь строятся обширные прямоугольные комплексы с лабиринтообразной планировкой. Трудно оценить, в какой мере различия в архитектуре отражают различия в формах управления. Известная нам по документам испанского времени социоэкономи-

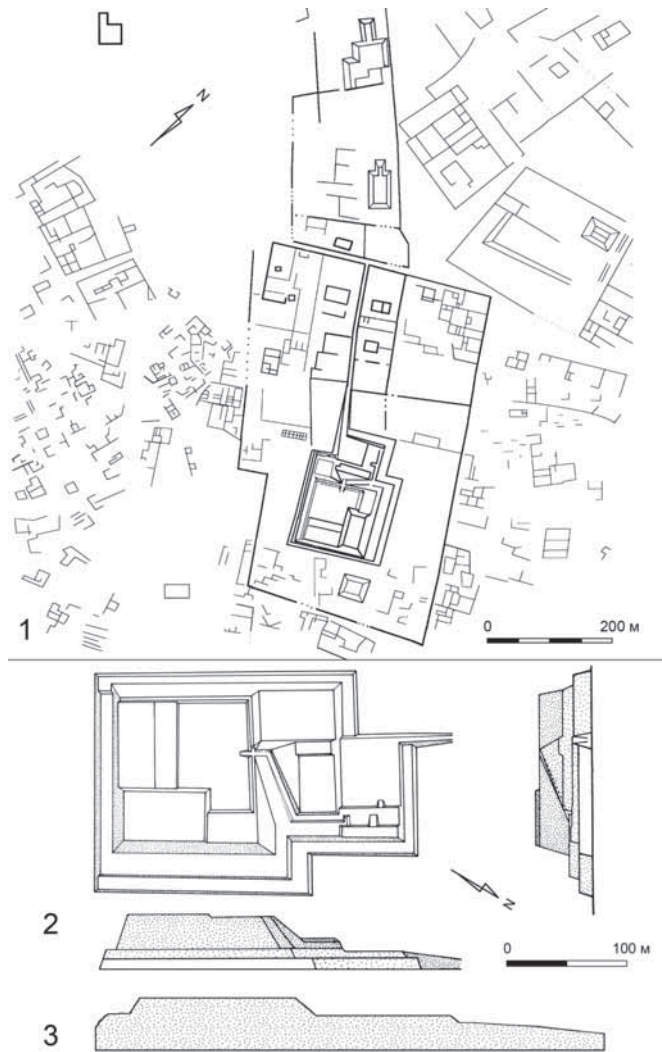

Рис. 26

- 1) Центральная часть Пампа-Гранде с монументальным комплексом Уака-Форталеса.
- 2) План и разрез Уака-Форталеса.
- 3) Разрез платформы Уака-дель-Соль в том же масштабе, по [Moore 1996, fig. 2.20, 32; Shimada 1994, fig. 7.7]

ческая организация Чимор была близка инкской и основана на государственном регулировании производства и распределения [Kolata 1983]. Подобная традиция, по-видимому, сложилась в горных районах центрального и южного Перу и северо-западной Боливии. Пампа-Гранде, однако, тоже представлял собой не город независимых мастеров и торговцев, а одну гигантскую мастерскую, созданную для возведения и обслуживания огромного неутилитарного объекта [Shimada 1994: 216–225]. С точки зрения интересов большинства населения, концентрация людей в городе не имела смысла.

Что касается культуры сикан, то данные для реконструкции социально-экономических отношений в этом обществе не столь обильны, как для общества Пампа-Гранде. Важные выводы сделаны, однако, на основе изучения землепользования — датировки поселений и оросительных каналов в долине Ламбайеке. Оказалось, что в период культуры сикан поля принадлежали местному населению или по крайней мере провинциальной элите, а после завоевания этой территории сперва государством Чимор, а затем Инками все ресурсы оказались под прямым контролем центральной власти [Hayashida 2006]. Сикан отличается от других культур Боливии и Перу наличием заменителей денег — тонких медных пластин и более крупных предметов в форме лезвий топоров [Shimada 1987: 141–143; Shimada, Griffin 1994: 67]. Они служили для накопления ценностей, но, может быть, также и для обмена. Точно такие же предметы найдены среди материалов эквадорской культуры мантеньо — торгового партнера Сикан (о ней ниже).

К приходу испанцев традиция государственности, характерная для севера побережья Перу и восходящая к культуре мочика (а опосредованно, вероятно, и к общественно-храмовым центрам III–I тыс. до н.э.), находилась в упадке. Случилось это, однако, не в силу внутренней слабости, а под воздействием внешних факторов — природных катастроф (из которых мы упомянули лишь часть) и внешней агрессии со стороны Инков. Что же касается периода политической дезинтеграции на севере побережья Перу в VIII–IX в. н.э., то он не был продолжительным и не привел к разрыву с традицией. Возникшие в X в. новые государственные образования (Сикан и Чимор) не начали развиваться с уровня простых вождеств, а явно использовали опыт своих недавних предшественников. Начиная с первых веков нашей эры на севере побережья Перу всегда

существовало хотя бы одно крупное государственное образование, а политическая дезинтеграция затрагивала лишь отдельные группы долин, но не весь ареал. Для VIII–IX вв. н.э. таким государством с территорией от долины Чао до долины Уармей (200 км вдоль побережья) являлась Касма [Vogel 2011]. Ее столица Эль-Пургаторио (не путать с Тукуме, для которого название «Эль-Пургаторио» также используется) находилась в южной части долины Касма. В середине XIV в. эту область завоевало государство Чимор, а через сто с лишним лет — Инки.

Развитие сложных обществ на Центральном побережье Перу в первой половине и середине I тыс. н.э., скорее всего, шло тем же путем, что и в более северных долинах, но эти памятники хуже изучены. Синхронной мочеке культуре лима вполне могла соответствовать государственная структура [Agurto Calvo 1984; Cavatruni 1990]. Образцов фигуративного искусства лимы мало, но художественный и технический уровень имеющихся очень высок. Среди них есть сосуд с изображением мифического персонажа с головами-трофеями в руках [Lumbreras 1975, fig. 213] — тема, характерная для большинства перуанских культур. Основные памятники лимы, в том числе город Кахамаркилья и комплекс монументальных сооружений Маранга, в значительной мере уничтожены строительными работами на территории перуанской столицы. Одним из культовых центров лимы был храм Пачакамак в долине Лурин. Однако в основном найденные там материалы относятся к периоду господства на Центральном побережье культуры уари, к прединкскому и инкскому времени.

Глава 3 СЕВЕР ГОРНОЙ ОБЛАСТИ ПЕРУ В I ТЫС. Н.Э.

Соседями мочеки в горах были рекуай на юге [Grieder 1978; Lau 2006; 2009], уамачуко в прилегающих к верховьям Моче районах и кахамарка на севере (рис. 27).

Кахамарка и рекуай представляли собой вождества разной степени сложности, которые возникли примерно в то же время, что и вождества мочеки на побережье, т.е. в первых веках нашей эры. В VII в. н.э. культура рекуай и, вероятно, также кахамарка оказались в пределах новой политической общности с центром в Уари в долине Аякучо (см. ниже). Влияние Уари привело к изменениям в культуре и, по-видимому, к экономическому подъему. При этом прямой политический контроль Уари над соответствующими районами вряд ли имел место.

В кахамарке фигуративный художественный стиль не сложился, вся орнаментация геометрическая, а парадная посуда отличается от рядовой составом теста — она сделана не из обычной глины, а из каолина [Watanabe 2009: 207–212]. Эта особенность лишней раз доказывает, что сложные фигуративные стили в искусстве доиспанской Америки, требовавшие труда мастеров-профессионалов, были связаны не столько с определенными этносами, сколько с находившимися у власти элитарными группами. Посуда из каолина служила для элиты кахамарки таким же средством продемонстрировать свое исключительное положение, как и сюжетные росписи определенного стиля у мочеки или наска. Наиболее значительным поселением культуры кахамарка и, очевидно, центром крупного политического объединения во второй–третьей четверти I тыс. н.э. был Койор, располагавшийся на скальном выступе посреди долины. Об архитектуре Койюра известно почти исключительно по описанию начала XIX в., сейчас постройки полностью уничтожены. Некоторые здания были построены из многотонных циклопических блоков. Холм, где они находились, имеет площадь 14 га, но площадь окружающей рядовой застройки определить трудно. В период существования Койора число обитателей в долине Кахамарки резко

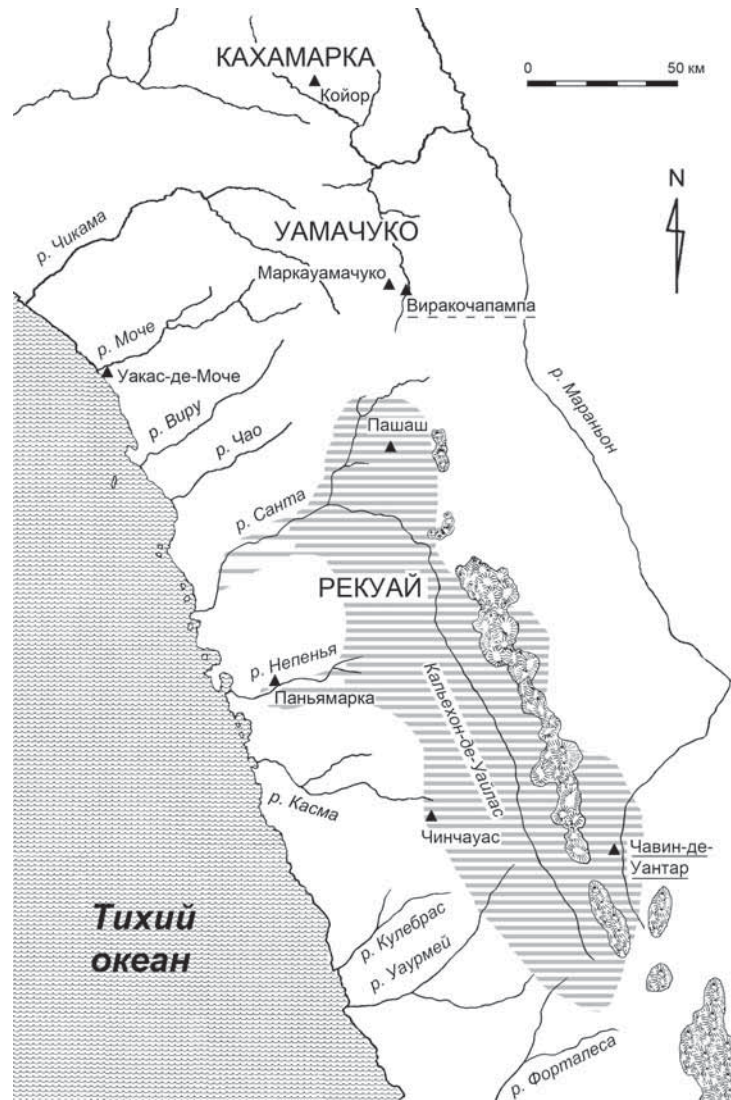

Рис. 27. Области распространения культур кахамарка, уамачуко и рекуай ок. 500 г. Заштрихована территория, в пределах которой встречается керамика рекуай, по [Nohmann 2010, Abb. 3]. Сплошной чертой подчеркнуты названия поселений, существовавших до возникновения культуры рекуай, пунктиром — существовавшие после ее исчезновения

сократилось [Julien 1988: 157–162, 175]. По-видимому, большинство жителей сосредоточилось на центральном поселении, так что ожидаемая для вождеств трехступенчатая иерархия поселений в данном случае не прослеживается.

Экспансия создателей культуры кахамарка могла сыграть определенную (хотя вряд ли главную) роль в исчезновении мочикской культуры на севере ее ареала, поскольку на некоторых памятниках парадная керамика кахамарки сменяет керамику мочика [Chapdelaine 2011: 211; Rosas 2007]. Вместе с тем люди, изготовлявшие на побережье керамику кахамарка, могли быть и колонистами, не вступавшими в конфликт с местным населением [Watanabe 2009: 224–229].

В VII в. кахамарка вошла в сферу влияния уари. После распада государства Уари и последовавшего за ним разрыва торговых связей на большей части центральноандского региона население этих территорий значительно сократилось, сложные политические образования исчезли. Новая политическая интеграция началась лишь после 1200 н.э. Ко времени инкского завоевания район Кахамарки являлся частью царства Куисманку, центр которого располагался тоже в горах, но западнее хребта, отделяющего бассейн Мараньон от бассейнов рек, текущих к Тихому океану [Julien 1988: 175; 1993].

Занятая культурой рекуай территория в бассейне р. Санты по площади превосходит территорию многих других культурных общностей Древнего Перу (см. рис. 52), но возможности для интенсификации сельскохозяйственного производства за счет сооружения каналов, террас и т.п. здесь были не столь велики. В бассейне Санты, горная часть которого носит название Кальехон-де-Уайлас, для периода существования рекуай не заметно свидетельств резкого роста политической сложности. В VII в. н.э. эта территория оказалась вовлечена в орбиту влияния государства Уари, а после ее распада и до инкского завоевания в середине XV в. крупных вождеств в Кальехон-де-Уайлас не было. Для рекуай характерны массивные сооружения из обработанного камня (комплекс Пашаш на севере ареала культуры, рис. 28), каменная скульптура (рис. 29), раскрашенные ткани и керамика с изображениями антропо- и зооморфных персонажей (рис. 30 нижн.). Набор подобных персонажей невелик. Часто изображаются головы-трофеи, клюющие их стервятники, воины, персонаж с двумя ягуарами или птицами по сторонам, круглая личина с отростками. Золота в погребениях нет, среди медных изделий — булавки с головками в виде тех же мифологических пер-

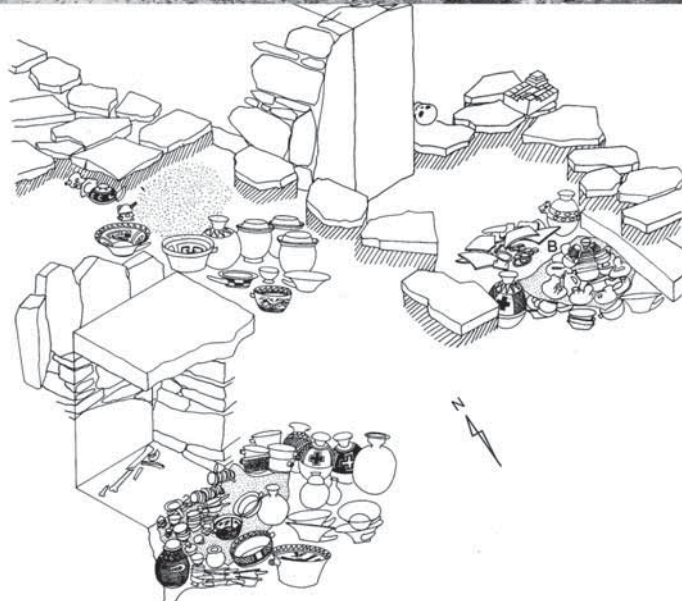

Рис. 28. Пашаш

Вверху: высокая каменная платформа у склона холма.
Внизу: схема расположения погребального инвентаря в заупокойном храме, по [Grieder 1978, fig. 9, 28]

сонажей, что и на керамике. На юге ареала рекуай крупнейшим известным архитектурным комплексом является Чинчауас, но он был основан в VII в. н.э., так что постройки относятся лишь к самому концу существования рекуай, а в основном уже к эпохе господства Уари [Hohmann 2010: 51–52; Lau 2001]. Система поселений рекуай не изучена.

В Пашаш исследован небольшой храм, сооруженный по случаю погребения знатной женщины. Помимо костных останков и совершенно истлевших тканей, погребальный инвентарь включал десятки декорированных керамических сосудов, каменных чаш и медных булавок. Парадная керамика была сделана на гончарном круге — уникальный случай для Нового Света. Это техническое приспособление явно рассматривалось как способ увеличить ценность изделий, а не облегчить их производство [Grieder 1978]. Что касается обработанного камня, то в Пашаш обнаружены лишь плиты поперечником 40–60 см с рельефными изображениями (рис. 29.1–4). Южнее, в Кальехон-де-Уайлас, встречаются блоки шириной более 1,5 м с рельефными изображениям, а также полнофигурные статуи (рис. 29.5–9). Однако крупной монументальной скульптуры, транспортировка которой требует усилий многих десятков людей, в культуре рекуай нет.

Контакты рекуай и мочика отражены в распространении сходных элементов иконографии и наличии сосудов, в которых совмещены признаки обеих традиций [Reichert 1982]. Одежда и вооружение некоторых воинов на мочикских изображениях отличаются от обычных, и есть основания полагать, что запечатлены военные столкновения мочика и рекуай [Березкин 1978; Hohmann 2010: 54–55].

К северу от территории рекуай важный политический центр возник в районе Уамачуко. О местных культурах ранее середины I тыс. до н.э. известно мало. Земледельческий потенциал и уровень политической централизации в Уамачуко были, скорее всего, такими же, как в Кахамарке (рис. 51), но сохранность центрального поселения здесь значительно лучше. Около 400 н.э. на скальном выступе посреди долины на высоте 3600 м над уровнем моря был построен город Маркауамачуко. Учитывая размеры общественно-культовых сооружений, он мог бы претендовать на роль центра раннегосударственного объединения. Однако значительной жилой застройки в Маркауамачуко не выявлено, об окружающих поселениях мало данных, а число жителей самого города оценивается

Рис. 29. Каменные изваяния рекуай.

1–4: плиты с рельефами, вероятно, находившиеся в комплексе Пашаш (сейчас перенесены в соседнее селение), по [Grieder 1978, fig. 146–148, 184, 203];

5–9: трехмерные антропоморфные изваяния высотой примерно 1,5 м и плита шириной 154 см из Кальехон-де-Уайлас, по [Anton 1972, Abb. 95, Bennett 1944, fig. 33D, E, Hohmann 2010, Abb. 13, 24; Lapiner 1976, pl. 583]

относительно скромно — 5–6 тыс. чел. [Lange Toric, Toric 1990: 218]. Комплексы монументальных каменных сооружений площадью до 0,5 кв. км каждый рассеяны в Маркауамачуко на территории 5×5 км [McCown 1945; Toric 1986], стены построек из грубо обработанного камня и сейчас возвышаются на несколько метров в высоту. Маркауамачуко мог быть скорее столицей сложного вожества, нежели государства, — к этому выводу в итоге пришел и Дж. Топик, ведущий исследователь местных древностей [Toric 1998: 118–119].

Памятников искусства от культуры уамачуко почти не осталось, поскольку керамика для создания фигуративных изображений не использовалась. Однако в наиболее крупном монументальном комплексе, Эль-Кастильо, обнаружены фрагменты каменных панелей из трахита (минерал с преобладанием в составе полевого шпата), на которых сохранились изображения в низком и высоком рельефе [Lange Toric, Toric 1990, fig. 165, 166]. Судя по ним, в уамачуко существовал фигуративный стиль, сходный с характерным для культуры рекуай (рис. 30).

В VII в. н.э. люди уари, пришедшие с юга, из района современного Аякучо, построили в Уамачуко свой центр Виракочапампа площадью 33 га с правильной и необычной планировкой (рис. 31) [Bonavía 1991: 384–385]. Она похожа на планировку другого комплекса культуры Уари, Пикильякты, расположенного неподалеку от Куско, о котором ниже. Маркауамачуко продолжал в это время расширяться, но с распадом Уари и оставлением Виракочапампы строительство здесь прекратилось, а к 1000 н.э. город был вовсе покинут [Dulanto 2008: 766].

Характерной особенностью Маркауамачуко являются длинные здания с рядами ниш в стенах. Этот архитектурный прием создатели культуры уари, видимо, заимствовали от уамачуко (рис. 32), а позже он стал применяться инками. Предполагается, что большие помещения с нишами служили для совершения ритуалов, связанных с почитанием предков [McEwan 1998]. Ниши, скорее всего, служили вместилищами костей или мумий, к которым члены определенных родовых подразделений имели доступ во время праздников. В горных районах Перу и Боливии после эпохи уари и позже разные типы подобных «открытых гробниц» распространились почти повсеместно [Isbell 1997: 205]. Инки не были исключением, так что вынос из склепов мумий умерших правителей являлся важнейшей частью государственных ритуалов.

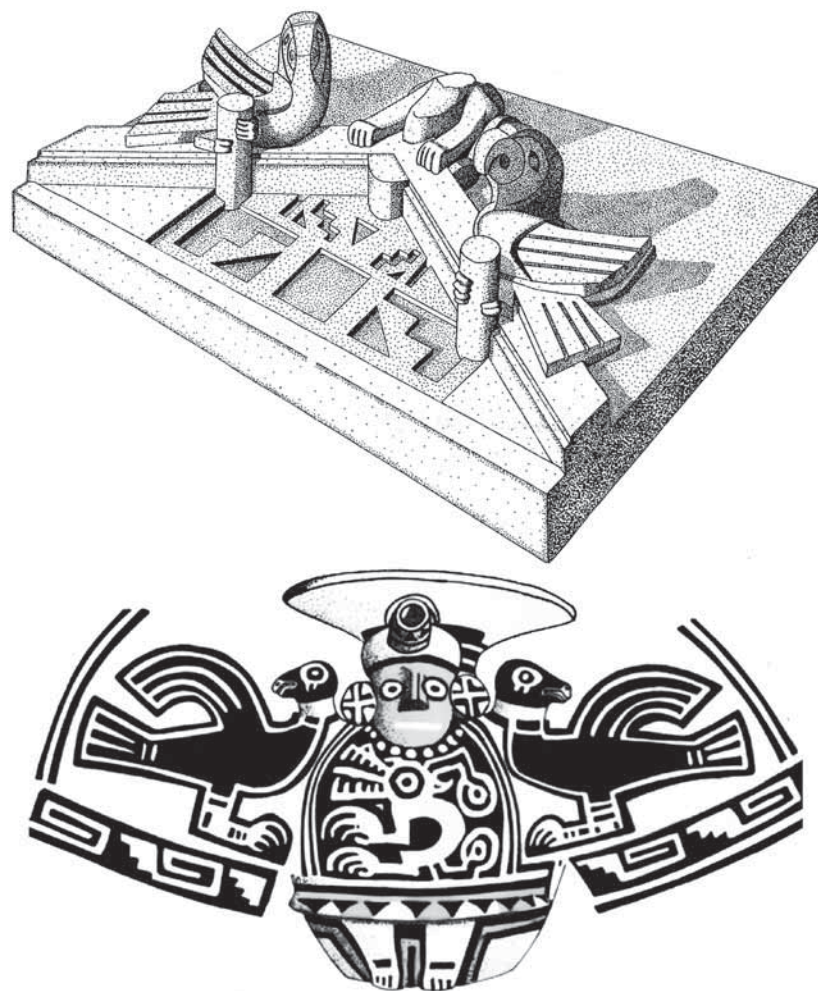

Рис. 30. Вверху: фрагмент каменной плиты с изображением в высоком рельефе из развалин Эль-Кастильо в Маркауамачуко, по [Lange Toric, Toric 1990, fig. 166], размер основания 1,1×0,8 м. Внизу: прорисовка изображения на сосуде рекуай, по [Hohmann 2010, Abb. 166]

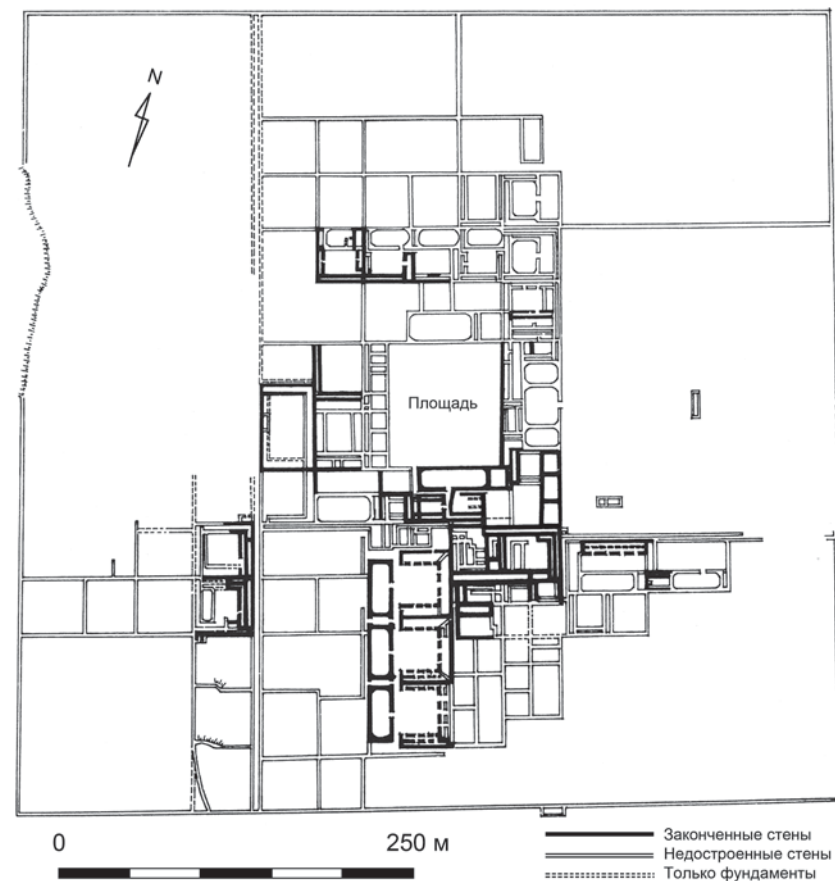

Рис. 31. План Виракочапампы, VII в. н.э., район Уамачуко, по [Bonavía 1991, fig. 45]

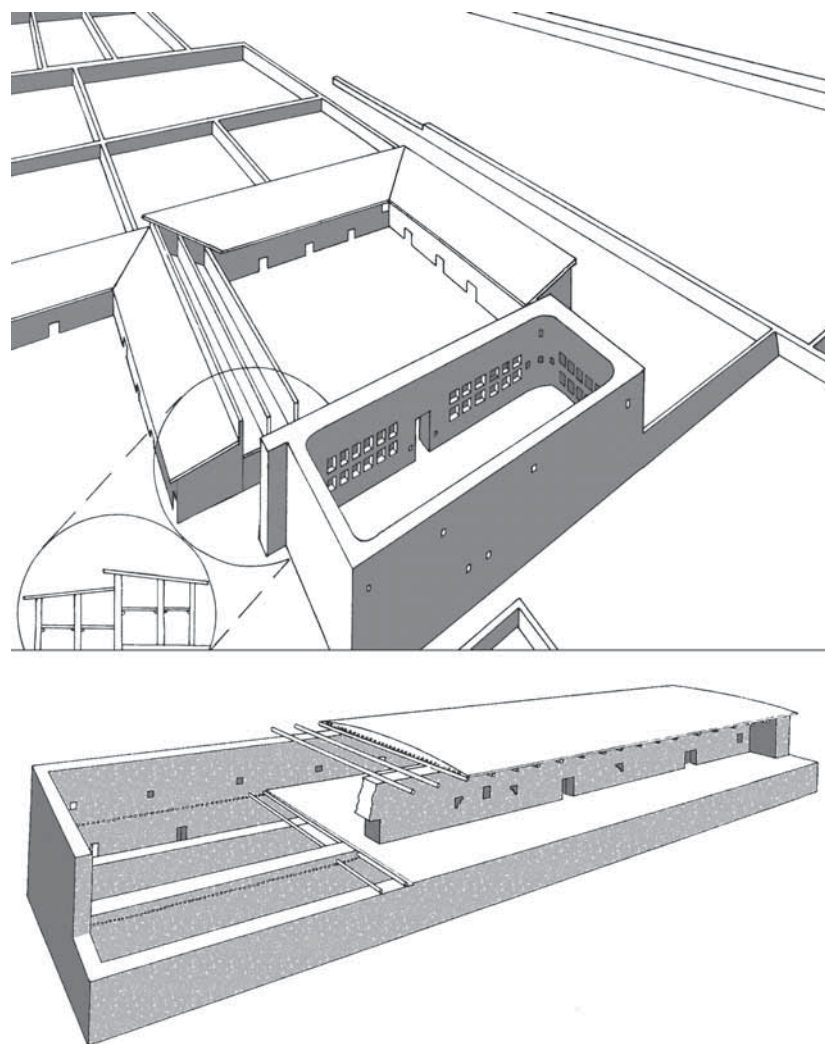

Рис. 32. Реконструкция длинных строений с нишами, характерных для Маркауамачуко (культура уамачуко, внизу) и Виракочапампы (форпост уари в районе Уамачуко, вверху), по [Toric 1986, fig. 5, 6]

Глава 4 ЮГ ПОБЕРЕЖЬЯ ПЕРУ В КОНЦЕ I ТЫС. ДО Н.Э. — НАЧАЛЕ II ТЫС. Н.Э.

Становление сложных обществ на Южном побережье Перу (рис. 33) началось на полтора—два тысячелетия позже, чем на Северном. Местные долины беднее водой, а прилегающая морская акватория менее богата рыбой, чем в районах к северу от Лимы, поэтому демографический потенциал в самых крупных по площади долинах Ика и Наска (см. рис. 51) ограничен и очаг формирования государственности здесь сложиться не мог. В этом отношении Ика и Наска напоминают Кальехон-де-Уайлас, где, как только что говорилось, самостоятельных политических образований, приближающихся к уровню государства, также никогда не было. Благодаря сохранности органики в могильниках на полуострове Паракас, расположенном между Писко и Икой, и обилию в культурах Южного побережья предметов со сложными фигуративными изображениями некоторые из этих культур получили мировую известность. Однако по уровню политической сложности общества южных долин всегда уступали синхронным обществам Северного побережья Перу.

Речной сток в более северных долинах Писко и Чинча больше, и именно здесь появились первые на Южном побережье монументальные сооружения. Во второй половине I тыс. до н.э. в этих долинах существовала культура топара, связанная происхождением с Центральным побережьем Перу [Peters 1997: 164—171; Proulx 2008: 569]. Среди памятников топара в долинах Писко, Чинча и Каньете есть как скопления жилых построек с общественно-культовыми сооружениями небольшого размера (Чонгос в Писко площадью 40 га), так и комплексы дворов и платформ, рядом с которыми нет заметной жилой застройки, в частности Уака-де-Сото в Чинче [Wallace 1986: 43, 45]. Но, помимо этих относительно небольших памятников, в низовьях Чинчи обнаружен и грандиозный комплекс монументальных платформ Санта-Роса. Главная платформа сложена из необработанного камня и размерами (430×140×25 м) соперничает с общественно-храмовыми центрами Северного побережья Перу

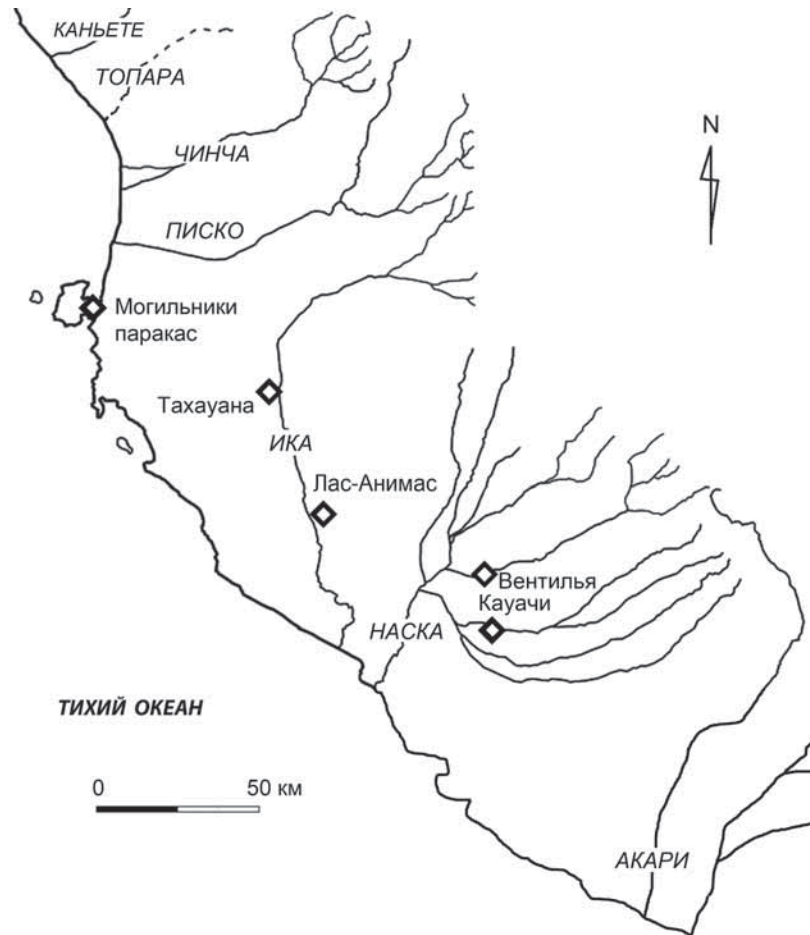

Рис. 33. Расположение долин и памятников на юге побережья Перу

II тыс. до н.э. [Canziani 2009]. Отсутствие изображений на сосудах топара Д. Уоллес разумно объясняет тем, что техническое совершенство этой керамики, связанное с резким повышением температуры обжига, было достаточно для превращения подобной посуды в продукт престижного потребления [Wallace 1986: 45]. Главной же категорией престижных изделий топара являлись ткани. На основной территории культуры они не сохранились, но обнаружены в мо-

гильнике Уари-Кайян на полуострове Паракас, где насыщенность почвы солью препятствует разложению органики.

В период с I в. до н.э. до середины III в. н.э. жители Чинчи или Писко приносили сюда тела мужчин преклонного возраста (рис. 34). С погребенными оставляли оружие, керамические сосуды, небольшие золотые украшения, но главное — роскошные ткани. Учитывая сложность их изготовления и художественное совершенство, стоимость тканей, основанная на оценке реальных затрат труда, сопоставима со стоимостью крупных изделий из золота. Каждый из многих десятков похороненных в Уари-Кайян людей снабжен набором тканей с неповторимой в деталях орнаментацией, однако

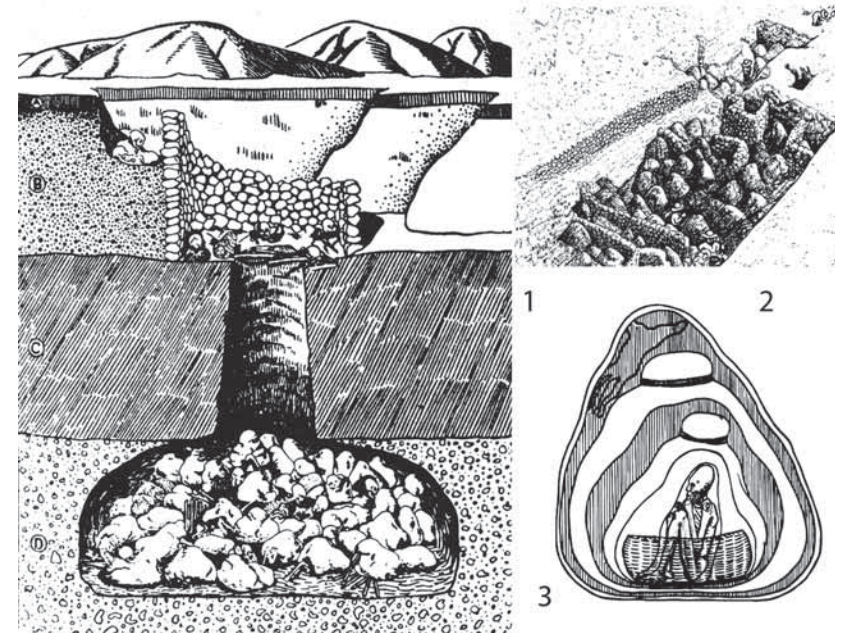

Рис. 34. Типы захоронений на п-ве Паракас, по [Kauffmann Doig 1980: 305, 311].

- 1) Коллективные погребения второй половины I тыс. до н.э. (тип «паракас-кавернас», культура паракас).
- 2) Коллективные погребения рубежа нашей эры, могильник Уари-Кайян (тип «паракас-некрополис», культура топара).
- 3) Схема, показывающая положение погребенных внутри тканевого «кокона», могильник Уари-Кайян

существенных различий в составе и количестве инвентаря между погребенными не отмечено. Трудно сказать, какая часть стариков обладала привилегией быть погребенными в Уари-Каян, но за три века их число достигло почти пятисот [Peters 1997: 274–299].

Культуру топара до сих пор нередко объединяют с культурой паракас («паракас-кавернас»), существовавшей южнее, в долинах Ика и Наска. Люди этой культуры также приносили умерших на полуостров Паракас, но хоронили в могилах другого типа (рис. 34.1). Между двумя культурами есть черты сходства в формах керамики и иконографии, но в социально-политическом отношении общество паракас было менее развитым. Ранее последней четверти I тыс. до н.э. в Ике и Наске существовали независимые общины или простые вождества. Затем в средней части долины Ика население на короткое время сосредоточивается в городках Тахауана (рис. 33) и Медиа-Луна [Bonavía 1991: 227–228; Pezzia Assereto 1968: 108; Rowe 1963: 9]. Как и в Серро-Арена в Моче, общественно-культурные сооружения в них немногочисленны и невелики по размеру, а положение выбрано, исходя, скорее всего, из нужд обороны (рис. 35 верхн.). Если в Ике возникли сложные вождества, то самое крупное было расположено в нижней части долины в районе Кальянго. Его центром было поселение Анимас-Альтас (вместе с более ранним и расположенным рядом Анимас-Бахас образующее археологический комплекс Лас-Анимас). Здесь обнаружены значительные монументальные объекты II в. до н.э. [Makowski 2008: 646; Massey 1983; Proulx 2008: 571], а фриз с прочерченными изображениями мифических существ на стене одного из святилищ (рис. 35 нижн.) уникален для памятников Южного побережья.

Около рубежа нашей эры под влиянием топара, но на основе традиций паракас в долинах Ика и Наска формируется культура наска. Оставившие ее люди были генетически похожи на людей паракас, отличаясь как от современного им населения горных районов, так и от нынешних перуанских индейцев [Fehren-Schmitz 2010]. Центром культуры наска на ее раннем этапе являлся комплекс общественно-культурных сооружений Кауачи площадью 125 га (рис. 36). Следов значительного постоянного населения на памятнике не обнаружено, люди сходились сюда время от времени для совершения ритуалов [Silverman 1988; 1993; Silverman, Proulx 2002]. В Кауачи сохранились десятки платформ из сырцового кирпича, однако объем их кладки был относительно скромным. Хотя многие

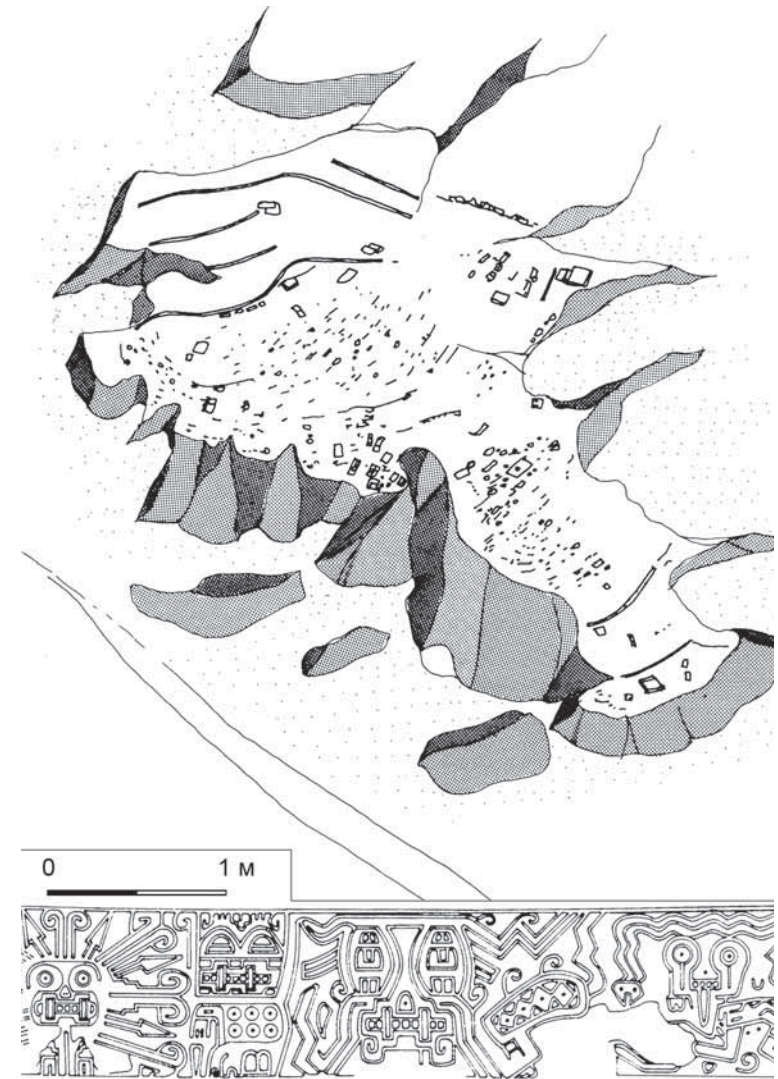

Рис. 35.

Вверху: схема расположения поселения Тахауана в долине Ика, конец I тыс. до н.э., по [Bonavía 1991, fig. 31].

Внизу: деталь прочерченного фриза на поселении культуры паракас Анимас-Альтас, по [Massey 1990, fig. 116]

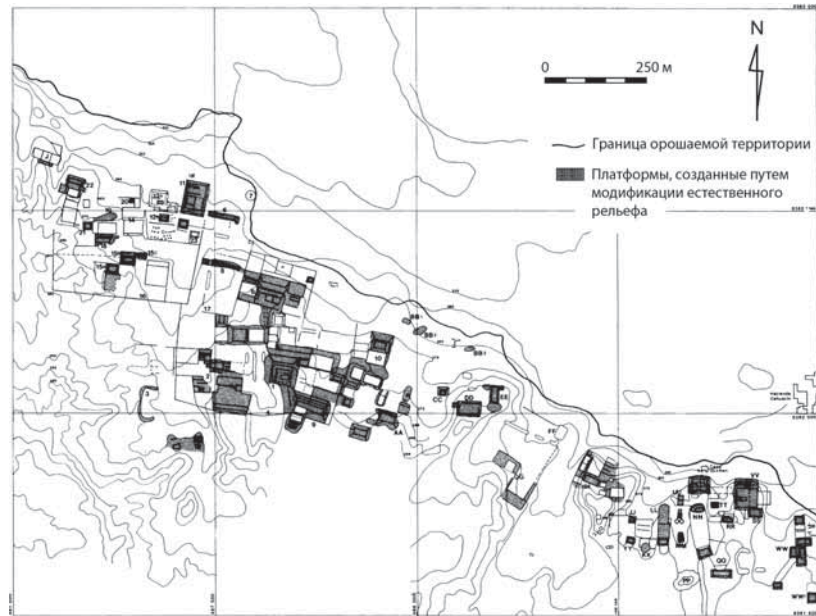

Рис. 36. План основной части Кауачи — главного центра культуры наска в первых веках нашей эры, по [Silverman 1988, fig. 5]

платформы кажутся массивными, внутри находятся естественные скальные выступы. Других крупных поселений культуры наска также не найдено — только деревни. Предположение, что поселение Вентилья (в регистре памятников Х. Силвермен — № 165) представляло собой город, признано недостаточно обоснованным. Его площадь до разрушения в недавнее время составляла 1 кв. км, но на этой территории располагались не только жилые дома, но и самые разные объекты, включая геоглифы, а часть построек вообще относится к периодам после исчезновения культуры наска [Proulx 1999; Silverman 2002: 50–57, fig. 5.24, 6.13, 7.1, 9.13].

Вдоль речек и выведенных из них каналов на территории наска, вероятно, располагались заросли альгаробы, или мескитового дерева (*Prosopis* sp.). В аридных областях Южной Америки оно служит источником не только пищевых бобов, но и твердой древесины. Вырубка альгаробы могла привести к опустыниванию и в конечном счете к демографическому кризису середины I тыс. н.э. и поглощению культуры наска горной культурой уари [Beresford-

Jones et al. 2009]. Во второй половине V в. н.э. люди переселились выше по течению речек и построили уникальную для Нового Света систему подземных водоводов-кяризов. Она служила для орошения посевов кукурузы, доля которой в диете в VI в. н.э. значительно увеличилась, — на это указывает соотношение изотопов в костях погребенных [Kellner, Schoeninger 2012: 495, 500].

Побережье Перу к югу от долины Наска вошло в зону влияния центральноандских обществ лишь в V–VI вв. н.э. В расположенной южнее долины Наска долине Акари в I в. н.э. ощущалось только слабое влияние культуры наска, а признаков надобщинной политической организации не выявлено [Valdez 1996; 1998]. Выделяющиеся инвентарем погребения есть, но их инвентарь (туши лам, украшения из кости и раковин) не включает предметов, производство которых связано со значительными затратами [Valdez 2009: 183–187]. Не найдено в Акари и предметов с фигуративными изображениями, не считая одного небольшого золотого украшения, очевидно, попавшего сюда из долины Наска [Valdez 1996: 15]. Формы керамики местной культуры уарато похожи на раннюю наску, но сделаны эти сосуды грубее, а погребальный обряд в Акари отличен от обычного для культуры наска.

В то же время в Акари, как и в более северных долинах, был распространен культ голов-трофеев. На одном из памятников обнаружены останки обезглавленных мужчин, женщин и детей, причем один из мужчин явно был умерщвлен на похоронах человека, чье захоронение выделяется относительным богатством. Судя по следам на позвонках шейного отдела, смерть произошла вследствие обезглавливания. При этом обезглавленное тело женщины, которая, видимо, умерла от родов, было похоронено по обряду, а не просто брошено в яму, как большинство других [Valdez 2009: 185–193]. Означает ли это, что в ритуале использовались как головы врагов, так и в ряде случаев соплеменников, не вполне ясно.

Захоронения отрезанных голов найдены на двух памятниках в низовьях долины. Автор публикации отнес их к ранней культуре наска, но специфичных именно для наска предметов рядом не обнаружено [Vargaubar 1987]. Судя по порезам на костях черепа, жертвам перед смертью наносили тяжелые увечья. По-видимому, ритуал не ограничивался самим по себе добыванием голов, как у хиваро и мундуруку в XVIII–XIX вв., но предусматривал причинение жертвам страданий.

Резкие различия в уровне социополитической организации между долинами Наска и Акари трудно объяснить природными условиями, которые бы способствовали усложнению общества в одном случае или затрудняли этот процесс в другом. Условия эти были похожи. Вероятная причина неравномерного развития в другом. Наска в конце I тыс. до н.э. уже вошла в постепенно расширяющуюся сферу социокультурного взаимодействия, которая стала формироваться в северных районах Центральных Анд не позже начала III тыс. до н.э., а долины Акари влияние более развитых обществ в это время еще не достигло. Затем такое влияние распространилось на эту долину и долины перуанского побережья, находящиеся далее к югу. В 1943 г. в низовьях Акари было раскопано захоронение с сопроводительными жертвами и значительным количеством орнаментированных тканей, статуэток и сосудов в стиле поздней наски [Lothrop, Mahler 1957]. Позже подобные материалы были найдены и в других прибрежных долинах департамента Арекипа [Proulx 1994; 2000]. Количество и качество тканей, попавших на рынок древностей, свидетельствуют о разграблении очень богатых захоронений. Конкретной информации о создателях этих тканей пока нет, но речь, похоже, идет о местном производстве. Считается вероятным, что сам художественный стиль, характерный для поздней наски, мог сложиться не в Наске или Ике, а именно здесь, на крайнем юге перуанского побережья [Haeblerli 2006].

Глава 5 ЮГ ГОРНОЙ ОБЛАСТИ ПЕРУ И БОЛИВИЙСКОЕ ПЛОСКОГОРЬЕ В СЕРЕДИНЕ II ТЫС. ДО Н.Э. — НАЧАЛЕ II ТЫС. Н.Э.

Потенциал развития юга горного Перу и Боливии был выше, чем в долинах Южного побережья, однако эта область сильно зависит от колебаний климата. К северо-западу и югу от озера Титикака первые небольшие здания и ритуальные участки общественно-культурного назначения появляются лишь в конце II тыс. до н.э., т.е. на 2 тыс. лет позже, чем на севере перуанского побережья. Ранее середины II тыс. до н.э. на Боливийском плоскогорье господствовали аридные условия, уровень озера Титикака был на 20, 50, а возможно, даже на 100 м ниже современного (рис. 37 лев.), и земледельче-

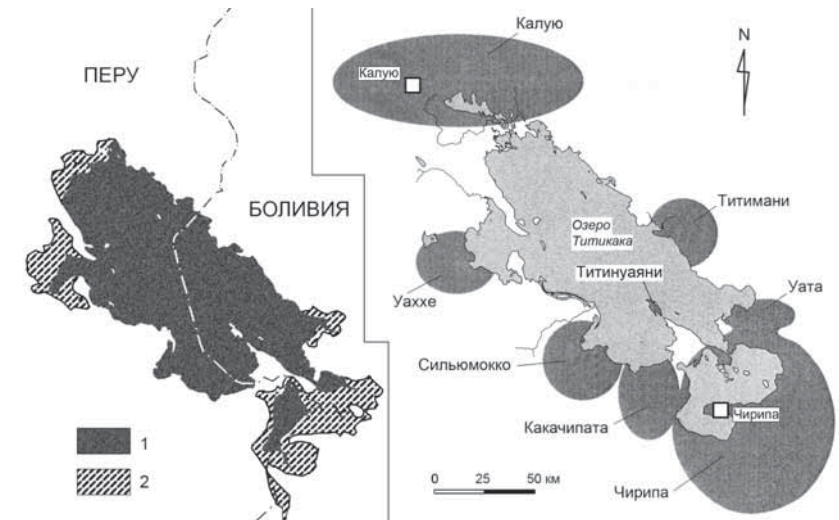

Рис. 37.

Слева: изменение береговой линии оз. Титикака, по [Richardson 1994: 99]; 1) примерная акватория 2000 до н.э.; 2) современная акватория. Справа: расположение вождеств в бассейне оз. Титикака в начале нашей эры, в период доминирования политики со столицей в Пукаре, по [Stanish 2003, fig. 1.3]

ский потенциал ареала крайне низок [Craig 2011: 371; Kolata 2000: 168–169; Ortloff, Moseley 2009: 279].

К середине I тыс. до н.э. сооружения общественно-культурного назначения в бассейне Титикаки приобретают монументальность, свидетельствуя о возникновении объединений уровня сложных вождеств (рис. 37 прав.) [Cohen 2010: 302–306; Hastorf 2008: 548–553; Stanish 2001; 2003: 4–10].

К началу II в. до н.э. к северо-западу от озера Титикака возвысилась Пукара, а близ юго-восточного побережья — Тиауанако [Couture 2002: 311–318]. Борьба за лидерство иногда носила характер истребительных войн, о чем есть археологические свидетельства [Stanish, Levine 2012]. Пукара вплоть до ее падения в III в. н.э. оставалась крупнейшим наряду с Гальинасо в долине Виру политическим образованием Центральных Анд (рис. 38). Произошла ли

Рис. 38. Расположение вождеств в бассейне оз. Титикака в начале нашей эры, в период доминирования политики со столицей в Пукаре, по [Stanish 2003, fig. 1.4]

гибель Пукары в ходе военного столкновения с Тиауанако, неизвестно. Площадь городища Пукары достигает 1,5 кв. км [Cohen 2010: 64], а крупнейшая из платформ из обработанного камня и щебня имеет размеры 300×200×32 м [Mujica 1990: 161]. Правда, часть этого объема, как и в Кауачи, занимает естественное возвышение. Относительно плотности застройки сведений нет. Население наверняка измерялось тысячами, но превышало ли оно 5 и тем более 10 тыс., сказать трудно.

Для культур Боливийского плоскогорья конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. характерны каменная архитектура и скульптура (в том числе в виде мифических персонажей, держащих в руках головы-трофеи), а также полихромная керамика и ткани-келимы с изображениями мифических существ. В горных районах ткани не сохранились, но они известны по находкам из погребений на засушливом побережье. Крупных золотых изделий этого времени не найдено. Системы поселений изучены недостаточно, но три иерархических уровня, вероятно, были.

Начиная со второй половины II тыс. до н.э. в культурах бассейна Титикаки важнейшим элементом планировки общественно-культурных сооружений являлась площадь, углубленная ниже уровня окружающей поверхности (рис. 39). В отличие от северного Перу III — середины I тыс. до н.э., она здесь не круглая, а прямоугольная. Судя по обилию фрагментов кухонной и столовой посуды, эти участки предназначались для пиршеств, вероятно, связанных с почитанием предков, чьи могилы были расположены здесь же [Bergman 2010: 69–77; Couture 2002: 312]. В Центральных Андах общественные пиршества оставались важнейшим инструментом формирования социополитических общностей вплоть до прихода испанцев [Bergman 2010; Bray 2008b].

Около 600 н.э. на месте политий разного масштаба в пределах центральных и южных районов Перу и северо-запада Боливии возникают два государства — Уари и Тиауанако. Свойственный им обоим стиль искусства связан с только что упоминавшейся культурой пукара и испытал влияние наски, но его точное происхождение не определено. Государство Мочика возникло на два–три века раньше и некоторое влияние на процессы политогенеза в горных районах Центральных Анд оказать могло. Так, в искусстве культуры наски на ее позднем этапе в подражание мочикским образцам появились сюжетные сцены с участием людей (рис. 40) [Proulx 1994].

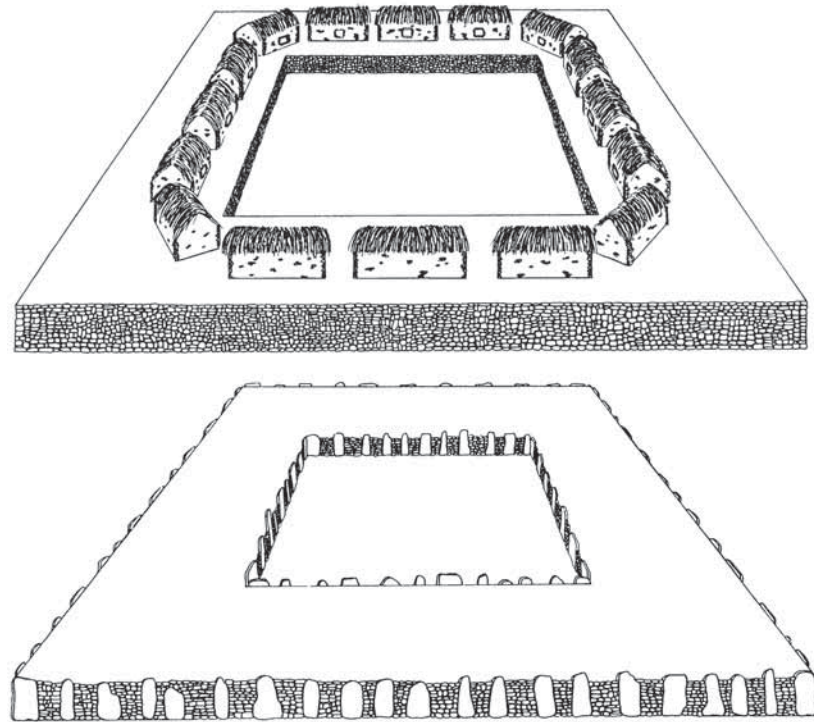

Рис. 39. Идеализированная реконструкция углубленной площадки в Чирипе у южного берега оз. Титикака.

Вверху: времени существования крупного вождества с центром в Чирипе в VII—I вв. до н.э.

Внизу: периода возвышения Тиауанако, когда Чирипа, видимо, стала провинциальным административным центром. В это время платформа была обрамлена каменными блоками весом до 4,5 т, по [Browman 1998, fig. 4, 5]

Прямых данных о такого рода влиянии на горные области нет, но наска с районом Аякучо была, как только что отмечалось, тесно связана. Кроме того, только в мочика, с одной стороны, и в уари и тиауанако — с другой, представлена традиция натуралистического скульптурного портрета — керамические сосуды в виде голов и фигур людей (рис. 41) [Donnan 2001; Korpisaari, Pärssinen 2011: 113–124]. Ничего похожего в других культурах Америки нет. В мочика эта традиция возникла раньше.

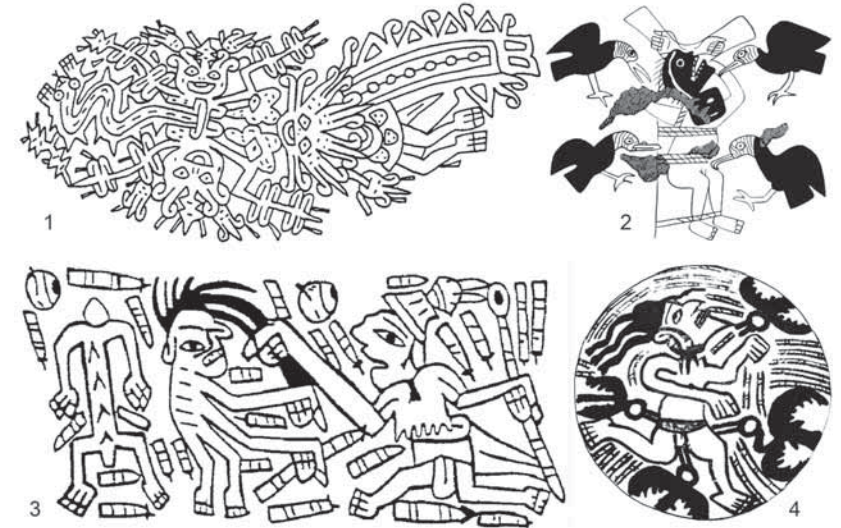

Рис. 40.

1) Изображение мифического персонажа, традиционное для позднего этапа культуры наска. Оно состоит из элементов, почти до неузнаваемости деформированных по сравнению с ранними прототипами, по [Proulx 2006, fig. 5.19].

2) Казнимый пленник и стервятники, роспись на сосуде мочика, по [Kutscher 1983, Abb. 121].

3) Изображение поединка на сосуде наска, сюжетно и композиционно следующее образцам искусства мочика. Слева от пленника — обезглавленное тело, по [Proulx 1966, fig. 5.115].

4) Казнимый пленник и стервятники, роспись на сосуде поздней наски. Этот сюжет, вероятно, проник на юг побережья Перу под влиянием культуры мочика, по [Proulx 1994, fig. 14; Reid, Jiménez Borja 1986: 166]. См. также рис. 54.4 и 62.8

Основная территория Тиауанако ограничивалась районом к юго-востоку от оз. Титикака, составляя 2–3 тыс. кв. км. Это примерно соответствует территории других первичных государств Нового Света — Монте-Альбана в мексиканской Оахаке [Feinman et al. 1985: 344; Marcus 2008: 74, 87] и той же Мочкики. Все крупные поселения (т.е. административные центры второго порядка) расположены не далее 75 км от столицы. Столица находилась на высоте 3840 м над уровнем моря и была отделена от озера Титикака холмистой грядой.

Рис. 41. Портретные сосуды мочика, V в. н.э., по [Donnan 2001: 126], и тиауанако, VIII в. н.э., по [Korpisaari, Pärssinen 2011, fig. 21]

Главное монументальное сооружение в Тиауанако, Акапана, сильно повреждено грабительскими раскопками, так что его первоначальный облик реконструируется лишь в общих чертах (рис. 42.1, 2). Ясно, что общественно-культурная архитектура продолжала местные традиции, восходящие как минимум ко II тыс. до н.э. Акапана имела форму ступенчатой платформы размером 205×185×16,5 м и частично была сложена из циклопических обработанных каменных блоков. Рядом находился огражденный двухметровой каменной стеной комплекс Каласасая со знаменитыми Воротами Солнца и прямоугольный двор, углубленный ниже окружающей поверхности. На вершине Акапаны обнаружены жилые дома, очевидно, предназначенные для высшей элиты. Углубление 45×45 м могло служить просто для сбора дождевой воды [Manzanilla, Woodard 1990: 134–138], однако более вероятно, что оно имело символическое значение. На небольшой каменной стеле из Тиауанако представлена та же космологическая схема, которую отражает план Акапаны (рис. 42.5).

Предметы с изображениями в стиле тиауанако найдены в нескольких районах на юге Перу, севере Чили и в долине Кочабамба на восточных склонах боливийских Анд. Эти находки свидетельствуют о разных процессах. В долине Осморе на побережье Перу найден общественно-культурный центр Тиауанако (рис. 42.6)

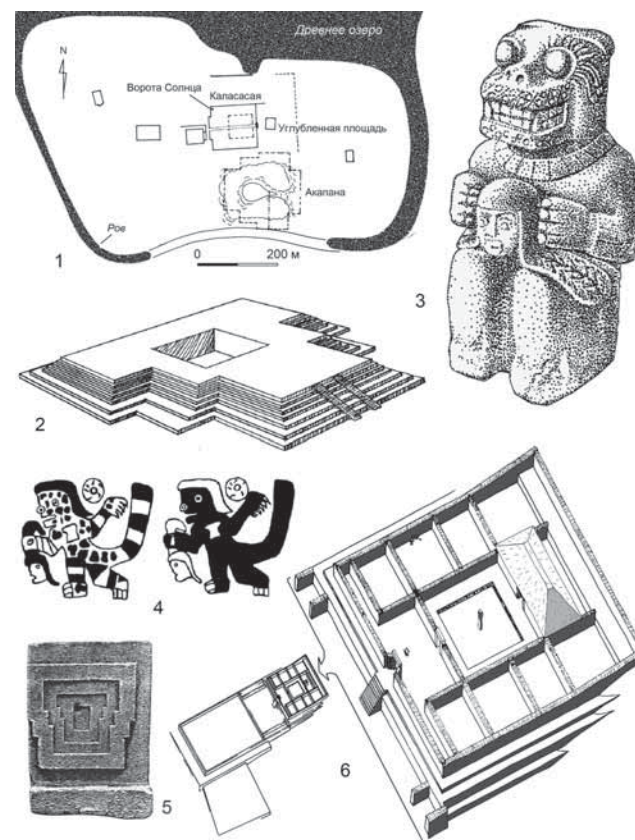

Рис. 42. Культура тиауанако.

- 1) Схема расположения монументальных объектов в центре Тиауанако, по [Proulx 1983: 106; Ishida 1960: 337].
- 2) Примерная реконструкция Акапаны, по [Smith 2012: 11].
- 3) Найденная при раскопках Акапаны базальтовая статуя человека-пумы с головой-трофеем в руках, по [Manzanilla, Woodard 1990, fig. 14].
- 4) Детали изображения на сосудах позднего этапа культуры тиауанако из святилища на острове Парити: человек-пума и человек-ягуар с головой-трофеем в руке, по [Smith 2012: 42; Villanueva 2007, fig. 7].
- 5) Каменная плита с городища Тиауанако, рельеф на которой напоминает план Акапаны, по [Kolata, Ponce Sangines 1992, fig. 14].
- 6) Общественно-культурное сооружение площадью 120×43 м в Омо — колонии Тиауанако на крайнем юге побережья Перу, в долине Осморе близ г. Арекипа, по [Goldstein 1993, fig. 9]

[Goldstein 1993], а изучение черепов из погребений показало, что более позднее население этого района является потомками колонистов с Боливийского плоскогорья [Sutter 2000]. Вместе с тем на культуру местного населения долины Осморе Тиауанако не оказало влияния. К тому же выше по течению реки находился Серро-Бауль — форпост государства Уари, который мог при желании блокировать связи между «колонией» Тиауанако и его метрополией в горной Боливии. Что касается долины Кочабамбы, то там получила распространение керамика тиауанако и найдены изделия из золота [Berenguer 2000: 72–73], но ни генетического следа горцев, ни построек в стиле тиауанако обнаружить не удалось [Isbell 2008: 739–740].

Наиболее интересные данные получены из оазиса Сан-Педро-де-Атакама, расположенного на высоте 2430 м над уровнем моря в северном Чили близ границы с Боливией, в 800 км к югу от Тиауанако. В местном могильнике найдены сотни дощечек для галлюциногенного порошка, украшенных изображениями в стиле тиауанако [Torres 1987a; 1987b]. Датировка самых ранних дощечек III в. н.э. позволяет предполагать, что сам стиль тиауанако или по крайней мере некоторые важнейшие представленные в нем мифологические образы появились в Чили до своего распространения в районах, прилегающих к оз. Титикака [Isbell, Knobloch 2006: 316]. Исследование костного материала из погребений в Сан-Педро-де-Атакама показало, что ни один из захороненных не был родом из горной Боливии [Knudson 2007]. Поскольку с точки зрения демографии и экономики значение оазисов северного Чили ничтожно по сравнению с территорией вдоль южного берега Титикаки, распространение данных образов в Центральных Андах, скорее всего, было вызвано причинами, имеющими отношение к религии. Оно свидетельствует о приобщении элитарных групп к определенным культам и ритуальным практикам, но не о политической зависимости одних центров от других.

Этот вывод подтверждается сведениями о химическом составе найденных в Тиауанако и Сан-Педро-де-Атакама бронзовых топоров [Lechtman, Macfarlane 2005: 25–26]. В горной Боливии топоры делали из местной руды, а найденные в могильниках Сан-Педро-де-Атакама имеют не местное, а боливийское и реже южноперуанское происхождение. Привозили ли готовые изделия или руду, в точности сказать трудно, но первое вероятнее. Это значит, что культовое значение Сан-Педро-де-Атакама не было связано с ролью этого

района как центра добычи металла. Скорее обитатели Тиауанако готовы были расплачиваться дорогостоящими изделиями за нематериальные ценности. В одном из захоронений Сан-Педро-де-Атакама были найдены даже вещи из золота, в т.ч. три сосуда в стиле тиауанако [Lleras 2005: 29]. Подобные находки похожи не на плату местным вождям за лояльность, а на компенсацию религиозным авторитетам за право пользоваться их благосклонностью. О том, что в чилийской пустыне мог находиться сакральный центр, авторитет которого распространялся на огромную территорию, свидетельствуют и обнаруженные в Сан-Педро-де-Атакама погребения с предметами культуры агуада из северо-западной Аргентины [Ataliva 2000; Llagostera 1995].

Таким образом, политическое образование с центром в Тиауанако хотя и являлось достаточно мощным, назвать его империей невозможно. Влияние Тиауанако за пределами его основной территории к югу от оз. Титикака было основано на идеологических связях, а о связях экономических и политических пока трудно сказать что-то определенное.

Общество Уари по своей политической организации явно отличалось от общества Тиауанако. Столица и эпонимное поселение возникло неподалеку от современного Аякучо (рис. 43 верхн.; карта 13 на рис. 79). Ранее в долине Аякучо существовала культура уарпа. Крупнейшее поселение уарпа Ньявинпукио занимало господствующее положение на вершине холма (рис. 43 нижн.) и могло быть центром местного вождества, хотя трехуровневая иерархия поселений не прослеживается [Leoni 2006: 280; 2008]. Во второй половине VI в. н.э. лидерство от Ньявинпукио переходит к поселению Уари (рис. 44 верхн.). С ним было тесно связано расположенное ближе к Ньявинпукио поселение Кончопата (рис. 44 нижн.). Как Уари, так и Кончопата возникли еще на последнем этапе культуры уарпа. Площадь Кончопаты достигала 20–40 га, хотя сейчас культурные остатки сохранились лишь на площади 4 га, остальное уничтожено при строительных работах — памятник расположен на восточной окраине города Аякучо [Isbell 2008: 752; Pozzi-Escot 1985; 1991; Rios 1987: 11–12]. В Кончопате находился ремесленный и одновременно культовый центр, где делали огромные сосуды с полихромными изображениями (рис. 47). Подобные сосуды явно использовались на ритуальных пирах с участием высшей знати [Isbell, Knobloch 2006: 318; Sayre et al. 2012], после чего их разбивали и за-

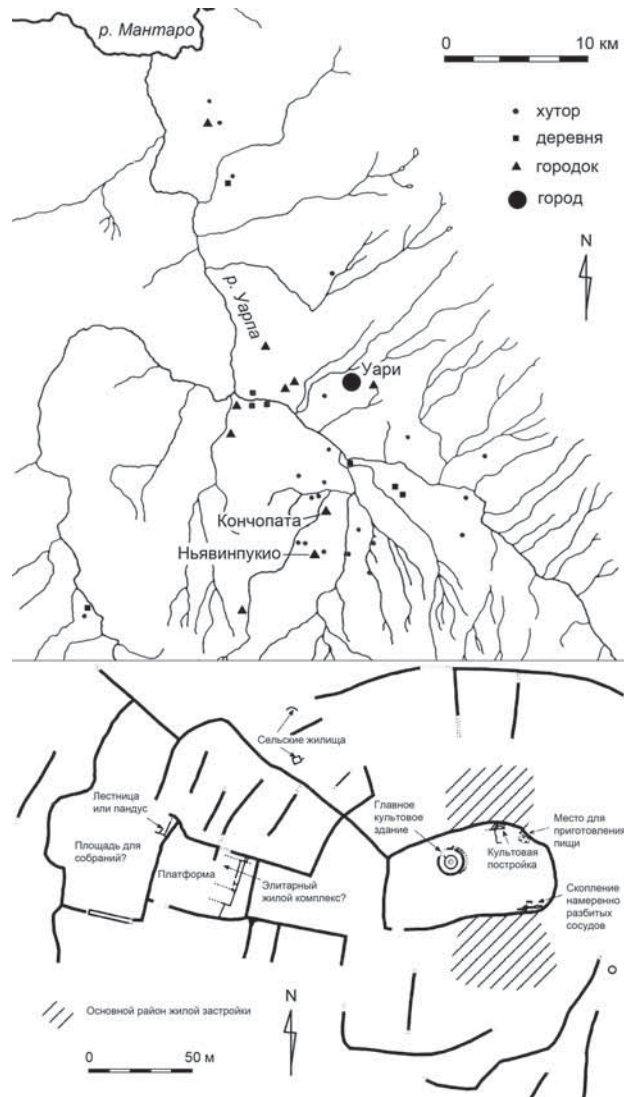

Рис. 43. Вверху: расположение поселений в долине Аякучо (бассейн реки Уарпа) в первые десятилетия после возвышения Уари, по [Schreiber 1992, fig. 3.4].

Внизу: план Ньявинпукио, крупнейшего поселения культуры уарпа в долине Аякучо, по [Leoni 2006, fig. 11.3]

хоранивали в специальных святилищах. Одно из них было обнаружено в 1977 г. при прокладке дороги [Cook 1985], другое — в 1942 г. в 40 м западнее [Isbell 1985: 97, 106, fig. 8]. Святилища подобного рода найдены и далеко за пределами долины Аякучо [Estrada 1969; Meddens 1981; Ravines 1966], являясь одним из свидетельств политической и идеологической экспансии Уари.

Город Уари площадью 3 кв. км был в 10 раз больше Кончопаты и частично застроен двухэтажными зданиями [Isbell 1988: 168; Milliken 2006: 26]. Нет сомнений, что социополитические системы уарпы и уари сильно различались, хотя столь же несомненна и преемственность между двумя культурами. Эта преемственность, прежде всего в области ритуальных практик, была выявлена лишь недавно [Leoni 2008], поскольку процесс изменений шел очень быстро. В долине Аякучо на формирование соответствующих государству властных институтов потребовались десятилетия, а не столетия. Правители Уари установили контроль над окружающей долиной, а вскоре затем и над большей частью Центральных Анд. Вне зоны влияния Уари остался лишь крайний юг, который контролировало Тиауанако. На севере побережья Перу политические образования, связанные с традициями культур мочика и гальинасо, свою независимость, скорее всего, сохранили, но найденные в этих районах памятники искусства VII–VIII вв. указывают на заимствование местной элитой элементов идеологии уари.

Свое присутствие в удаленных от столицы районах Центральных Анд Уари подкрепило строительством огромных административно-культовых комплексов. Об одном из них, Виракочапампа, уже говорилось (рис. 31), а о другом, Пикильякте, будет сказано ниже (рис. 48, 49). В пределах сферы влияния Уари наверняка оставалось множество общин и вождеств, сохранявших разную степень автономии. Степень и формы контроля Уари над долинами побережья крайне дискуссионны, характер взаимоотношений с местной элитой в Уамачуко и Кальехон-де-Уайлас тоже далек от ясности. Тем не менее ведущие исследователи готовы называть Уари империей [Isbell 2008; Nishizawa 2011]. Численность жителей в ее столице осторожно оценивается в 20–40 тыс., а в Тиауанако — в 10–15 тыс. человек [Isbell 2008: 748–750].

При всех различиях в размерах контролируемой территории и облике общественно-культовых сооружений, культуры уари и тиауанако имеют все же и много общего. Набор основных персонажей

Рис. 44.

Вверху: план Уари, по [Bonavía 1991, fig. 42].

Внизу: план раскопанного участка на городище Кончопата, по [Milliken 2006, fig. 2; Tung 2008, fig. 3]. Здесь еще до проведения регулярных раскопок были обнаружены скопления огромных полихромных сосудов ритуального назначения. Большие D-образные в плане комплексы имели ритуальное назначение, в одном из них обнаружены захоронения голов-трофеев

на их культовых изображениях одинаков. Судя по данным иконографии и археологии, некоторые ритуальные практики в обеих культурах, а именно охота за головами [Tung 2007; 2008] и употребление галлюциногенов [Isbell, Knobloch 2006; Knobloch 2000], совпадали с теми, которые были характерны для более ранних обществ Центральных Анд и для северо-западной Аргентины. Как и в Чавинде-Уантар, в Уари и Тиуанако представители элиты участвовали в обрядах, во время которых использовался сильнодействующий наркотик *Anadenanthera colubrina* (рис. 45), а дощечки для вдыхания галлюциногена изображены в руках персонажей, представленных на статуях и монументальных рельефах [Berenguer 1985].

Уари и Тиуанако начали распадаться после 900 н.э. [Covey 2003; 2009: 81–88; Stanish 2003: 13; Toohey 2009: 194]. Предполагается, что из-за засухи уровень озера Титикака после 1030 н.э. или около того стал падать, достигнув минимума к концу XIII в. — 12–17 м ниже, чем сейчас. В этом случае хозяйственная система Тиуанако, основанная на выращивании картофеля на расположенных в низинах грядковых полях, должна была рухнуть [Dillehay, Kolata 2004; Kolata 2000: 172–173; Ortloff, Moseley 2009: 282]. Однако предложены и другие сценарии. Согласно одному из них, город Тиуанако был покинут еще в X в., а серьезная засуха началась лишь во второй половине XIII в. [Arkush 2008: 359–361]. Если это так, то объяснение гибели Тиуанако влиянием климатических факторов ставится под сомнение. В то же время имеются данные в пользу сохранения элементов культуры тиуанако до конца XII в. [Korpisaari, Pärssinen 2011: 29, 170]. В этом случае прогрессирующее падение уровня Титикаки действительно может считаться главной причиной кризиса.

Однако гибель Уари объяснять изменениями климата в любом случае трудно. С уменьшением количества осадков и понижением среднегодовой температуры перемещение жителей из долин в высокогорье и переход от выращивания кукурузы к выращиванию морозостойких культур и скотоводству могли быть экономически оправданными. Однако видеть прямую причину разрыва с тысячелетней традицией в одной лишь хозяйственной целесообразности вряд ли стоит. Расчеты показывают, что для снабжения кукурузой города с 30 тыс. жителей, не занятых в сельскохозяйственном производстве, было достаточно 10–20 тыс. сельских жителей, которые обрабатывали 5–10 тыс. га сельскохозяйственных угодий [Isbell 1977: 10–11]. Учитывая размеры долины Аякучо, ее сельскохозяй-

Рис. 45. Галлюциноген *Anadenanthera colubrina* в искусстве уари и тиауанако.

1, 2) Дощечка для вдыхания наркотического порошка и прорисовка череповидной личины с отростками с еще одной дощечки того же типа, по [Knobloch 2000, fig. 5b; Torres 1986, fig. 3]. Отростки изображают цветы *Anadenanthera colubrina*. Остатки порошка на поверхности похожего предмета из погребения близ границы Боливии с Аргентиной надежно идентифицированы как *Anadenanthera colubrina* [Pochettino et al. 1999].

3, 4) Прорисовка изображения на ткани культуры уари с профильным изображением мифического существа, держащего в руке жезл, а также фрагмент другого подобного изображения на дощечке для вдыхания наркотического порошка. Жезл в руке персонажа заканчивается сверху цветами *Anadenanthera colubrina*, а снизу — головой-трофеем, по [Knobloch 2000, fig. 4, 5a].

5) Фрагменты большой керамической урны из Кончопаты с изображением *Anadenanthera colubrina*, по [Isbell, Knobloch 2006, fig. 12.3].

6) Лист, цветы и стручок *Anadenanthera colubrina*, по [Knobloch 2000, fig. 3]

ственный потенциал был намного выше, так что его сокращение не должно было немедленно привести к тяжелым последствиям. Кроме того, существует очевидное хронологическое несоответствие между временем распада Уари (не позже 900 г. н.э.) и похолоданием

и засухой, которые начались не ранее XI в. [Kellett 2010: 232–233; Ortloff, Moseley 2009: 279–280].

После распада Уари и Тиауанако политическая организация в горных районах Боливии и Перу вернулась на уровень автономных общин и простых вожеств, неудобные для обороны земли были заброшены, формы керамики изменились, а фигуративное изобразительное искусство почти исчезло. Затем, особенно с XIII в., во всех горных районах Центральных Анд население стало снова расти, а вожди приобретали все большую власть. В центральном Перу, где в XIV–XV вв. располагались вожества народа уанка (карта 16 на рис. 79), прослеживается трехуровневая иерархия поселений. Крупнейшие из них занимали площадь более 1 кв. км, число обитателей в таких крупных центрах составляло несколько тысяч человек [Matos Mendieta 1959: 98; Parsons, Hastings 1988: 202–203]. Вместе с тем формы культуры, возникшие после распада Уари, почти повсеместно сохранялись и далее вплоть до эпохи инков и отчасти до испанской конкисты. Для поселений характерны расположение на гребнях гор, хаотическая планировка, маленькие круглоплановые жилища (рис. 46) [Bonavía 1968a; 1972; González Carré 1992; Lavallée, Julien 1983; Lumbreras 1959; Valdez, Vivanco 1994].

Возвышение Уари и Тиауанако опиралось на прогресс земледелия — устройство грядковых полей близ Титикаки и строительство длинных каналов в долине Аякучо. Не исключено даже, что одной из причин стремления Уари контролировать соседние долины стала необходимость обеспечить кукурузой растущее население [Slovak 2007: 18]. В то же время экспансия Уари и Тиауанако была ознаменована созданием религиозной системы, отраженной в специфической иконографии. Возникновение нового художественного стиля можно рассматривать в свете теорий «кризисных культов» или «движений обновления», когда потребность в новой идеологии заставляет использовать для ее создания любые, в том числе инокультурные, элементы [La Varre 1971; Wallace 1956]. В данном случае основными источниками нового стиля были традиции пукары, наски и, вероятно, уамачуко.

Ситуация в Аякучо в период формирования культуры уари напоминает описанную для долины Моче в период смены культуры гальинасо культурой мочика. В обоих случаях в более ранних обществах фигуративное изобразительное искусство отсутствовало, а затем было создано путем заимствования из разных источников.

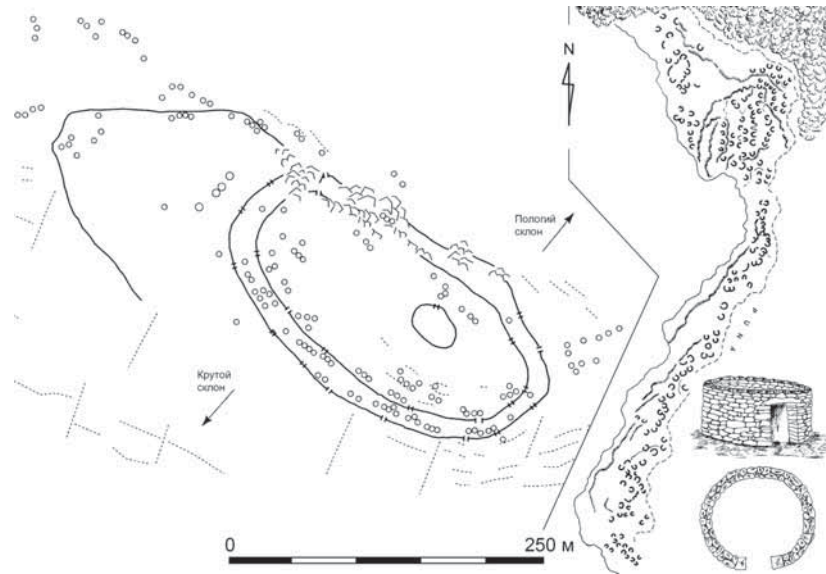

Рис. 46. Типичные для времени между распадом Уари и Тиауанако и экспансией Инков горные поселения-убежища. Слева: на Боливийском плоскогорье, бывшей территории Тиауанако, по [Arkush 2008, fig. 4]. Справа: в районе Аякучо, бывшей территории Уари, по [Bonavía 1972, fig. 30]. Маленькие круглопланные жилища нанесены схематично, поэтому на одном плане входы изображены, а на другом — нет. Справа внизу: план и реконструкция стен жилого дома, типичного для района Аякучо, по [González Carré 1992, fig. 8]

Темой изображений являлись мифологические персонажи и ритуалы с их участием. При этом идеология, положенная в основу искусства уари и тиауанако, оказалась, по-видимому, более универсальной, чем характерная для государства Мочика. В государствах Касма и Сикан (Ламбайеке), возникших на севере побережья Перу в конце I тыс. н.э., есть элементы иконографии как мочика, так и уари, но последних больше (рис. 47) [Bernal Rodríguez 2006; Carrion Cachot 1959; Lavalle 1989; Vogel 2011]. Выше говорилось, что в эпоху уари в Центральных Андах стала распространяться практика оставления умерших в открытых гробницах с целью поддержания с ними ритуального общения. Умерших помещали в сидячем положении завернутыми в ткани. На Северном и Центральном побережье Перу

Рис. 47. Парные фигуры женского (слева) и мужского божеств, изображенные на внутренней и внешней поверхности полихромной керамической урны культуры уари из Пачеко в долине Наска, по [Isbell 2008, fig. 37.5], и на сосуде культуры касма, юг Северного побережья Перу, VIII—X вв. н.э., по [Carrion Cachot 1959, fig. 67]. Образ божества анфас с жезлами в руках типичен как для культур побережья III—I тыс. до н.э. (см. рис. 4), так и для уари и тиауанако [Makowski 2001], но не для культуры мочика. Мотив хищников по бокам божества характерен для касмы и рекуай (ср. рис. 29.9), а также для культур северо-западной Аргентины

подобный обряд погребения сменяет характерные для гальинасо, мочки и лимы захоронения в вытянутом положении на спине. Очень похоже, что использование культа конкретных родовых пред-

ков оказалось эффективным средством для легитимизации власти правителей. Согласно более архаичским представлениям, характерным по крайней мере для севера побережья Перу (и для этнографически известных индейских культур к востоку от Анд), предки, видимо, выступали как неопределенно большая совокупность мифических существ (первопредков). Общение с ними во время ритуалов должно было поддерживать благополучие коллектива и плодородие, но не имело прямого отношения к укреплению чьих-то властных позиций.

История поздних политических образований перуанского побережья находится за рамками нашего обзора. Крупнейшее из них, Чимор, относится уже к государствам второго поколения, имевшим развитую систему институтов управления. Что касается инков, то их предки в долине Куско ранее 1000 н.э. находились лишь в начале пути к государственности. Долина Куско вместе со «священной долиной», т.е. с отрезком расположенной рядом долины Урубамбы (Вильканоты), находилась поблизости от северо-восточной окраины государства Уари, к которому нам придется теперь еще раз вернуться.

В VII в. н.э. в 30 км к востоку от Куско, в долине Лукре, люди уари построили монументальный административный центр Пикильякта (рис. 48). Это один из самых грандиозных и необычных архитектурных комплексов не только Центральных Анд, но и всего Древнего мира [Arriola Tuni, Tesar 2011; Jennings 2008a; 2008b; McEwan 2005]. Упомянутый комплекс Виракочапампа в целом похож на него, но он все же был несколько меньше размером и остался недостроенным. К моменту оставления Пикильякта ее строительство также еще продолжалось, но в основном работы были завершены.

Общая площадь памятника составляет около 2 кв. км, и хотя более половины приходится на обнесенные стенами пустые участки, центральная плотно застроенная часть также поражает размерами (рис. 49). Как и в самом Уари [Isbell 2008: 746], стены зданий в Пикильякте были возведены из необработанного камня и оштукатурены. Местами они сохранились на несколько метров в высоту, но штукатурка давно обвалилась, поэтому фотографии памятника редко попадают в альбомы по архитектуре Древней Америки. Обитатели комплекса покинули его, унеся с собой практически все, после чего строения уничтожил огонь. Все это затрудняет задачу

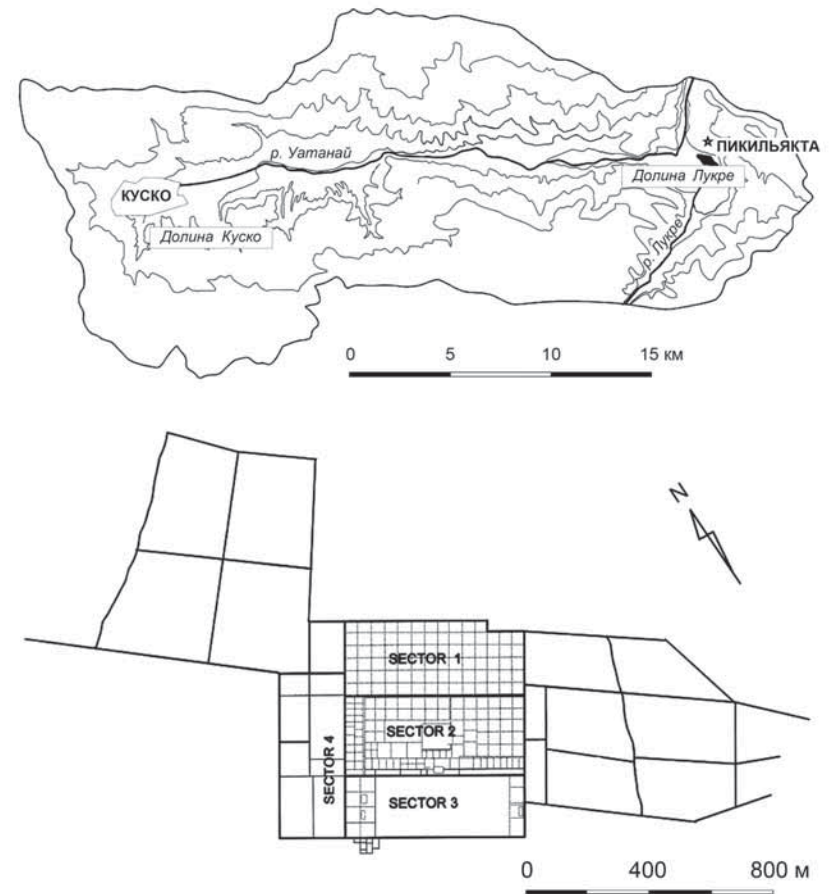

Рис. 48.

Вверху: расположение долин Куско и Лукре.

Внизу: планировочная схема комплексов Пикильякта, по [McEwan 2005, fig. 2.1, 2.4]

реконструкции облика и функций зданий. Опираясь на данные раскопок и аналогии с другими не столь масштабными комплексами Уари, можно предполагать, что Пикильякта являлась резиденцией элиты, местом хранения различных продуктов и местом устройства праздников и пиров, необходимых для сохранения дружественных

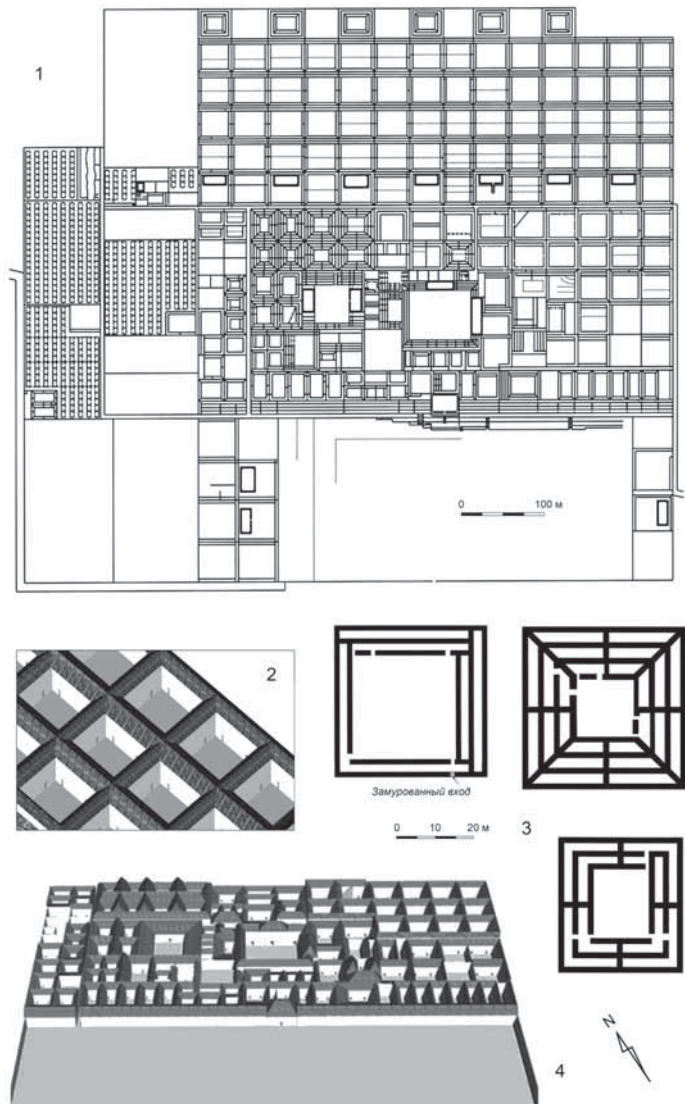

Рис. 49. Пикильякта, по [McEwan 2005, fig. 2.7, 3.3, 3.4, 4.1, 4.6].

- 1) План секторов 1–4 (см. рис. 48).
- 2, 3) Реконструкция двориков в секторе 1.
- 4) Реконструкция фасада комплекса

отношений с окружающим населением. Однако не ясно, поддерживали ли центры типа Пикильякты регулярную связь со столицей и тем более друг с другом или же в основном действовали автономно [Jennings 2006].

На полах Пикильякты культурных остатков нет, но предметы уари, относящиеся ко времени функционирования памятника, найдены в составе трех кладов. Два обнаружены еще в 1927 г., третий, самый большой и разнообразный по составу изделий, — в 2004 г. [Arriola Tuní, Tesar 2011; Valcárcel 1933]. В кладах находились обломки эквадорских раковин *Spondilus*, а также фигурки из раковин, азурита, бирюзы и металла — видимо, из сплава меди, золота и серебра (рис. 50). Найден также бронзовый стержень длиной около 40 см.

Рис. 50. Фигурки в виде воинов и ягуаров-воинов из клада, найденного в Пикильякте в 2004 г., по [Arriola Tuní, Tesar 2011, fig. 16, 18–20]. Оружие воинов — палица, дротики, праща, прямоугольный щит. Самая маленькая фигурка изображает ягуара, держащего в одной лапе бич, а в другой — голову-трофей

Где-то к юго-востоку от Куско, т.е. достаточно близко от Пикильякты, грабителями были раскопаны богатые погребения, в которых оказались медные украшения общим весом 5,5 кг, часть из них — покрытые серебром, а также несколько мелких золотых изделий [Chávez 1985]. Предполагается, что клады Пикильякты не связаны с почитанием предков — скорее с ритуалами по случаю военных побед [Arriola Tuni, Tesar 2011: 33].

Пикильякта была покинута примерно тогда же, когда и Уари, — около 900 н.э. [Covey 2009: 84; McEvan 2005: 123]. После этого в долине Лукре произошла дезинтеграция надобщинных институтов и даже большинство деревень опустело.

Долина Куско находилась вне прямого контроля Пикильякты. На момент распада Уари местная политическая организация, вероятно, находилась на уровне общин и мелких вожеств. Размерами долина Куско уступает многим долинам и межгорным котловинам центральноандского региона, которые в разное время становились центрами роста политической сложности (рис. 51). Ту исключительную роль, которую Куско сыграл в истории, можно объяснить скорее

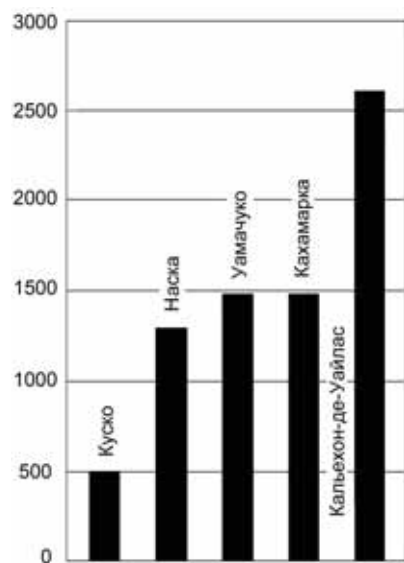

Рис. 51. Сравнительные размеры некоторых перуанских долин в кв. км, по [Jennings, Craig 2001, fig. 5]

исторической случайностью, нежели следствием каких-то особо благоприятных природно-хозяйственных обстоятельств. Долина Куско не испытала культурно-экономического коллапса, имевшего место на большинстве территорий, входивших в область влияния Уари, а в дальнейшем долгое время должна была соперничать не с сильными конкурентами, а с небольшими окружающими долинами, которые правители Куско подчиняли одну за другой. После 1000 н.э. население долины Куско стало расти, система поселений усложняться, и к концу XIII в. по мере интеграции ближайших соседей государство Инков, судя по материалам археологии, сформировалось [Bauer 1992; Bauer, Covey 2002; Covey 2003; 2009; Kosiba 2010].

Этот процесс хорошо заметен при сравнении данных о количестве поселений разного размера в той части долине Вильканоты, которая прилегает с северо-востока к району Куско (рис. 52). Ранее 1000 н.э. здесь существовали только хутора и небольшие деревни. Постепенно система поселений стала четырехуровневой — Куско как столица государства, местный административный центр Пукара Пантильихля, большие деревни, маленькие деревни и хутора. В конце первой трети XV в. правители Куско начали завоевания за пределами верхней Урубамбы и создали собственный стиль в архитектуре и изобразительном искусстве.

В своих генеалогических легендах Инки настаивали на происхождении из Тиауанако, и в Тиауанако же находят параллели инкская практика строительства из тщательно обработанных ка-

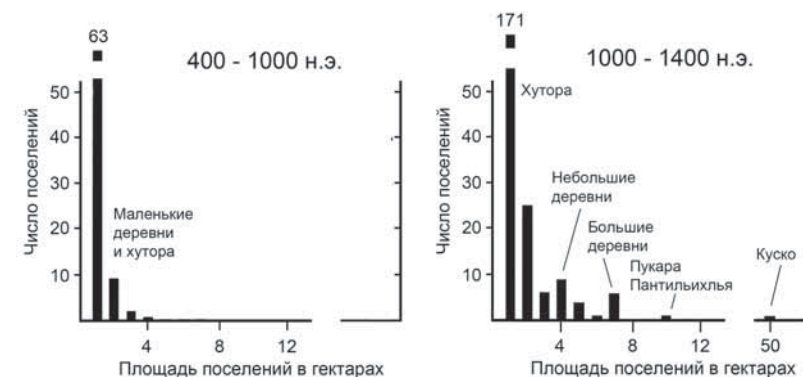

Рис. 52. Соотношение числа поселений разной площади в долине Вильканоты до и после 1000 н.э., по [Covey 2003, fig. 4]

менных монолитов. Памяти об Уари инки не сохранили, хотя традиция возведения длинных прямоугольных зданий с нишами в стенах, которая, как уже говорилось, в конечном счете восходит к культуре уамачуко, к инкам могла попасть именно через посредство уари. Однако в большей мере, как уже отмечалось, архитектурные традиции уари были продолжены не инками, а создателями государства Чимор со столицей в Чан-Чане [McEvan 1990]. Не исключено, что в XV в. к наследию уари могли обращаться жившие в Андауайлас враждебные инкам чанка либо сора, чья территория в Аякучо находилась рядом с развалинами Уари. Однако историко-мифологические традиции чанка и сора до нас не дошли, а собственной монументальной архитектуры эти этнические группы не создали.

Так или иначе, но у процесса становления государственности в Куско вполне мог иметься аттрактор — представление об огромной полиэтнической политике как о норме, уже реализованной в прошлом. В этом смысле государство Инков первичным образованием своего класса назвать нельзя.

Наряду с Куско в Центральных Андах был еще один район, который долгое время находился на периферии этой исторической области и подвергался лишь слабому влиянию цивилизаций I тыс. н.э., а после гибели Уари превратился в самостоятельный центр политогенеза со своеобразной культурой. Речь идет о горной местности в междуречье Уальяги и Мараньон, где в эпоху конкисты жили индейцы чачапоа. На лесистых и переувлажненных восточных склонах гор остатки поселений чачапоа обнаружены на высоте 2000–2900 м, а на водоразделе — на высоте более 3 км [Bonavía 1968b: 154; Church, Hagen 2008: 913]. Расположение поселений на гребнях гор, круглоплановые постройки и террасы на склонах сближают местную культуру доинкского времени с характерной для высокогорья центрального Перу (см. рис. 53). Наиболее известны комплексы Абисео (он же Гран-Пахатен) с круглоплановыми зданиями, украшенными рельефами из выступающих из кладки камней (рис. 53) [Bonavía 1969], и Куэлап, окруженный стеной, сохранившейся на высоту 20 м [Church, Hagen 2008: 915–916]. Число жилищ в Куэлап достигает 420, и, следовательно, здесь вряд ли могло жить менее 2 тыс. чел. Рядовые поселения состоят из примерно 30 домов [Hagen 2002: 139]. Сложные общества возникли у чачапоа не позже конца I тыс. н.э., а в конце XV — начале XVI в. чачапоа оказали серьезное сопротивление Инкам [Hagen 2002]. Наряду с инкской

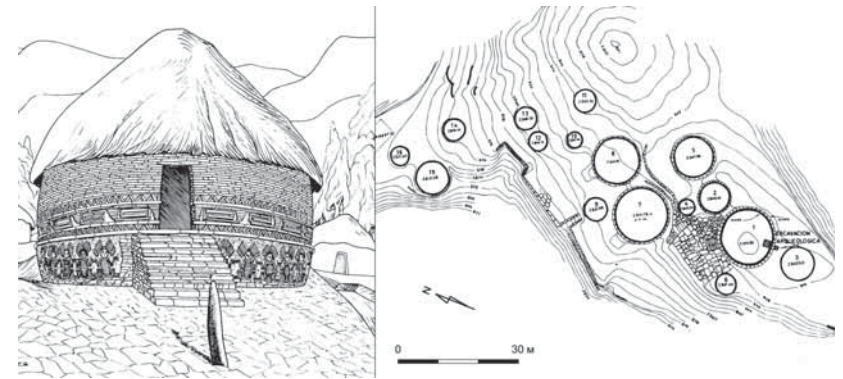

Рис. 53. Реконструкция одного из зданий и часть плана главного комплекса Абисео, департамент Сан-Мартин, провинция Марискаль-Касерес, вероятная датировка — XIV–XV вв. н.э., по [Bonavía 1969: 935, 937]

керамикой на территории чачапоа найдены сосуды культуры чиму и украшения из эквадорских раковин *Spondylus*; в местном фигуративном искусстве заметны мотивы, восходящие к традициям мочика и рекуай [Church, Hagen 2008, fig. 45.9, 10; Hagen 2002, fig. 5.6].

В еще более северном, но находящемся несколько ближе к побережью районе горного Перу во второй четверти I тыс. до н.э. возникла культура, для которой характерны многоэтажные погребальные башни, расположенные на высоте 2500 м (карта 12 на рис. 78). О поселениях данных нет, время появления определяется иконографическими параллелями с культурой мочика и отчасти рекуай и викус. Описавший эти комплексы У. Исбель назвал их чота-кутерво [Isbell 1997: 218–281]. Размеры башен предполагают участие в работах большого числа людей, хотя конкретные цифры назвать невозможно. Рельефы на внешних стенах изображают мифологических существ, ягуаров, стервятников. Композиция, на которой стервятники клюют мертвое тело, имеет очевидные параллели с изображениями мочика и наска (рис. 54.4, ср. рис. 40). Самая поздняя, найденная в башнях керамика относится к эпохе уари [Isbell 1997: 270]. Изображения на тканях и калебасах чачапоа из Лагуна-де-лос-Кондорес, которые датируются прединкским временем [Church, Hagen 2008, fig. 45.10], похожи на рельефы чота-кутерво, несмотря на разницу в материале. Есть ли между двумя культурами преемственность, неясно, многие памятники данного района наверняка еще не открыты.

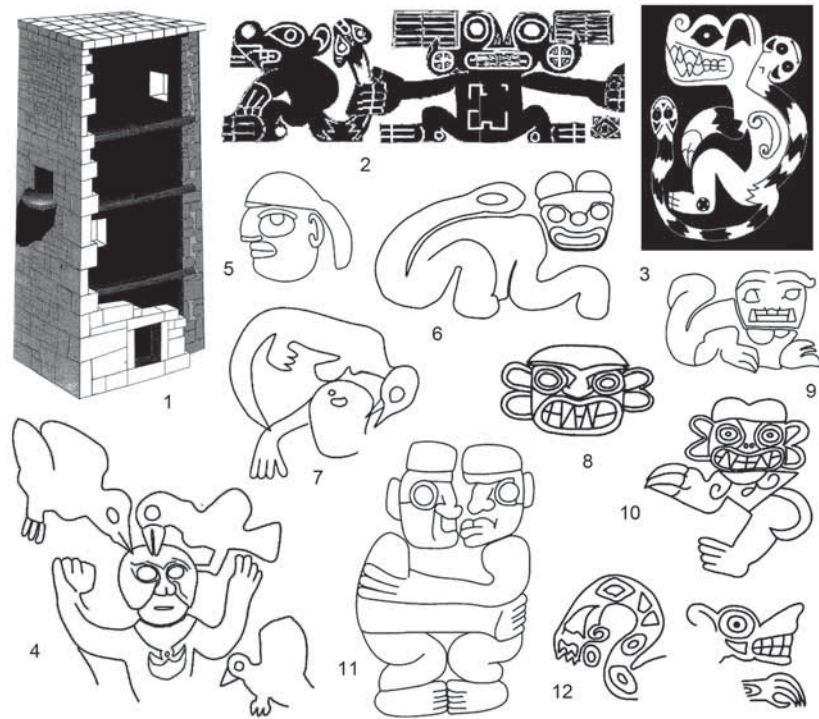

Рис. 54. Культуры чота-кутерво и чачапоя.

- 1) Схема устройства типичной погребальной башни культуры чота-кутерво, по [Isbell 1997, fig. 7.1].
- 2, 3) Прорисовка фрагментов изображений наalebасе и ткани из погребения в Лагуна-де-лос-Кондорес, чачапоя, прединкский период, по [Church, Hagen 2008, fig. 45.10A, D].
- 4–12) Прорисовки рельефов на стенах погребальных башен чота-кутерво, вероятно, вторая четверть I тыс. н.э., по [Isbell 1997, fig. 7.2, 7.6, 7.8, 7.11, 7.13]

Техника создания изображений на внешних стенах монументальных построек с помощью выступающих камней отличает чачапоя не только от чота-кутерво, но и от всех остальных центральноандских культур. Однако круглоплановые постройки того же масштаба, что в Абисео, обнаружены еще и в Тиньяш [Falcón, Díaz 2008; Thompson, Ravines 1973]. Памятник находится в междуречье Уальяги и Мараньон, в зоне пуны (горной тундро-степи) на высоте

4120 м над уровнем моря (карта 15 на рис. 79). Наряду с башнеобразными круглоплановыми здесь есть и прямоугольные здания, похожие на образцы инкской архитектуры. Как и в чота-кутерво, в Тиньяш найдены рельефные изображения на каменных плитах, но их стиль не обнаруживает параллелей с древними культурами побережья и довольно схематичен (рис. 55; карта 15 на рис. 79). Тиньяш относится к прединкскому времени и мог быть основан на рубеже I–II тыс. н.э. Нельзя исключать, что в высокогорных районах Анд к востоку от Мараньон будут обнаружены еще какие-то центры того же времени.

Рис. 55. Тиньяш, 1000–1450 н.э.

Слева: круглое здание с фризом из белого камня, по [Thompson, Ravines 1973: 35].

Справа: рельефы на каменных плитах, по [Falcón, Díaz 2008, fig. 5, 9]

Глава 6 ЭКВАДОР

Закончив экскурс в историю Центральных Анд, обратимся к более северным территориям — так называемой «промежуточной области» между цивилизациями Мезоамерики и Перу. Она по праву считается зоной распространения типичных вождеств, от самых простых до самых сложных, и служит своего рода лабораторией для исследования догосударственных, или по крайней мере негосударственных сложных обществ [Ноорес 2005: 2]. Начнем с Эквадора (рис. 56).

Граница между Эквадором и Перу отделяет пустыни и оазисы перуанского побережья от районов, где регулярно выпадают осадки. Эта граница не препятствовала контактам культур, но для исследователей климатические различия между ареалами создают дополнительные проблемы. Во влажном климате не сохраняются ни дерево и ткани, ни обмазка стен. Сравнить трудовые затраты на создание деревянных храмов с затратами на сооружение платформ из глины и камня непросто.

На побережье Эквадора признаки усложнения социополитической организации становятся заметны во второй четверти III тыс. до н.э., т.е. в то же время или немногим позже, что и в Перу. Речь идет о поселении Реаль-Альто культуры вальдивия (рис. 57 верхн.) [Damp, Vargas 1995; Lathrap et al. 1977; Staller 2001a: 215–217; Zeidler 2008: 463–464]. Вальдивия уже давно рассматривается как земледельческая культура, хотя первые исследователи ее прибрежных памятников полагали, что речь идет о морских собирателях. Поселение Реаль-Альто, занимавшее площадь более 12 га, тоже располагалось недалеко от моря, но в слое найдены обильные микроостатки культурных растений [Pearsall 2003: 224–226]. В центре поселения находилась площадь с двумя постройками, вероятно, имевшими общественно-культурное назначение, а по периметру располагались жилища.

По структуре и, вероятно, числу обитателей (вряд ли более тысячи) Реаль-Альто похоже на кольцевые деревни центральной Бразилии, появившиеся в IX в. н.э. и до сих пор сохранившиеся

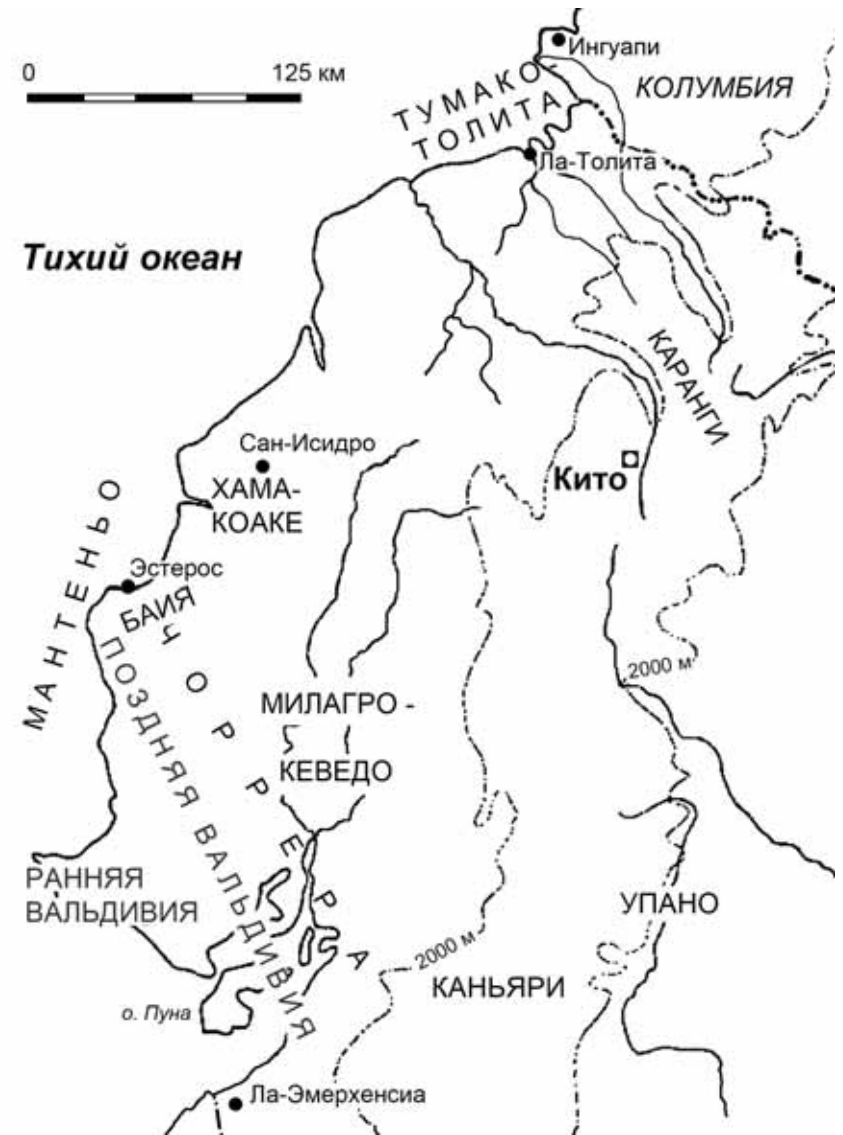

Рис. 56. Упомянутые в тексте культурные общности и некоторые памятники прибрежного и горного Эквадора

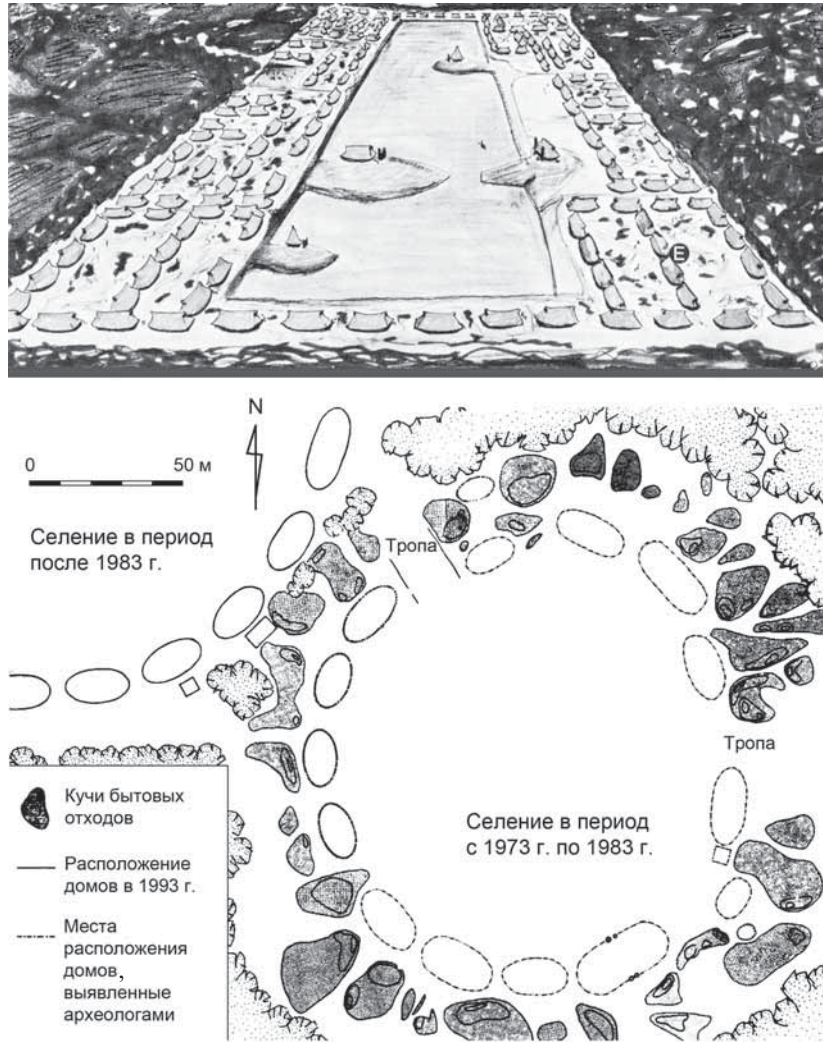

Рис. 57.

Вверху: идеализированная реконструкция поселения Реаль-Альто, вторая четверть III тыс. до н.э., по [Lathrap et al. 1977: 6].

Внизу: план современного селения карибов куикуну в верховьях Шингу, по [Heckenberger et al. 1999, fig. 4]

у индейцев верховьев Шингу (рис. 57 нижн.) [Heckenberger 2008; Heckenberger et al. 1999; Wust, Barreto 1999]. Общество шингуано можно оценить как среднесложное, но состоящее не из вождеств, а из их однопоселенческих аналогов, образующих конфедерацию. Пока трудно сказать, есть ли на западе Эквадора другие синхронные Реаль-Альто поселения того же размера. После 2400 до н.э. большая часть обитателей покинула Реаль-Альто, перебравшись в небольшие деревни, но свои общественно-культурные функции центральное поселение некоторое время еще сохраняло.

Территория вальдивии, которую она занимала в III тыс. до н.э., в конце существования культуры лишилась большей части обитателей, но к середине II тыс. новые центры возникли на северной и южной периферии ареала вальдивии [Staller 2001b; Zeidler 2008: 464]. На севере это поселение Сан-Исидро в долине Хама, а на юге — Ла-Эмерхенсия в провинции Эль-Оро близ перуанской границы (рис. 56, 58). Вокруг Ла-Эмерхенсии выявлены окружающие центральное поселение деревушки и хутора, что характерно для объединений уровня простых вождеств.

Рис. 58. Идеализированная реконструкция земляных платформ в Ла-Эмерхенсия, юг побережья Эквадора, середина II тыс. до н.э., по [Staller 2001b, fig. 14]

С конца II тыс. до н.э. в Эквадоре распространяется культура чоррера. Она отличается поразительно высоким качеством керамики — не только парадной, украшенной фигуративными скульптурными изображениями, но и бытовой. Обширная территория распространения чорреры предполагает, что ее носители не были представителями какой-то одной этнической группы. Скорее это трансэтническая общность, объединенная сходными шаманистскими практиками, нашедшими отражение в сходных наборах погребального инвентаря [Weinstein 1999: 300]. В чоррере существовали не менее крупные центры с общественной архитектурой, чем в поздней вальдивии, однако данных о них мало (карты 7, 8 на рис. 77) [Zeidler 2008: 470]. Многие свидетельства в пользу наличия сложной политической организации в обществах Эквадора в промежутке времени от середины III до середины I тыс. до н.э. наверняка еще предстоит открыть. Местные культуры обнаруживают различные параллели с культурами северного Перу. Во время ритуалов, как уже отмечалось, использовали галлюциногены, о чем свидетельствуют находки ступок из ценных пород камня, в которых, по-видимому, растирали наркотик (рис. 19.2) [Zeidler 2008, fig. 24.8]. Изделия из золота не найдены, ткани же не могли сохраниться.

В середине I тыс. до н.э. на западе Эквадора культурное разнообразие становится выше, зона распространения сложных обществ расширяется. Наиболее значительная из культур, возникших в это время, — уже упоминавшаяся толита, или ла-толита (карта на рис. 56). В наименовании культуры мы опускаем артикль, а в наименовании главного поселения — сохраняем (Ла-Толита). В сопредельном районе Колумбии та же культура известна как тумако. Словом *tola* (от которого и происходит уменьшительное *tolita*) в Эквадоре именуют искусственные всхолмления. Среди древних тола есть как настоящие телли, состоящие из постепенно накапливавшихся культурных отложений, так и земляные платформы, насыпанные одномоментно либо в несколько приемов. Наличие крупных тола второго типа — один из признаков сложных обществ.

Культура толита возникла в поймах и общей дельте рек Сантьяго и Каяпас, впадающих в Тихий океан на северо-западе Эквадора, и в дельте реки Сан-Хуан в Колумбии. Толита контролировала примерно 100 км тихоокеанского побережья, зона влияния могла быть втрое шире. Судя по опубликованным планам (рис. 59 лев.), эпонимное поселение на острове в устье Сантьяго-Каяпас, где

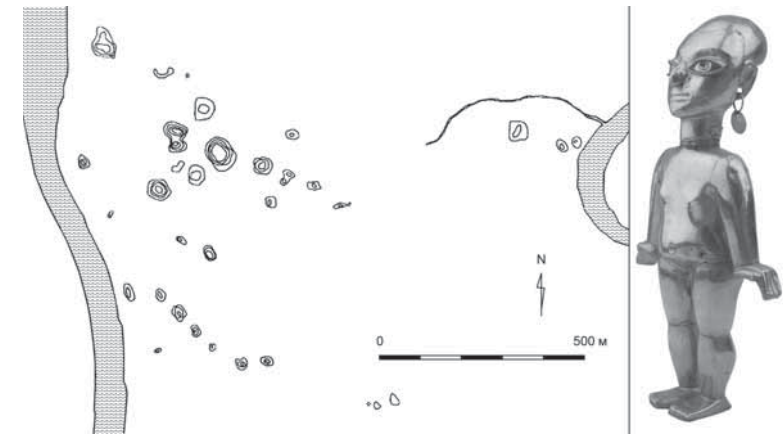

Рис. 59.

Слева: план расположения насыпей-тола в Ла-Толите, по [Tulato 2003, fig. 100]. С запада и с востока — протоки реки Сантьяго.

Справа: золотая статуэтка культуры толита из Фриас в верховьях Пьюры, высота 15,3 см, по [Lumbreras 2006, fig. 52]

сосредоточены крупные тола, занимало 40–50 га, но определить численность обитателей невозможно — не ясно, сколько всхолмлений сохранилось, все ли тола функционировали одновременно и находились ли жилые постройки исключительно на искусственных насыпях. В любом случае Ла-Толита должна была быть центром политики, занимавшей территорию размером примерно 40×30 км [DeBoer 1996; Drennan 2008: 389; Rodríguez, Pachajoa 2010]. В период с VI до II в. до н.э. население здесь росло особенно быстро, с IV в. до н.э. болота стали превращать в грядковые поля, сложное общество сформировалось к III в. до н.э. Примерно в середине IV в. н.э. культура толита распалась. Еще через несколько веков район практически обезлюдел и до самой конкисты оставался на периферии культурного развития Северных Анд.

Другого поселения, размером сопоставимого с Ла-Толитой, в этой культуре нет. Примером поселения второго ранга служит Ингуапи на колумбийской территории [Bouchard 1987; Labbé 1986: 22–23]. Здесь на площади около 1 га выявлены 9 небольших всхолмлений высотой менее 1 м и одно крупное высотой 2,5 м. Поселения третьего ранга представлены мелкими деревушками и хуторами, но они специально нигде не исследовались.

Помимо великолепной фигурной керамики, мастера культуры толита делали вещи из золота и платины [Plazas 2007: 35; Scott David 2011]. Как и мочика, толита развивала традиции обработки металлов, заложенные в североперуанской культуре куписнике. Далее и, вероятно, при посредстве толиты эти традиции проникли в Колумбию и затем в Центральную Америку. Ни в одной другой эквадорской культуре ювелирное дело не достигло такого расцвета, как в толите. Мастера-профессионалы практически наверняка работали под контролем элиты, но конкретный культурный контекст, в котором использовались золотые фигурки, нам неизвестен. На севере побережья Перу в верховьях Пьюры в районе Фриас, т.е. за 750 км от ареала толиты, золотые изделия толиты были извлечены из земли грабителями (рис. 59 прав.) [Kaufmann Doig 1980: 347–348]. Располагался ли здесь торговый форпост, храмовый центр или что-то еще, не ясно, но для Северных Анд подобная удаленная «колония» уникальна.

Учитывая эти контакты с севером побережья Перу, нельзя не заметить, что расцвет толиты приходится на период после оставления храма Чавин-де-Уантар и других перуанских общественно-культурных комплексов первой половины I тыс. до н.э. и до возвышения Уакас-де-Моче как политического центра культуры мочика. Если толита и пережила это событие, то лет на 100–150, точная корреляция затруднительна. Видимо, в качестве центра, влияние которого достигало Перу, толита завоевала позиции в период политической дезинтеграции прилегающих к Эквадору районов Центральных Анд.

Примерно в то же время, что и толита, южнее ее, в современной провинции Манаби на побережье Эквадора, существовало общество близкого уровня, соответствующее культурам баия и хама-коаке (карта на рис. 56). Их создатели сооружали земляные платформы и делали крупные трехмерные керамические изображения мифологических персонажей и людей высокого социального ранга (рис. 60 лев.) [Blasco Bosqued, Ramos 1976; Masucci 2008; Zeidler et al. 1998]. Около 400 н.э. развитие этих обществ было подорвано катастрофическим выпадением вулканического пепла [McEvan, Delgado-Espinosa 2008: 506–507; Stahl 2000; Zeidler, Isaacson 2003]. Эстерос, центральное поселение культуры баия, находилось на месте современного города Манта. Судя по схематическому плану, сделанному до того, как памятник оказался разрушен, поселение

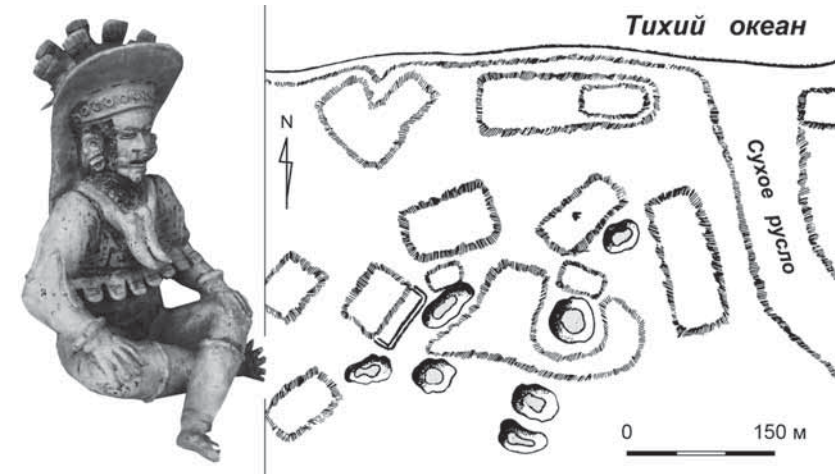

Рис. 60. Культура баия.

Слева: керамическая фигура богато украшенного сидящего мужчины, по [Masucci 2008, fig. 25.4].

Справа: план поселения Эстерос — крупнейшего центра культуры баия, конец I тыс. до н.э. — первые века нашей эры. Показаны земляные платформы и котлованы для сбора дождевой воды, по [Estrada 1962, fig. 116]

Эстерос было того же размера и типа, что и Ла-Толита (рис. 60 прав.). Строения располагались на больших искусственных насыпях, рядом находились котлованы для сбора дождевой воды, которую использовали в сухой сезон [Estrada 1962: 71–72, fig. 116]. Поблизости найдены сотни пустотелых раскрашенных керамических скульптур полуметровой высоты, изображающих сидящих и стоящих мужчин и женщин с многочисленными украшениями [Lapiner 1976: 334, pl. 739–742, 747, 750].

Культура мантеньо появилась на юге провинции Манаби в последней четверти I тыс. н.э. и просуществовала до конкисты (рис. 61 лев.). О двух местных вожествах, Хокай (Манта) и Салангоме (Салангоне), есть историческая информация, но не менее важны данные археологии. Только у берегов Манаби встречаются раковины *Spondylus*, имевшие в культурах Центральных Анд исключительно высокую ценность, поскольку их использовали в ритуалах, призванных обеспечить плодородие полей. Эквадорские раковины в Перу появляются с III тыс. до н.э. [Hocquenghem 2009: 144–145], а после 600 н.э. их импорт значительно растет. Возвыше-

ние Манты и особенно Салангоме, по-видимому, произошло вследствие расширения перуанского рынка [Martín 2009]. При этом обработке раковин обитатели Манаби сами занимались нерегулярно, и наличие ремесленников-профессионалов в соответствующих обществах материалами археологии не подтверждается [Norton 1986: 118–136, 156–157]. Керамические изделия мантеньо в художественном отношении уступают шедеврам мелкой пластики более ранних культур. Специалисты по обработке драгоценных металлов здесь, видимо, имелись, но предметов известно ничтожно мало, хотя конкистадоры видели в храмах золото.

Чтобы сделать отличия мантеньо от толиты еще более яркими, следует добавить, что создатели мантеньо высекали огромные каменные «троны» и стелы с изображениями мифологических персонажей [Saville 1910], тогда как в толите и других эквадорских культурах каменная скульптура отсутствовала. Стелы и «троны» найдены в культовых центрах рядом с земляными платформами (рис. 61). Лучше других исследовано скопление стел и «тронов» Серро-Хабонсильо, связанное с вождеством Салангоме (рис. 61 центр.). Все культовые центры расположены на удалении от побережья, примерно вдоль восточной границы распространения культуры.

Отсутствие золота в погребениях можно объяснить тем, что в обществе мантеньо ритуалы, обеспечивавшие надление претендентов на властные позиции соответствующими прерогативами, происходили в связи с воздвижением монументальных каменных изваяний, тогда как захоронение в могилах сокровищ харизму предшественников элиты не повышало.

Для мантеньо характерны керамические пряслица с изображениями, каноничность исполнения и, главное, содержание которых предполагает их использование не в обычных домохозяйствах, а в специализированных элитарных мастерских [Wichler, Seibt 1982; Wilbert 1974]. В частности на пряслицах изображены не только животные, но и мифические существа, участники ритуалов, головы-трофеи и, наконец, сексуальные сцены типа тех, которые в Перу часто представлены на керамике культур мочика и салинар (рис. 62.4–6). Пряслица со сложными сценами характерны для юга мантеньо, где, по испанским источникам, жил народ уанкавилка, а на этой территории образцов каменной скульптуры как раз не зафиксировано. Тем не менее часть сюжетов на пряслицах и каменных монолитах совпадает (рис. 62.2, 3).

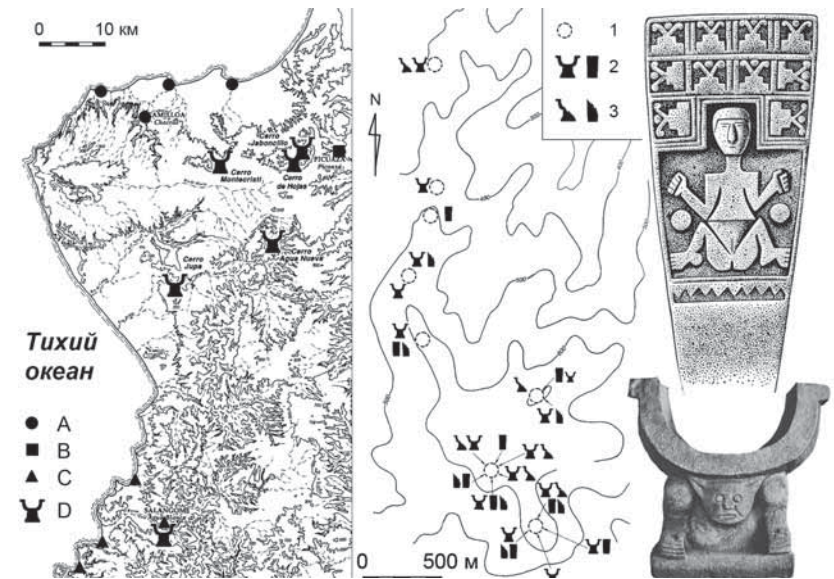

Рис. 61.

Слева: центральный район культуры мантеньо, по [McEwan, Delgado-Espinoza 2008, fig. 26.4]; А) крупные поселения вождества Хокай; В) центральное поселение вождества Пикуаса; С) крупные поселения вождества Салангоме; D) культовые центры мантеньо, на которых найдены каменные «троны».

В центре: комплекс Серро-Хабонсильо, связанный с вождеством Салангоме; 1) земляные платформы; 2) каменные стелы и «троны»; 3) обломки стел и «тронов». По [McEwan, Delgado-Espinoza 2008, fig. 26.3].

Справа: типичные стела и «трон» из Серро-Хабонсильо, по [Covarrubias 1954, fig. 5; Dockstader 1967, pl. 56]

Что касается голов-трофеев, то ранние испанские источники свидетельствуют о распространении на побережье провинции Манаби той же практики, что и у хиваро восточного Эквадора, — с отрезанной головы врага снимали мягкие ткани, из которых делали так называемую тсантсу величиной с кулак. Подобные тсантсы хранили в храмах [Stirling 1938: 63–65]. Весьма вероятно, что головы-трофеи небольшого размера в атрибутике вражеских воинов на изображениях мочика — это тоже тсантсы (рис. 16.2). Технология изготовления тсантсы весьма специфична, так что свидетельства о ее распространении в культурах андской зоны позволяют с неко-

Рис. 62. Изображения культуры мантеньо, побережье Эквадора, 800–1500 н.э.

Все, кроме 3 и 8 — изображения на керамических пряслицах.

- 1) Персонажи, несущие рыбу и большой сосуд, — вероятно, ритуальная сцена, по [Wickler, Seibt 1984, Abb. 45, 47–49].
- 2) Мифическое существо, по [Wilbert 1974, fig. 33, 133].
- 3) Аналогичное существо, изображенное на каменной плите, по [Covarrubias 1954, fig. 5].
- 4–6) Сексуальные сцены, вероятно, также имеющие отношение к ритуалу, по [Wickler, Seibt 1984, Abb. 45, 47–49].
- 7) Голова-трофей, губы «защиты» двумя колочками (то же в ритуальной практике перуанской культуры наска), по [Wilbert 1974, fig. 33, 133].
- 8) Керамический штамп для нанесения оттисков, 17,5×14 см. Изображен человек, чье тело расклеивают стервятники (ср. рис. 40.2, 4 и 54.4); принадлежность к мантеньо предположительна, по [Olsen Bruhns 1994, fig. 15.5].

торой вероятностью экстраполировать на древние общества этого региона данные о значении головы-трофея в идеологии хиваро.

На поселении Серро-де-Охас в районе уже упомянутого Серро-Хабонсильо грабителями был найден керамический штамп для нанесения оттисков [Estrada 1962, fig. 96, прорисовка по Olsen Bruhns: 1994, fig. 15.5]. На нем изображен человек, чье тело расклеивают стервятники (рис. 62.8). Не только содержание изображения, но и его композиция похожи на изображения мочика, наска

и чота-кутерво (рис. 40.2, 4 и 54.4). Предмет уникален, поскольку обычные штампы для нанесения изображений гораздо меньше по размеру. Стиль изображения ближе к мантеньо, но перуанские аналогии скорее указывают на время, соответствующее поздней баии. Если все же находка относится к мантеньо, то она свидетельствует об идеологической значимости соответствующего изобразительно-го сюжета на протяжении многих столетий.

Синхронная мантеньо культура милагро-кеведо в бассейне реки Гуаяс на юге Эквадора, по свидетельствам эпохи конкисты, представляла собой конфедерацию вожеств. Археологические данные об иерархии поселений и расположении искусственных насыпей это подтверждают [Delgado-Espinoza 2002]. Ни указаний на профессиональное производство изделий из керамики, раковин или металла, ни богатых захоронений здесь не встречено, хотя небольшие золотые украшения в могилах встречаются [Delgado-Espinoza 2002, appendix C, fig. 15]. Весьма вероятно, что ткани производили для обмена.

Для поздних культур южного Эквадора на севере Перу характерно использование металлических заменителей денег в виде топорков или тонких пластинок. Эта практика сошла на нет еще до инкского завоевания [Hosler et al. 1990; Ledergerber-Crespo, Tapia-Sarmiento 2010: 62–63], что логично объяснить гибелью культуры сикан в конце XIV в. н.э. Для сикан, как говорилось, были характерны примитивные деньги того же типа, что и для мантеньо. Связи с Перу не оборвались, но после завоевания всего Северного побережья государством Чимор внешний обмен был, вероятно, поставлен под контроль государства со столицей в Чан-Чане. Для инкского времени основные данные о морской торговле происходят из долины Чинча к югу от Лимы [Rostworowski de Díez Canseco 1970; Sandweiss 1988], а о контактах жителей Севера побережья с Эквадором сведений мало.

Таким образом, в пределах небольшой территории Эквадора между побережьем Тихого океана и Андами в относительно сходных ландшафтно-климатических условиях на протяжении более трех тысяч лет возникали и исчезали среднemasштабные общества, оставившие совершенно разные археологические проявления: сокровища в погребениях (толита), сложный фигуративный стиль, отраженный в изображениях на керамике и в мелкой пластике (чоррера, хама-коаке, баия), каменная скульптура (мантеньо), иерархическая

поселенческая структура (хорошо прослеживается для милагро-кеведо, но в той или иной мере характерна для всех, начиная с вальдивии). Заметных тенденций к образованию государственных институтов ни для одной культуры Эквадора не отмечено. Исключением могла быть толита, но о ней мы знаем меньше всего — памятники сильно разрушены в результате грабительских раскопок и земледельческого освоения территории.

В горном Эквадоре признаки усложнения политической организации появляются лишь во второй половине I тыс. н.э., а надежно о наличии сложных вождеств можно говорить с XIII в. Это как раз то время, когда в горных районах Боливии и Перу тоже происходило усложнение политических структур, сменившее период дезинтеграции. Если прибрежный Эквадор был включен в империю Инков во многом формально (археологически инкское присутствие там почти не ощущается), то горный Эквадор Инки рассматривали как неотъемлемую часть своей ойкумены. Наиболее развитыми являлись вождества южного Эквадора, созданные народом каньяри. Здесь находился очаг металлургии меди и, скорее всего, также золота. По крайней мере сто лет назад в этом районе были разграблены доинкские погребения со множеством золотых изделий [Bray 2008a; Ledergerber-Crespo, Tapia-Sarmiento 2010; Saviile 1924].

К сожалению, информация о прошлом каньяри отрывочна. Лучше изучено вождество Кочаски на севере горного Эквадора — одно из главных в конфедерации Каранги. В Кочаски сохранились надмогильные курганы и 15 земляных платформ с пандусами [Bray 1992; 2008a; Oberem, Wurster 1989; Wurster 1979]. На платформах находились жилища знати или святилища (рис. 63). В целом горный Эквадор к моменту инкского завоевания представлял собой конфедерации вождеств, между которыми и внутри которых происходили вооруженные конфликты. Остатки укреплений многочисленны, но отделить построенные с целью обороны от инков от более ранних сложно.

Сложные общества восточного Эквадора и Амазонии в целом находятся за пределами нашей темы. Надо все же упомянуть поселения долины реки Упано, поскольку через них, вероятно, осуществлялся дальний обмен между горными районами и тропическими низменностями. Поселения района Упано расположены в зоне влажного леса, однако на значительной высоте (1200–1500 м над уровнем моря) и были открыты недавно [Salazar 2008]. Можно пред-

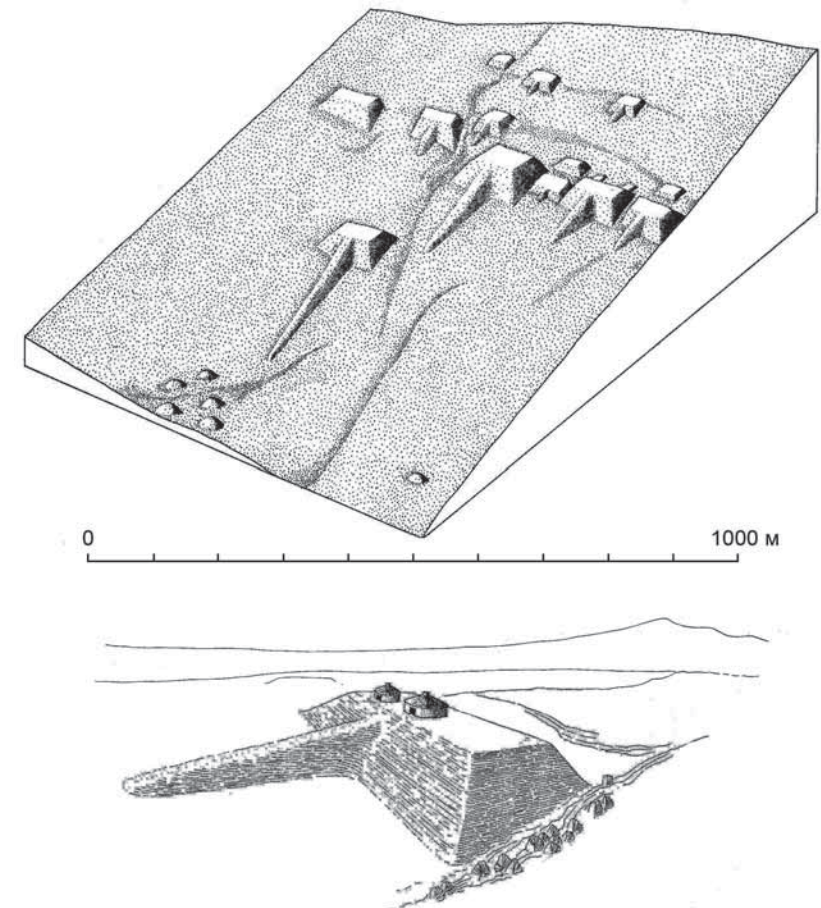

Рис. 63. Кочаски — центр одного из крупных вождеств культуры каранги на севере горного Эквадора, 1250–1500 н.э. Общий вид и платформа с реконструкцией находившихся наверху зданий, по [Wurster 1979, fig. 7, 41]

полагать, что в предгорьях Анд существовали и другие общества подобного типа, основанные не только на земледелии, но и на посредничестве в торговых контактах. Для поселений района Упано характерны дороги на насыпях и земляные платформы под здания. Длина некоторых достигает 100 м, ширина — 20 м и высота — 8 м [Salazar 2008: 266]. Платформы расположены по сторонам прямо-

угольных площадей, причем поселения явно возводились согласно какому-то плану, что само по себе предполагает централизованное принятие решений (рис. 64). Существование организации на уровне

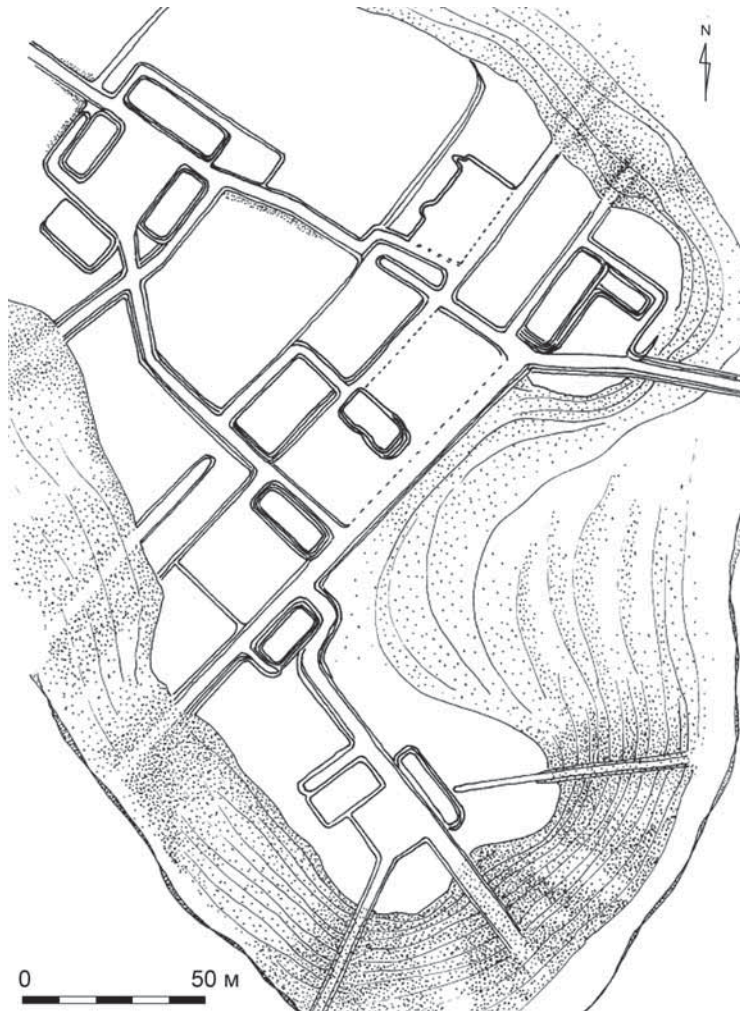

Рис. 64. План центральной части поселения Самагольи, одного из 70, выявленных в предгорьях эквадорских Анд на р. Упано. Для поселений этого района характерны земляные платформы в основании зданий, дороги на насыпях и заранее продуманная планировка, по [Salazar 2008, fig. 15.4]

простых вождеств не вызывает сомнений. С выводом о наличии сложных вождеств следует подождать, до того как будет выявлена вся поселенческая структура. Центр в долине Упано существовал на протяжении долгого времени — с середины или даже со второй четверти I тыс. до н.э. и до XIII в. н.э. Материалов предиспанского времени не найдено, а обнаруженная керамика относится к двум культурам, более ранняя из которых датируется 700 до н.э. — 400/600 н.э., а более поздняя — 700–1200 н.э. [Salazar 2008: 274]. Отсутствие прямой преемственности между двумя традициями согласуется с предположением, что центр в верховьях Упано приобрел и сохранял значение в силу своего географического положения на путях обмена, так что резкие изменения этнокультурной ситуации могли приводить лишь к кратковременному упадку.

Глава 7

СЕВЕРНЫЕ АНДЫ И ЮГО-ВОСТОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

Уже было сказано, что технология добычи и обработки золота во второй половине I тыс. до н.э. из Эквадора проникла в Колумбию. Относящаяся к этому времени культура илама существовала в районе Калима к западу от Западной Кордильеры и к северу от современного города Кали (карта 10 на рис. 78). Она напоминает толиту: в погребениях найдены керамика с изображениями мифических существ и людей, а также золотые изделия, в т.ч. маски, которые, скорее всего, использовались также и в ритуалах [Cardale Schrimpf 2005: 55–93; Drennan 2008: 390]. О поселениях иламы известно мало. На основе иламы на рубеже нашей эры в том же районе и соседнем бассейне верхней Кауки развиваются культуры йотоко (она же калима) и малагана, которую иногда считают вариантом йотоко (карта 11 на рис. 78). Количество золота в погребениях резко увеличивается. Общий вес золотых предметов, попавших на рынок древностей после разграбления в 1992 г. могильника Малаганы, оценивается в пределах от 140 до 230 кг [Cardale Schrimpf 2005: 143; Drennan 2008: 391]. Среди этих предметов есть характерный для культуры толита [Cardale Schrimpf 2005, fig. IV.25], что свидетельствует о частичной синхронности обеих культур и связях между ними.

В Малагане и вокруг нее после известий о найденном золоте были проведены значительные археологические работы [Cardale Schrimpf 2005: 143–196]. Это поселение площадью 20 га было центром округа поперечником 50 км. Оно находилось на островке среди заболоченной территории, богатой рыбой и дичью и подходящей для устройства грядковых полей, следы которых найдены. Поселение было окружено глубоким рвом, но другие поселения этой культуры укреплений не имели. Изображения на керамических сосудах и золотых изделиях также не содержат мотивов, связанных с военной активностью. Поэтому возможно, что ров и насыпь за ним защищали жителей Малаганы не от врагов, а от наводнений. Концентрация богатых захоронений в Малагане выше, чем в соседних

районах. Учитывая данные по различным обществам тропической Америки, число жителей местной политики могло все же измеряться скорее многими тысячами, нежели немногими десятками тысяч. Баснословные сокровища, положенные в могилы местных вождей, столь же плохо поэтому соответствуют численности коллективов, во главе которых эти вожди стояли, сколь и размеры монументальных комплексов II тыс. до н.э. на побережье Перу. Вполне вероятно, что перед нами явления одного порядка: вложения трудовых затрат, будь то в строительство храмов или производство изделий из золота, явились результатом соревнования и кооперации в рамках дуальной организации.

Помимо масок и украшений, среди золотых изделий малаганы есть явно связанные с шаманизмом и приемом наркотиков — правда, не сильных галлюциногенов, а коки. Речь идет о шаманских погремущках и сосудах для извести, которую жуют вместе с листьями коки для активизации выделения алкалоидов [Cardale Schrimpf 2005, fig. IV.70, 71]. Золотой предмет, выполненный в стиле толиты, тоже представляет собой сосудик для извести в виде комбинированной фигурки антропоморфного существа и каймана. Нет сомнений, что в сложных обществах Колумбии, так же как и в вождествах и ранних государствах Центральных Анд, многие лица, стоявшие на вершине социальной иерархии, были связаны с исполнением культурных функций и тайным знанием.

В период существования культуры йотоко, т.е. в первой половине I тыс. н.э., навыки металлургии и ювелирного дела и некоторые типы вещей широко распространяются в бассейнах Кауки и Магдалены. Почти на всей этой территории возникают общества уровня сложных вождеств. В пределах подобной сети связей оказались и верховья Магдалены, где к III в. до н.э., т.е. синхронно толите и иламе, сформировалась культура сан-агустин [Drennan 2008: 383–387; Drennan et al. 1991; Rodríguez 2007b: 78–104]. О появлении именно сложных вождеств допустимо говорить с конца I тыс. до н.э., но более надежно — после рубежа нашей эры (карта 11 на рис. 78). Главным свидетельством социополитической сложности являются сотни каменных статуй. Крупные, имевшие высоту до 4 м, находились у входа в склепы (рис. 65 лев.). Некоторые изваяния найдены внутри склепов вместе с каменными саркофагами, и в этих случаях видно, что статуи были ярко раскрашены (рис. 65 прав.) [Velandia 1994: 67–100]. Каждый саркофаг предназначался для од-

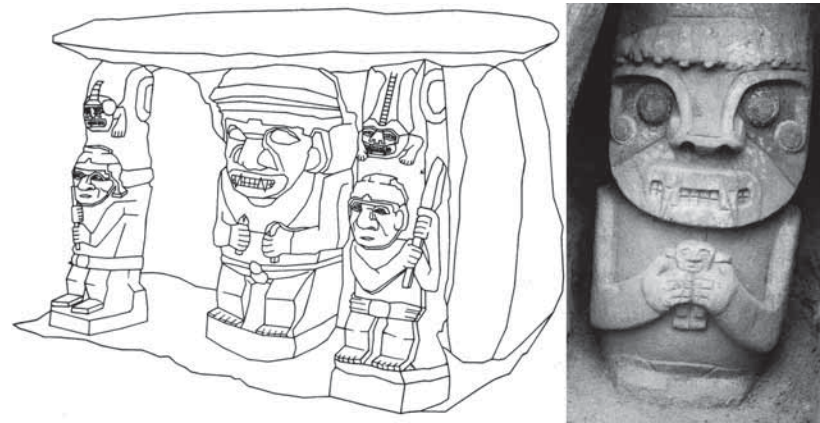

Рис. 65.

Слева: положение статуй перед входом в один из склепов культуры сан-агустин, по [Duque Gómez, Cubillos 1983, обложка].

Справа: статуя с раскрашенным лицом, обнаруженная внутри склепа, по [Cubillos 1986, lam. Xb]

ного умершего, т.е. в склепах погребали местных лидеров. Картографирование склепов и статуй позволило выделить четыре-пять крупных и несколько мелких скоплений, соответствующих, по всей видимости, каким-то политическим объединениям. В некоторых число жителей могло достигать 5 тыс. человек. Рядовое население было рассеяно по хуторам вокруг ритуальных центров.

Золото создателям культуры сан-агустин было известно, но изделий из него найдено очень мало. Керамика этой культуры, в отличие от керамики многих других культур региона, лишена фигуративных изображений и довольно груба [Cubillos 1980, pl. 1–4, lam. XIII–XIV]. Весьма вероятно, что, как и в культуре мантеньо, воздвижение статуй и проведение около них ритуалов было достаточно для надления определенных лиц властными полномочиями. Соответственно для обеспечения своего престижа элита не нуждалась в захоронении в склепах изделий из металла и произведений искусства.

После 600 н.э., т.е. примерно синхронно затуханию культуры йотоко в бассейне Кауки, культура сан-агустин тоже входит в полосу кризиса. Создание статуй прекращается, хотя численность населения в верховьях Магдалены не изменилась. Северная часть ареала

культуры сан-агустин площадью 35×20 км обособляется, и там возникает новая культура — тьеррадентро (карта 13 на рис. 79) [Drennan 2008: 388; Drennan et al. 1991; Fernández 2011; Langebaek, Dever 2009; Rodríguez 2007b: 84–102; Sevilla Casas 2009; 2010]. В тьеррадентро вместо статуй мифических существ и склепов вождей появляются вырубленные в мягкой породе коллективные погребальные камеры (рис. 66). Их стены, потолки и опоры расписаны геометрическими узорами, пилоны у стен оформлены как схематичные антропоморфные фигуры. Крупные камеры достигают 2,5 м высоты, 9 м в поперечнике и расположены на глубине до 7 м от поверхности. Надо думать, что различия в размерах камер отражают статус отдельных родовых групп. Соотношение между большими и сложно оформленными, средними по размеру и небольшими простыми камерами составляет 19:31:50 [Sevilla Casas 2010: 42]. Золотые украшения, как и в сан-агустин, встречаются редко. Культура тьеррадентро просуществовала почти до конкисты, хотя испанцы в этом районе населения практически не застали.

Во второй половине I тыс. н.э. культурная карта Колумбии сильно меняется. В отличие от Перу, продвижение нового населения (чибча из Центральной Америки и карибов из Венесуэлы) нельзя исключать [Constenla 1995]. Центры политогенеза из юго-запад-

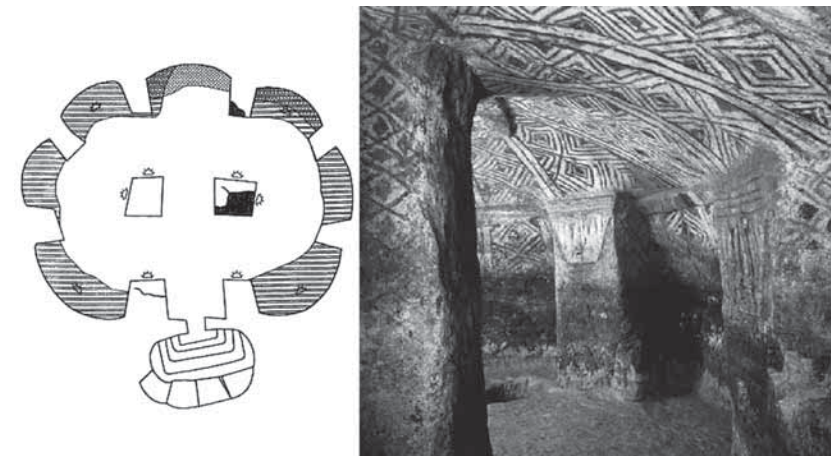

Рис. 66. План и внутренний вид коллективной гробницы культуры тьеррадентро, конец I — начало II тыс. н.э., по [Fernández 2011, fig. 6; Sevilla Casas 2010, fig. 10]

ных районов горной Колумбии перемещаются на восток и север, где возникают культуры сину [Oyuela-Caucedo 2008: 408–413; Reichel-Dolmatoff 1986: 156–163], тайрона [Cadavid 1986; Cadavid, Groot de Mahecha 1984; Castaño 1987; Langebaek 1987; 2005; Oyuela-Caucedo 1987; 2008: 413–424; Serje 1987; Zuidema 1992] и муиска [Fernández 2002; Kruschek 2003; Langebaek, Henrik 1993]. В период конкисты на территории между Мезоамерикой и Центральными Андами соответствующие этим культурам общества были, вероятно, наиболее развитыми в политическом отношении (карты 15, 16 на рис. 79).

Сложные вождества тайрона на северо-востоке Колумбии появились в XII–XIII вв. н.э. Испанские источники о тайрона сообщают мало, основные сведения получены благодаря археологам. Тайрона контролировали территорию между берегом Карибского моря и горным массивом Сьерра-Невада-де-Санта-Марта — примерно 70×70 км (рис. 67). Население крупнейших городков составляло от одной до трех тысяч человек. Самый большой из них, Буритака-200 площадью 26 га, был основан в горах в ходе освоения верхних частей долин. Пуэблито (20 га) располагался близ карибского побережья и, по-видимому, возник раньше. Остальные городки (Нуликуандекуэ, Пирамиде и пр.) имеют площадь от 13 га и ниже [Hoopes 2011: 232].

Первые свидетельства социальной стратификации в ареале тайрона становятся заметны с середины I тыс. н.э. (богатая гробница в Науанхе 1), но иерархия поселений для этого времени не выявлена [Hoopes 2005: 24]. Примерно с XII–XIII вв. подобная трехуровневая иерархия уже, несомненно, существовала [Langebaek 2005: 24; Oyuela-Caucedo 1987: 217, 221]. Сама предковая для тайрона культура науанхе, по-видимому, возникла под влиянием мигрантов из восточной Коста-Рики [Hoopes 2011: 18–21]. В отличие от Центральной Америки, в северной Колумбии нет крупных каменных изваяний, но в домостроительстве и структуре поселений прослеживается много общего. В частности, только для культур Коста-Рики и для тайрона характерны мощные дороги (рис. 68).

На территории муисков в районе современной столицы Колумбии процесс усложнения общества начался на несколько веков позже, чем у тайрона, но шел быстрее. Археологическая информация по муискам не столь обильна, как по тайрона. Поскольку в строительстве камень практически не использовался, поселения изучены хуже. Недостаток археологических материалов восполня-

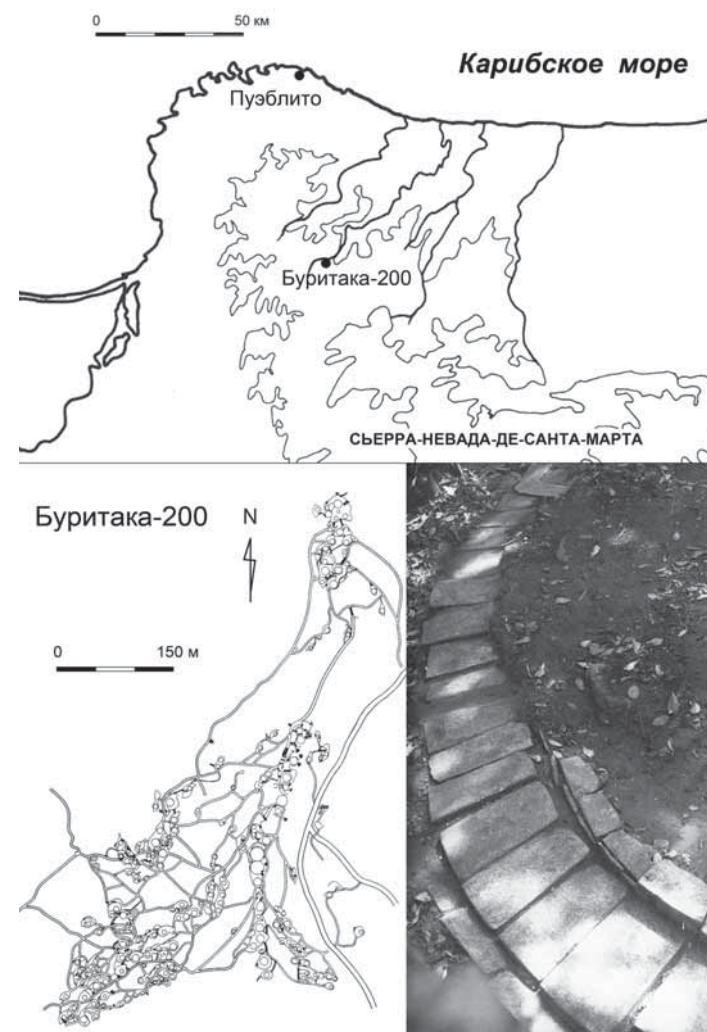

Рис. 67.

Вверху: район горного массива Сьерра-Невада-де-Санта-Марта с крупнейшими центрами культуры тайрона — Пуэблито и Буритака-200.

Внизу слева: план основной части поселения Буритака-200, по [Herrera de Turbay 1985, fig. 6].

Внизу справа: плиты в основании большого круглопланового дома в Пуэблито, по [Reichel-Dolmatoff 1986, fig. 149]

Рис. 68.

Слева: расчищенная вымостка на костариканском поселении в дельте р. Дикис, конец I тыс. н.э., по [Quintanilla 2007, fig. 23].

Справа: вымощенная дорога тайрона, первая половина II тыс. н.э., по [Mason 1931, pl. XVII.3]

ется информацией испанских хроник XVII в. К приходу испанцев у муисков, контролировавших территорию размером 400×100 км, были четыре крупные политики (Богота, Тунха, Согамосо и Дуитама) и значительное число мелких (рис. 69).

Муиски, как и тайрона, занимались интенсивным земледелием с использованием ресурсов разных ландшафтно-климатических зон. Для элиты муисков контроль за внешним обменом был, видимо, важнее, чем для тайрона. Золото, перья тропических птиц, каленасы, мед и наркотик *Anadenanthera peregrina* (вид, родственник упоминавшейся *Anadenanthera colubrina*) муиски получали из низменностей в обмен на хлопчатобумажные ткани и соль. Металлические изделия муисков — низкого качества (почти исключительно медные с небольшим добавлением золота), тогда как массивные культовые предметы и украшения тайрона сделаны из чистого золота. Тайрона единственные в Колумбии широко использовали в строительстве камень (террасы, лестницы, основания домов). Крупные здания диаметром 20–25 м, очевидно, имели административно-культовые функции. Похоже, что элита муисков контролировала прежде всего «реальную экономику», т.е. производство, обмен и хранение продуктов потребления, тогда как для элиты тайрона не меньшее значение имели контроль за престижными ценностями и эзотерическим знанием. В пользу этого свидетельствуют данные середины XX в. по культуре индейцев коги — потомков тайрона [Looper 1996]. Как тайрона, так и муиски практиковали ритуалы

Рис. 69. Вождества муисков в начале XVI в., по [Kruschek 2003, fig. 1.1]

с использованием наркотиков, в которых принимали участие представители высшей знати, но сами ритуалы существенно различались. У муисков они, вероятно, напоминали характерные для Боливийского плоскогорья, Южных Анд и Амазонии, где использовался сильный галлюциноген *Anadenanthera colubrina* либо *Anadenanthera peregrina*, для приема которого служили специальные дощечки, в том числе золотые [Torres 1987a, pl. 9]. Тайрона же, скорее всего, использовали исключительно коку, являющуюся не галлюциногеном, а стимулянт — такой вывод можно сделать, опираясь на этнографические данные по коги.

Ни для тайрона, ни для муисков нет сведений о значительных вооруженных конфликтах между отдельными вождествами, но реакция на приход испанцев оказалась различной. Тайрона отчаянно сопротивлялись и затем ушли в горы, тогда как муиски сопротивления почти не оказали и давно ассимилированы.

В культуре сину (долины рек Сину и Сан-Хорхе на северо-западе Колумбии) сложные вождества появились как минимум не позже, чем у тайрона. Их создатели производили гигантское количество продовольствия — 600 тыс. га заметных и сейчас грядковых полей об этом ясно свидетельствуют. В коллекциях представлено много украшений из золота хорошего качества, известно о богатых захоронениях вождей. Однако в целом культура сину изучена гораздо хуже, чем тайрона и муиска.

В районе Кордильеры-де-Мерида на западе Венесуэлы к приходу испанцев существовали общества, похожие на общество муисков, но менее сложные [Lleras, Langebaek 1987]. Далее на восток в западных районах венесуэльских льяносов, где регулярные наводнения менее продолжительны, чем в более низменных восточных районах, демографический рост и усложнение политической организации происходят в середине I тыс. н.э. [Spencer et al. 1999; Spencer, Redmond 1983; 1992; Zucchi 1972]. В природном и культурно-этническом отношении этот район значительно отличается от горной и прикарибской Колумбии, занимая пограничное положение между андским поясом Южной Америки и обширными пространствами Гвианы и Амазонии.

Во время конкисты испанцы встретили в западных льяносах политические образования типа сложных вождеств, а археологические исследования датируют возникновение таких образований серединой I тыс. н.э. Достаточно хорошо изучено поселение Гаван, возникшее, как и ряд других, в VI в. н.э. (карта 13 на рис. 79). Оно имело форму овала площадью 33 га, было окружено валом и почти наверняка палисадом (рис. 70). Видимо, поселение погибло в результате набега врагов — заметны следы пожара. На прилегающей территории выявлены 5 поселений площадью 6–10 га с искусственными насыпями и 26 площадью 1–4 га без насыпей. Высота основной земляной платформы на самом Гаване составляет 12 м. Выявлены 35 га полей, на которых, судя по пыльце в почве, выращивали кукурузу. Распределение памятников по размеру и типу позволяет уверенно предполагать наличие управленческой иерархии.

Вчетверо более крупный центр Эль-Седраль существовал в 40 км на юг-юго-восток от Гавана (рис. 71). Судя по радиоуглеродным датам, он возник немного позже, но в основном синхронен Гавану [Spencer et al. 1999: 120–125]. В третьей четверти I тыс. н.э. Эль-Седраль не только непосредственно контролировал территорию

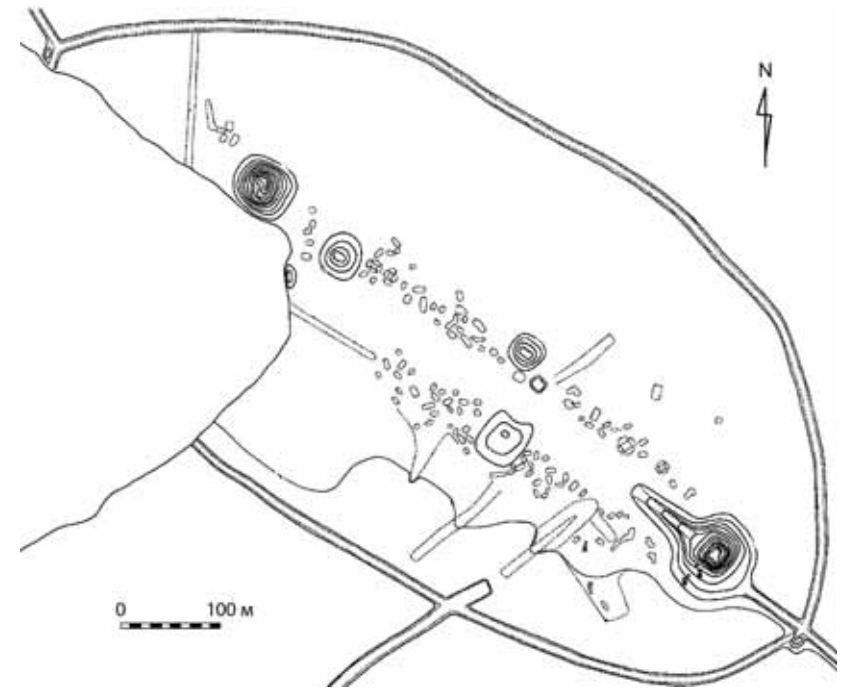

Рис. 70. План поселения Гаван на западе венесуэльских Льяносов, вторая половина I тыс. н.э., по [Spencer, Redmond 1992, fig. 4]

поперечником несколько десятков километров, но и, вероятно, господствовал во всем ареале западных льяносов. Картографирование памятников показало, что Эль-Седраль являлся центром системы поселений с ярко выраженной трехступенчатой иерархией. Главная земляная насыпь, на которой, вероятно, располагались общественно-культурные постройки или дома элиты Эль-Седраля, имеет 100 м в диаметре и 12 м в высоту. Если учесть высоту несохранившихся деревянных построек, которая почти наверняка составляла 10 м и более, возвышавшийся над равниной комплекс должен был выглядеть достаточно монументально. Численность обитателей поселения составляла, по минимальным оценкам, 700 и по максимальным — 4 тыс. человек, что сопоставимо с вероятным числом обитателей в крупнейших центрах культуры тайрона. Эль-Седраль расположен у берега реки, что было удобно для обороны. С нахо-

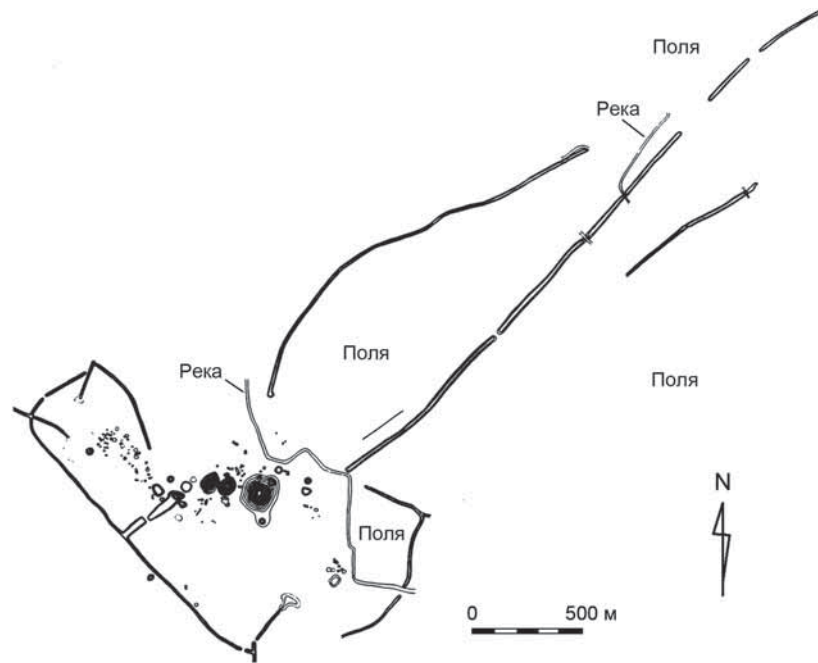

Рис. 71. План поселения Эль-Седраль на западе венесуэльских льяносов, третья четверть I тыс. н.э., по [Spencer et al. 1999, fig. 7.8]. Показаны земляные платформы и дороги на насыпях, окружающие поселение и соединяющие его с центрами второго порядка

дившимися на расстоянии порядка 10 км поселениями второго уровня, в которых также обнаружены высокие насыпи, Эль-Седраль был связан дорогами на насыпях высотой 1,5–2 м. При необходимости такие насыпи могли использовать и в качестве оборонительных сооружений.

В Панаме и Коста-Рике ход социополитического развития выглядит более стабильным и однонаправленным, чем в Колумбии. Для позднего предиспанского времени численность крупных вождеств этого ареала, на основании археологических данных и свидетельств конкистадоров, оценивается в 5–7 тыс. человек, население их центральных поселений — в 1,5–2 тыс. [Сooke 2005: 157–158]. Наиболее развитые общества находились на западном берегу Панамского залива, в районе панамско-костариканской границы,

а в центральной Коста-Рике — по обеим сторонам континентального водораздела и близ тихоокеанского побережья. На северо-востоке Коста-Рики надобщинные политические структуры до прихода испанцев вряд ли возникли. Для Восточной Панамы археологических свидетельств такого рода пока тоже нет, хотя автор эпохи конкисты пишет о местных вождях двух рангов [Haller 2004: 130].

В центральной Панаме золотые изделия встречаются в захоронениях IV–V вв. н.э. и далее остаются непременным атрибутом местной элиты, о чем есть свидетельства эпохи европейских контактов. С VI в. качество ремесленной продукции заметно повышается, появляются большие могильники, у многих из захороненных, включая детей, инвентарь включает золотые украшения и ожерелья из дорогих раковин *Spondylus*, хотя резко выделяющихся среди прочих погребальных комплексов еще нет [Creamer, Naas 1985: 744–745; Hoopes 2005: 22–23]. Сформировавшаяся в VIII в. культура кокле (карта 13 на рис. 79) получила мировую известность благодаря ювелирным изделиям, в т.ч. большим золотым пекторальям (рис. 17.1), а также расписной керамике стандартных форм с полихромными изображениями мифических существ и животных. Могилы вождей содержат десятки сосудов, золото, изумруды и прочие ценности, а также тела сопроводительных жертв (рис. 72) [Lothrop 1937]. Различия в отношении богатства инвентаря между отдельными погребальными комплексами по-прежнему сглажены, но богатые детские захоронения исчезают или по крайней мере не найдены. Скорее всего, это значит, что статус представителей элиты зависел от их личных заслуг [Haller 2004: 5–10]. Не очень понятно, что в поддержании власти было важнее: доступ к сакральному знанию, контроль над ресурсами или военные успехи. В отличие от тех районов Колумбии, где существовали культуры сину и тайрона, в Панаме всегда оставались участки пригодных к обработке свободных земель и плотность населения не достигала предельных возможных значений [Haller 2004: 100–132].

Культура кокле, лучше всего известная по находкам в Ситио-Конте, просуществовала два века (750–950 н.э.) [Hoopes 2005: 22], но расписная керамика хорошего качества, изделия из золота, а также трехуровневая иерархия поселений характерны и для более поздних культур центральной Панамы вплоть до конкисты. В последние века перед приходом испанцев здесь появляются каменные вымостки и ряды каменных столбов в ассоциации с богатыми захоронениями.

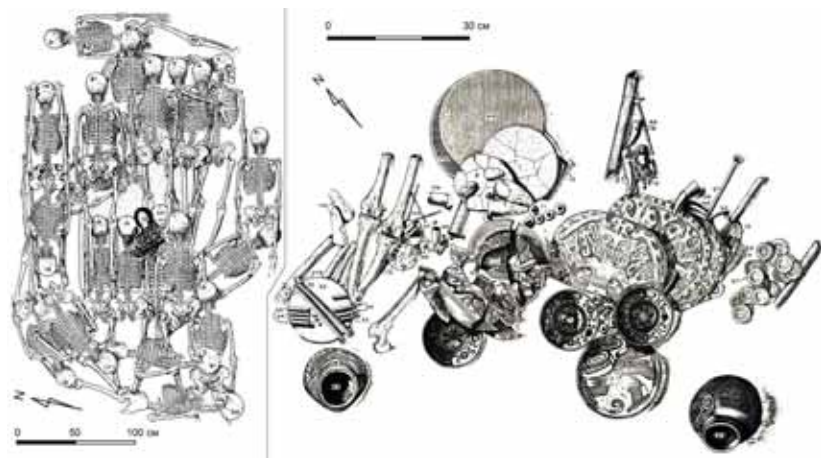

Рис. 72. Погребение № 26 в Ситио-Конте, культура кокле. Слева: расположение костных останков — главный погребенный (№ 12) и более 20 сопроводительных жертв. Положение костяков отчасти реконструировано, поскольку при обрушении в древности погребальной камеры многие кости были сдвинуты с места. Справа: расположение погребального инвентаря, включавшего полихромную керамику и золотые пекторали, по [Lothrop 1937, fig. 31, 247]

В Коста-Рике сложные общества формируются в III—IV вв. н.э. и достигают расцвета в XI—XII вв. [Murillo Herrera 2009; Snarskis 1987]. Их основные археологические проявления — каменная скульптура, изделия из золота в погребениях и крупные поселения с каменными вымостками и земляными платформами.

На юге Коста-Рики, в районе к западу от границы с Панамой и к югу от континентального водораздела, двухранговая иерархия поселений формируется в последних веках до нашей эры. Примерно с IV в. н.э. (период агуас-буэнас) в крупных деревнях появляются земляные платформы с облицовкой из булыжников, а позже — каменные статуи и большие фигурные зернотерки и терочные камни [Дэвлет 2000: 108—125]. Во время совершения ритуалов такие зернотерки служили тронами или алтарями [Olsen Bruhns 1992: 351]. Близкая культура представлена в сопредельном районе Панамы (стиль баррилес). Начиная с периода чирики, т.е. с VIII в. н.э., население заметно растет, размеры деревень увеличиваются, в них строятся круглоплановые дома до 30 м в диаметре (рис. 73) [Quilter

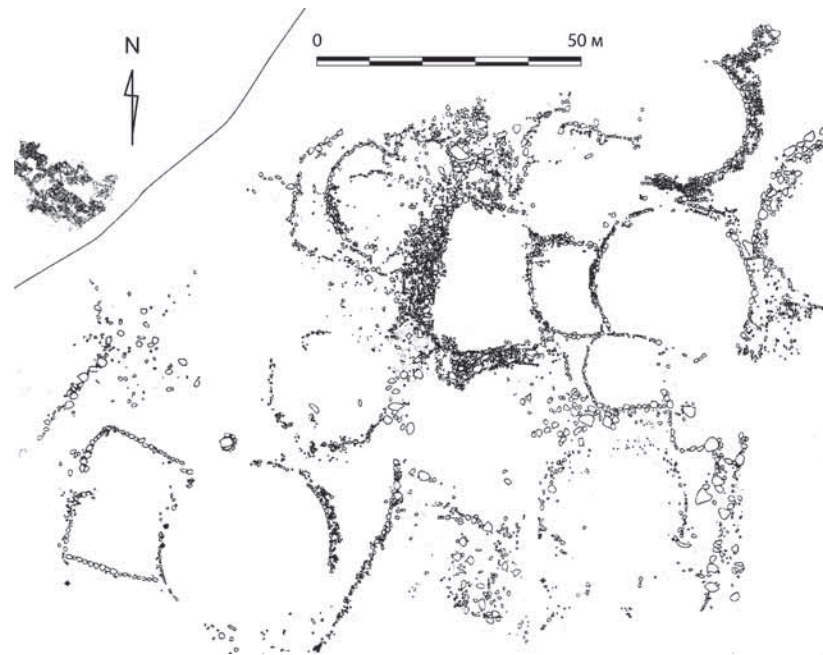

Рис. 73. Расчищенные основания домов на костариканском поселении Ривас, провинция Сан-Хосе, тихоокеанская сторона водораздела, 900—1300 н.э. Раскопками выявлены десятки оснований домов диаметром порядка 30 м, по [Quilter 2004, fig. 2.18]

2004, fig. 2.18, 3.1—3.4]. Площадь крупных поселений достигает 2 кв. км (Ривас) и даже 4 кв. км (Мурсьелаго) [Hoopes 2011: 432; Ulloa 2001: 66]. Застроена была лишь часть этой территории, поэтому численность обитателей определить сложно, но речь явно идет о многих сотнях и, весьма вероятно, о двух—трех тысячах жителей.

В богатых погребениях конца I — начала II тыс. н.э. на территории Коста-Рики обычны золотые подвески и полихромная расписная керамика. Выявлены вымощенные дороги и палисады вокруг селений. Продолжается создание статуй в виде антропоморфных существ, изготовление больших ритуальных зернотерок (рис. 74), а также идеально круглых огромных каменных сфер [Fernández, Quintanilla 2003; Quintanilla 2007]. Такие сферы появляются примерно в IV в. н.э. Обычно они находятся неподалеку от земляных платформ, на которых располагались постройки. Сферы

Рис. 74. Каменные зернотерки в виде ягуаров, типичные для культур Коста-Рики конца I — начала II тыс. н.э., длина от 25 до 50 см, по [Mason 1945, pl. 18]

диаметром 1,5 м весят около 4 т, но есть экземпляры диаметром до 2,5 м и весом до 16 т (рис. 75).

В сопредельном районе Панамы культура чирики не представлена, здесь ей синхронен период политической дезинтеграции. Однако в центральной Коста-Рике к востоку от континентального водораздела в конце I — начале II тыс. н.э. также появляются очень крупные поселения. Наиболее известно Гуаябó, протянувшееся на 12 км вдоль склона холма. Поселение не раскапывалось, но в рельефе прослеживается всхолмление диаметром 30 м, охваченное четырьмя кольцами опорных стен, от которого в сторону могильника, расположенного в 1,5 км, ведет широкая насыпь, по-видимому, предназначавшаяся для процессий. Как и на поселениях по тихоокеанскую сторону водораздела, в Гуаябо представлены объемные изваяния антропоморфных существ и большие каменные зернотерки со сложными резными изображениями [Hoopes 2011: 432–434; Jones 1988, fig. 6].

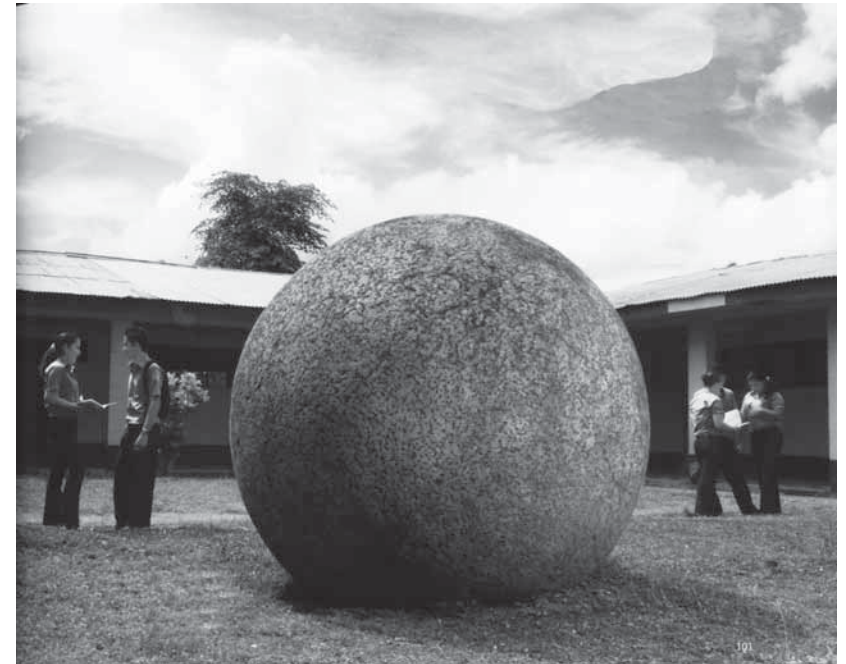

Рис. 75. Костариканская каменная сфера диаметром 209 см и весом 9,5 т, по [Quintanilla 2007, fig. 59a]

Свидетельства военной активности в культурах Коста-Рики в основном те же, что и в сложных обществах Колумбии, Эквадора и северного Перу, т.е. головы-трофеи, изображенные в руках людей и мифических существ, реже — фигуры пленников. Речь, в частности, идет о каменной скульптуре стиля лас-мерседес на карибской стороне континентального водораздела (после 1000 н.э.), панамском стиле баррилес [Дэвлет 2000: 155–169, 198–208; Quintanilla 2007, fig. 18b] и статуях с поселения Гуаябо [Hoopes 2011: 435].

ГЛАВА 8 ИТОГИ ОБЗОРА ПО ОБЩЕСТВАМ НОВОГО СВЕТА

Прежде чем совершить экскурс в совершенно другой регион, Ближний Восток, сделаем некоторые замечания к материалам по Андам и Центральной Америке.

Начнем с хронологии (рис. 76–79).

Древнейшие сложные общества Нуклеарной Америки возникли между серединой IV и второй четвертью III тыс. до н.э. в пределах перуанского побережья между 7° и 12° ю.ш. К концу этого периода они появились и в сопредельных горных районах. Повторю еще раз, что речь идет, строго говоря, не об обществах, а об оставленных их создателями материальных свидетельствах. В каких именно отношениях строители храмов в Асперо или Карале находились друг с другом и чем они в этом смысле отличались от жителей перуанского побережья V — первой половины IV тыс. до н.э., мы не знаем. Однако созданные этими людьми памятники архитектуры отличаются от более ранних и во многом похожи на более поздние — в этом никаких сомнений нет.

Также, вне всякого сомнения, речь идет об одном из первичных очагов политогенеза, в котором процесс усложнения общественной организации происходил спонтанно, без влияния более развитых центров. Северную границу этого очага в точности определить пока трудно — не вполне ясен характер связей между обществами северного Перу и соседнего Эквадора. На побережье Эквадора древнейшие надежно датированные свидетельства появления сложных обществ (поселение Реаль-Альто) относятся к столь же раннему времени, как и в Перу. Местом происхождения некоторых форм сосудов, мотивов изобразительного искусства и других элементов культуры, общих для севера Перу и Эквадора, мог быть именно Эквадор. Однако в Перу и Боливии пригодных для интенсивного освоения территорий было значительно больше, чем в Эквадоре, так что в дальнейшем Эквадор оказался на положении периферии Центральных Анд. Тем не менее для III–I тыс. до н.э. побережье Эквадора вместе с побережьем и горными областями Перу можно рассматривать как единый очаг распространения слож-

ных обществ, оказывавший влияние на территории к югу и северу от него.

Его появление не было связано с внезапной трансформацией социальных отношений и созданием совершенно новых форм культуры. Археологические исследования постепенно заполняют временной и логистической пробелы между сложными обществами III тыс. до н.э. и простыми обществами эпохи раннего голоцена.

Так, близ границы Эквадора с Перу в районе Тумбес обнаружено поселение Эль-Порвенир V тыс. до н.э. площадью 3 га. Оно состояло из всхолмлений, в которых прослежена свита полов [Moore 2007]. Это еще не общественно-культовая архитектура, но по крайней мере свидетельство долговременной и прочной оседлости.

Еще более важная информация для понимания начальных этапов становления сложных обществ в Центральных Андах получена в верховьях долины Санья на севере Перу [Dillehay et al. 1997]. Открытый здесь памятник Нанчок, относящийся к V тыс. до н.э., представлял собой мастерскую для производства извести. Судя по этнографическим данным, люди, занимавшиеся охотой, собирательством и выращиванием растений, нуждались в извести как ингридиенте, необходимом для выделения алкалоидов при жевании листьев коки. В Нанчок обнаружены также два всхолмления поперечником 20 и 40 м и высотой 1 м, которые, по-видимому, служили для совершения ритуалов. По периметру оба всхолмления оказались выложены крупными булыжниками, часть которых была для этого специально расколота. В пределах одного из всхолмлений (второе оказалось сильно повреждено) выявлены два уровня полов и следы столбов. Исследование культурного слоя показало, что постройка не была жилой, а использовалась время от времени для каких-то иных целей. В верховьях Саньи найдены и следы множества недолговременных поселений V тыс. до н.э. Нанчок, таким образом, можно рассматривать как ритуальный центр сообщества людей, живших на территории поперечником 10–12 км и находившихся на стадии перехода от присваивающей экономики к производящей.

Оба приведенных примера относятся к территориям, которые ранее оставались почти совершенно неисследованными и где поиски свидетельств усложнения общества и культуры не велись. Мало сомнений в том, что аналогичные находки в пределах Перу и Эквадора — не последние.

В каждом районе Южной и Центральной Америки эволюция социополитических систем была обусловлена местным экономическим потенциалом. Вместе с тем картографирование обществ по периодам указывает на взаимовлияние ареалов, образующих систему более высокого уровня. Эта система постепенно распространялась вширь и усложнялась в пределах тех территорий, где первоначально возникла.

Если говорить об областях к северу от Центральных Анд, то во второй половине I тыс. до н.э. сложные общества появляются на севере эквадорского побережья и в юго-западной Колумбии (культуры толита-тумако и илама), около рубежа нашей эры — в верховьях Кауки (культуры малагана и йотоко), на пару веков позже — в верховьях Магдалены (культура сан-агустин), а с середины I тыс. н.э. — почти повсюду между Эквадором, западом Венесуэлы и Коста-Рикой. Третья четверть I тыс. н.э. была временем быстрой общественно-политической эволюции культур Северных Анд и юго-востока Центральной Америки.

Хронологически этот процесс совпадает с появлением в Центральных Андах таких объединений, для которых наличие государственной организации уже никем не оспаривается, — Уари, Тиауанако и Пампа-Гранде. Иначе говоря, процесс политогенеза состоял в формировании все более сложных и крупных объединений в нуклеарной зоне и параллельно с этим в распространении соответствующих социополитических структур на новые территории. В Коста-Рике первые сложные общества могли появиться несколькими веками раньше, чем в Панаме, но это исключение как раз подтверждает правило. Здесь можно видеть опосредованное влияние Мезоамерики, которое документировано появлением в Коста-Рике так называемых ольмекских нефритов в первой половине I тыс. н.э.

Последовательное расширение зоны распространения сложных обществ Нуклеарной Америки происходило и на южной границе первичного очага их формирования. В I тыс. до н.э. сложные общества появляются в горной Боливии и на побережье Перу к югу от Лимы вплоть до долины Наска, а во второй половине I тыс. н.э. — на побережье Перу к югу от Наска, в Южных Андах (культура агуада) [Leoni, Acuto 2008] и Восточной Боливии [Walker 2008]. Эти культуры мы не рассматривали, поэтому читателю остается поверить автору на слово: агуада принадлежит к тому же классу средне-масштабных обществ, что наска и рекуай (с которыми у нее были

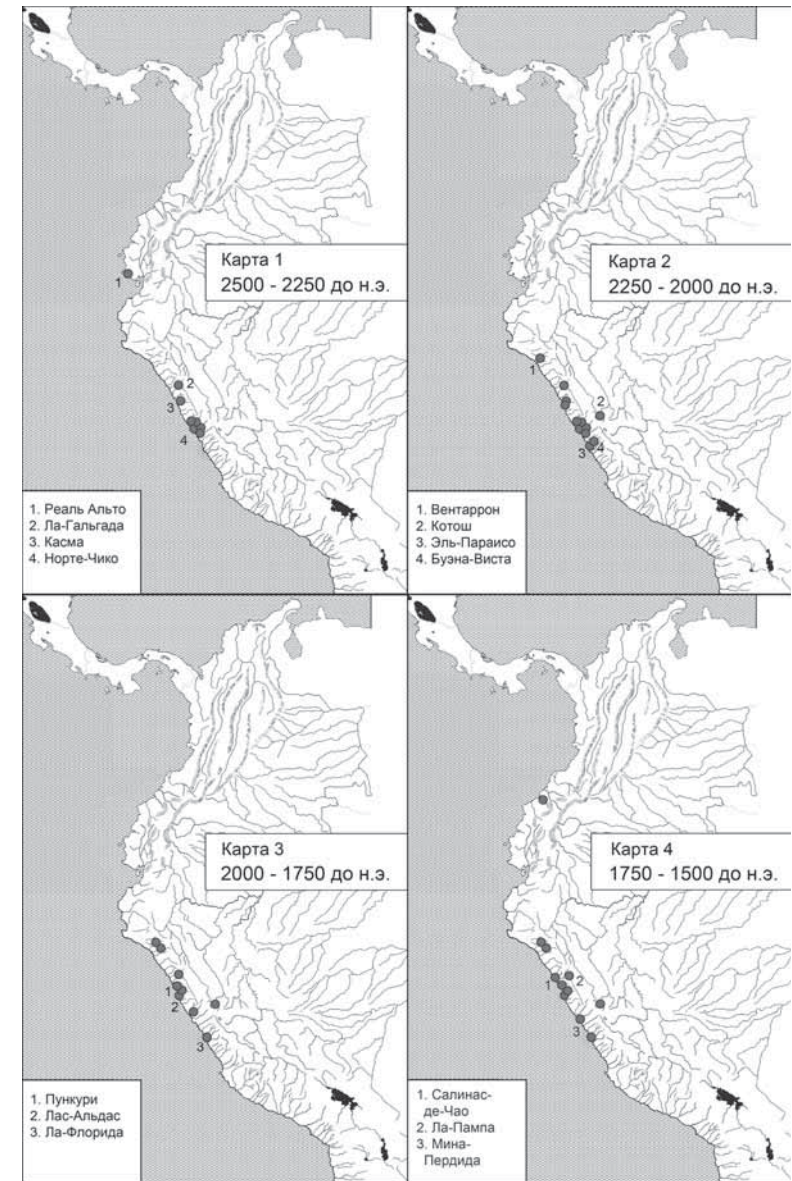

Рис. 76. Динамика распространения сложных обществ в Центральных Андах, Эквадоре, Колумбии, Панаме и Коста-Рике между 2500 и 1500 до н.э.

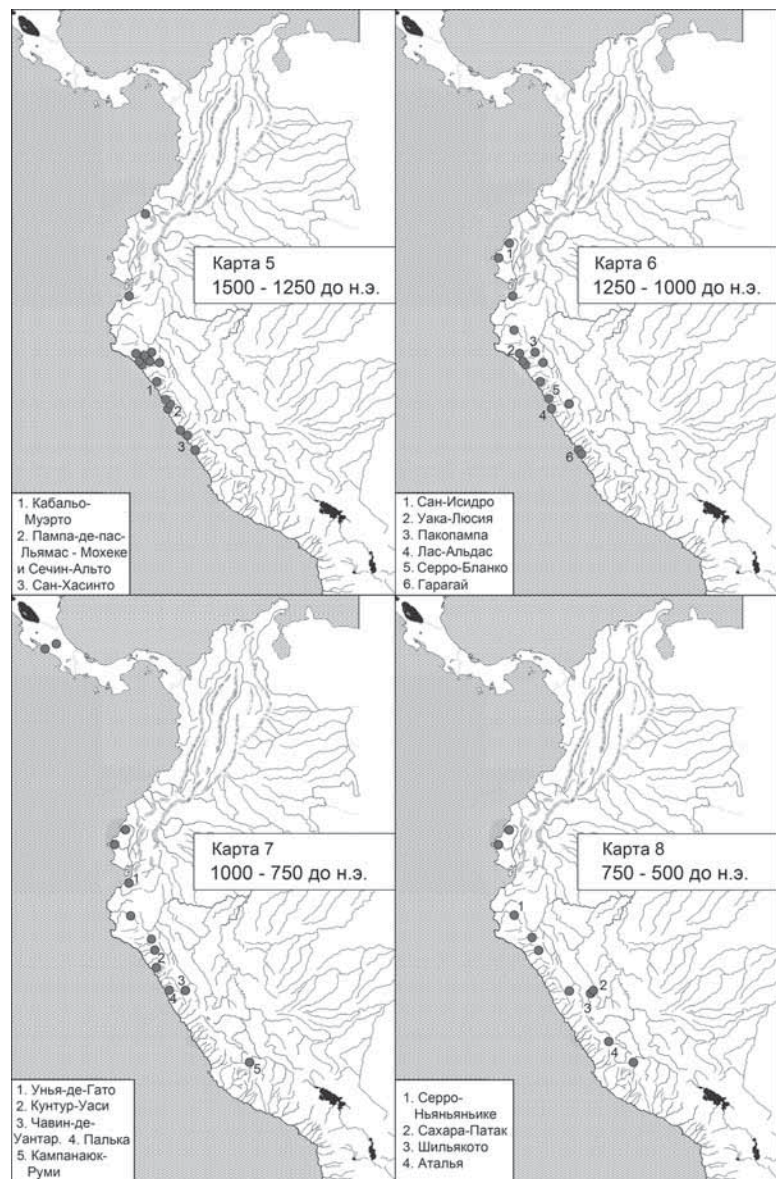

Рис. 77. Динамика распространения сложных обществ в Центральных Андах, Эквадоре, Колумбии, Панаме и Коста-Рике между 1500 и 500 до н.э.

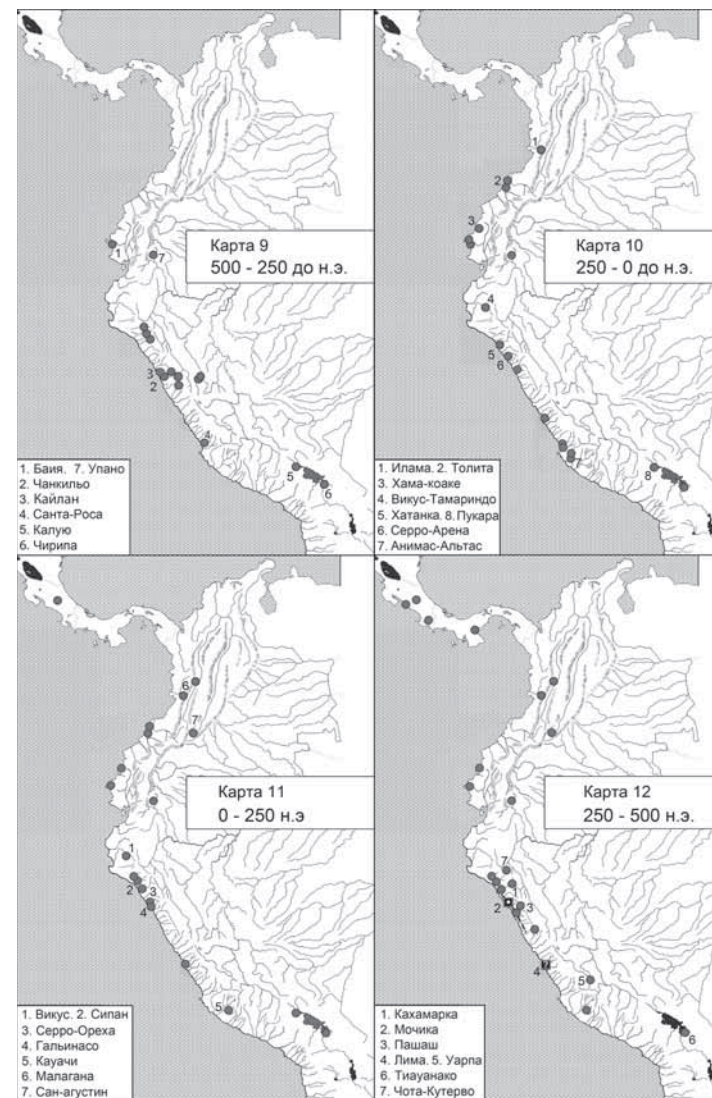

Рис. 78. Динамика распространения сложных обществ в Центральных Андах, Эквадоре, Колумбии, Панаме и Коста-Рике между 500 до н.э. и 500 н.э. Начиная с карты 12, квадратным значком обозначены общества государственного уровня или очень близкие к нему, а отходящими от значка прямыми линиями — направления экспансии

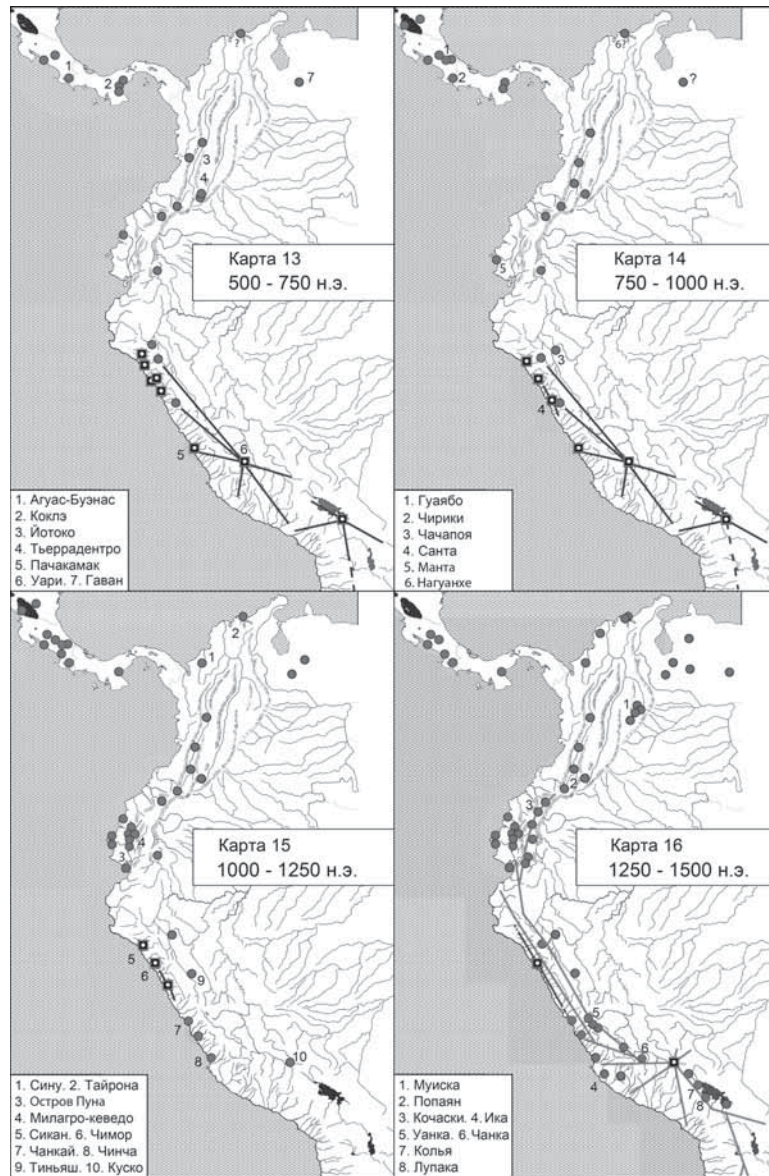

Рис. 79. Динамика распространения сложных обществ в Центральных Андах, Эквадоре, Колумбии, Панаме и Коста-Рике между 500 и 1500 н.э.

и исторические связи), а культура льяносов Восточной Боливии напоминает культуру льяносов Венесуэлы.

Насколько появление сложных обществ в удаленных от Анд областях Бразилии и Гвианы было обусловлено контактами с первичным очагом политогенеза на западе Южной Америки, сказать пока трудно. Однако сам факт возникновения далеких трансконтинентальных контактов сомнений не вызывает, о чем немного ниже.

Повторим еще раз, что основной тренд развития рассматриваемого региона — это усложнение социополитической организации в центре при одновременном расширении внешних границ зоны распространения сложных обществ, и хотя каждое общество развивалось самостоятельно, за их мозаикой просматривается охватывающий все новые территории комплекс культурных, хозяйственных и идеологических связей. Это заставляет относиться с осторожностью к любым оценкам роли тех или иных причинно-следственных цепочек в сфере политогенеза. Если речь не идет о действительно первичных очагах образования сложных обществ (а таких во всем мире меньше, чем пальцев на руке), сделать обоснованный выбор в пользу приоритета местных факторов развития или же влияния центров на периферию практически невозможно.

Идеологическая и экономическая составляющие этого процесса неразделимы. Удаленные общества обменивались не продуктами, связанными со сферой жизнеобеспечения, а изделиями и сырьем, которые использовались в ритуалах. В Южной и Центральной Америке это были морские раковины, наркотические вещества, перья тропических птиц и т.п. Даже обсидиан как ценное сырье для изготовления режущих орудий мог иметь более символическое, чем практическое значение, и его использование вряд ли приводило к существенному росту производительности труда. Стремление элиты повысить свой статус благодаря доступу к престижным предметам и материалам и контролю над ритуалами, в которых эти предметы использовались, — вот что являлось движущей силой интенсификации производства, а значит, демографического роста и формирования все более сложных систем управления [Салинз 1999].

Рассматриваемый регион в пределах Южной и Центральной Америки представляет собой общность самого высокого порядка, в пределах которой контакты между удаленными территориями могли быть лишь опосредованными. Ареально более ограниченные и интенсивные сети обмена информацией и престижными ценно-

стями, возникавшие в отдельных областях Нуклеарной Америки, принято называть сферами взаимодействия (*interaction spheres*). Их образование всегда свидетельствует о появлении в пределах определенных территорий каких-то элитарных групп, стремящихся обеспечить свои властные позиции, контролируя распределение экзотических престижных продуктов и эзотерического знания [Hayden, Schulting 1997; Helms 1987]. Такие сети взаимодействия представлены как в андской зоне, так и в Центральной Америке. Об их существовании свидетельствует, в частности, распространение сходных изделий из золота и ценных пород камня, которое хорошо прослеживается в Центральной Америке и Колумбии [Hoopes 2004; 2005; 2011], но иногда захватывает также Эквадор и север Перу [Plazas 2007]. Образование гигантских по размеру государств, сначала Уари, а затем империи Инков, можно рассматривать не только с военно-политической точки зрения, но и как процесс предельной интенсификации идеологических связей между элитарными группами соответствующих ареалов.

Процесс политогенеза не развивался равномерно. Случались резкие срывы с возвращением от сложных политических структур к более простым. Объяснять это одними лишь природно-климатическими флуктуациями или военными конфликтами невозможно. В ряде случаев данных о таких флуктуациях и конфликтах попросту нет. Кроме того, внешние факторы, если речь не идет о природных катастрофах, после которых численность населения радикально снижается, могли быть лишь конечной причиной распада общественных связей. Сам же механизм дезинтеграции обязательно предполагает кризис идеологии, в результате которого коллективы нижнего уровня утрачивают мотивацию передавать центру право принятия решений.

Так случилось в северных и центральных районах Перу в третьей четверти I тыс. до н.э., а еще более масштабный процесс подобного рода имел место в конце I — начале II тыс. н.э. в пределах большей части андского пояса Южной Америки. Распад ряда сложных политических структур нашел отражение в изменениях иконографии в пределах всего региона от Боливии до Колумбии. Поскольку появление канонических художественных стилей и деятельность соответствующих мастеров-профессионалов связаны с контролем определенных групп элиты над идеологической сферой, смена стилей указывает на смену элит.

Ослабление внутрорегиональных связей в пределах обществ андского пояса Южной Америки сопровождалось усилением связей с областями к востоку от Анд. Кратко я уже об этом писал [Березкин 2007: 119–120]. Если иметь в виду формы керамики и иконографию, то восточная граница андской зоны в конце I тыс. н.э. и позже выглядит более размытой, чем ранее.

Вот несколько примеров.

Как было сказано, в горной Колумбии во второй половине I тыс. н.э. культуру сан-агустин с ее яркими перуанскими и центральноамериканскими иконографическими аналогиями [Lothrop 1937: 125–127, fig. 97; Olsen Bruhns 1982; Velandia 1994; 1999: 212] сменяет культура тьеррадентро. Подземные склепы тьеррадентро раскрашены геометрическими узорами, для которых нет точных аналогий в более ранних культурах андского пояса. Зато параллели нетрудно обнаружить в этнографических коллекциях из северо-западной Амазонии и среди полевых материалов по современным индейцам этого ареала. Орнамент на рубашке-кушме из лубяной материи, хранящейся в МАЭ РАН и привезенной из Бразилии в середине XVIII в., почти идентичен геометрическим изображениям тьеррадентро (рис. 80). Использование повторяющихся геометрических элементов для создания композиций, осмысляемых информантами как иллюстрации к космологическим и мифологическим образам и эпизодам, но совершенно непонятных для непосвященного зрителя, зафиксировал во время своей работы с индейцами бассейна р. Ваупес в колумбийской Амазонии Г. Рейхель-Долматов [Reichel-Dolmatoff 1978].

На севере побережья Перу после гибели Пампа-Гранде возникает культура ламбаейеке, или сикан. Характерные для нее керамические и золотые сосуды имеют круглое тулово на поддоне и высокое горлышко-раструб либо два таких горлышка, соединенных ручкой-мостиком. Горлышки и ручка-мостик типичны для более ранних перуанских культур, появляясь впервые на юге побережья в паракас, но поддон необычен. Еще необычнее некоторые особенности иконографии персонажа, чья голова увенчивает сосуд и помещена либо под центральным горлышком, либо на мостике между горлышками. И уже совсем не характерны для других перуанских традиций лепные изображения как бы лежащих или плывущих персонажей на тулове сосуда и фигурки обезьянок на ручке (рис. 81.1, 2). Все эти элементы мы неожиданно находим на сосудах культуры

Рис. 80.

Вверху: внутренняя поверхность одного из склепов в Тьеррадентро, раскрашенная геометрическими узорами, по [Fernández 2011, fig. 7].

Внизу: орнамент на рубашке-кушме из северо-западной Амазонии (колл. МАЭ, № 765-46)

сантарем низовьев Тапажоса, т.е. в 2750 км восточнее Ламбайеке (рис. 81.3). Сантарем датируется временем 1000–1500 н.э. [Eriksen 2011: 109]. Истоки культуры могут уходить в I тыс. н.э., но керамика с богатым декором появляется поздно — в начале XIV — середине XV вв. н.э. [Roosevelt 1999: 23]. В Амазонии сосуды стиля сантарем

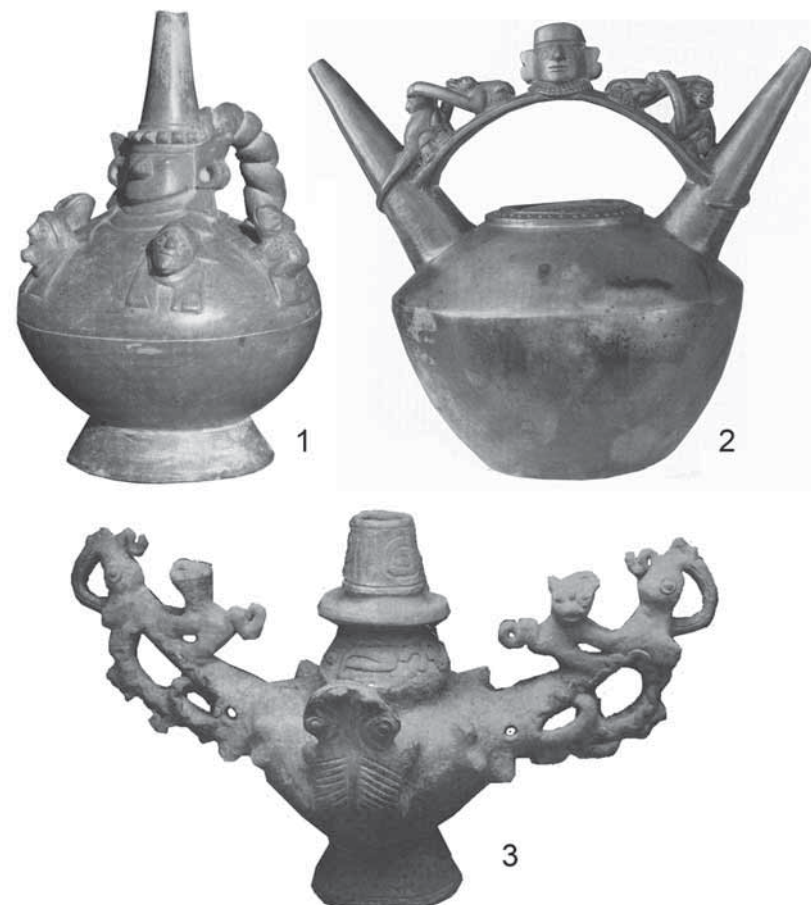

Рис. 81. Амазонские параллели в культуре ламбайеке.

Вверху: сосуды культуры ламбайеке эпохи расцвета, 900–1050 н.э., по [Cordy-Collins 2001, fig. 11; Zevallos Quiñones 1989: 47].

Внизу: сосуд культуры сантарем, устье Тапажоса, по [Roosevelt 1999, fig. 2]

распространяются столь же неожиданно, как и сосуды ламбайеке на побережье Перу. Никакой миграции из Амазонии в конце I тыс. н.э. не было, а прямое влияние перуанского побережья на Амазонию также маловероятно. В сложении как ламбайеке, так и сантарема, скорее всего, участвовал какой-то третий компонент — пока не выявленный культурный центр, возможно, располагавшийся в Эквадоре и связанный как с Андами, так и с Амазонией.

Еще один пример связей перуанских культур с культурами к востоку от Центральных Анд — появление нового типа керамики, ставшего основным для культуры инков. Речь идет о так называемом арибалле. Сосуды соответствующего типа имеют круглое или приостренное дно, округлое тулово, отогнутый венчик и ручки-ушки по сторонам (рис. 82). Считается, что их прототипы впервые появляются около рубежа нашей эры в верховьях Уальяги (культура котош-игерас), менее близкие параллели есть на сосудах конца I тыс. до н.э. из разных долин побережья Перу [Isbell 1974; Lathrap 1970, fig. 14]. Однако в основном такие сосуды распространяются в прединкское и инкское время по восточным окраинам Анд. У. Исбель связывал эту керамику с носителями языка кечуа, но параллели в Восточной Боливии, северо-западной Аргентине и на севере Чили заставляют отказаться от жесткой корреляции материальной культуры и языка. Какие бы обстоятельства ни стояли за распространением данного типа керамики, ясно, что в последние столетия до прихода испанцев он был представлен как в Центральных Андах, так и восточнее, вплоть до Парагвая, и что его появление ознаменовало разрыв с традициями центрально- и южноандских культур начала и середины I тыс. н.э., таких как мочика, рекуай, наска, уари, тиауанако, агуада и др.

К данному керамическому типу близки погребальные урны культуры санта-мария в северо-западной Аргентине. Они происходят из одноименной долины, расположенной в 100 км к западу от равнин Чако, и датируются прединкским временем. Дно подобных сосудов делалось не круглым, а плоским, однако наличием ушек и общим контуром сосуды санта-мария напоминают инкские арибаллы (рис. 82.7, 8). Сосуды более раннего времени (до 1000 н.э.) имеют круглое дно и сделаны грубее [Scattolin 2006], но классические урны санта-мария развились именно из них. Очень похоже, что ранняя область распространения подобной керамической формы

Рис. 82. Некоторые формы керамики и орнаменты в культурах Перу, Боливии, Аргентины и Парагвая.

1) Сосуды стиля котош-игерас, около рубежа нашей эры, верховья Уальяги, по [Isbell 1974, fig. 2].

- 2) Сосуд парагвайских индейцев тоба, конец XIX — начало XX в. (колл. МАЭ, № 1372-73).
- 3) Сосуд индейцев кадувео, граница Парагвая и Бразилии, начало XX в. (колл. МАЭ, № 3441-177).
- 4, 5) Провинциальные инкские арибаллы с побережья Перу (колл. МАЭ, № 845-344 (левый) и 845-345).
- 6) Сосуд из Тарапака, север Чили, вероятно, XIII–XV вв. н.э., по [Dockstader 1967, pl. 188].
- 7) Погребальная урна (с крышкой) культуры санта-мария в северо-западной Аргентине, XIII — начало XV вв., по [Weber 1981, fig. 6].
- 8) Прототип урны санта-мария, ранее 1200 н.э., по [Scattolin 2006, fig. 4s].
- 9, 10) Орнаменты на лице и ладони женщин кадувео в начале XX в. (рис. Ф.А. Фиельструпа, колл. МАЭ)

была весьма протяженной, поскольку ее независимое развитие на севере Перу (котош-игерас) и в северо-западной Аргентине не кажется вероятным. Сама практика вторичных захоронений в накрытых крышкой керамических урнах для Анд не характерна, но была широко представлена в Амазонии.

Урны санта-мария изображают женскую фигуру с разрисованным лицом, причем рисунки эти довольно похожи на те, которые наносят на ладони и лица женщины кадувео (рис. 82.9, 10) [Velandia 2005: 74–75]. Индейцы кадувео живут близ восточной окраины парагвайского Чако, в их орнаментальном стиле прослеживается целый ряд аналогий с искусством Анд и прилегающих к Андам областей Амазонии [Lathrap 1970: 142]. Некоторые формы сосудов кадувео, как и их языковых родственников тоба, напоминают инкский арибалл (ср. рис. 82.2 и 82.4, 5).

Одновременно с распространением к востоку и западу от Анд сходных форм керамики и элементов иконографии стиль андского изобразительного искусства меняется. Оно утрачивает натурализм и ряд особенностей, сохранявшихся еще с III тыс. до н.э., становясь «наивистским». Фигуры подчеркнута схематичны и на первый взгляд напоминают детское творчество (рис. 83, 84). Что касается содержания сцен, то изображения воинов с головами-трофеями в руках становятся еще популярнее, чем прежде, появляясь также и в пределах бывшей территории культуры мочика. В мочикском искусстве, как уже говорилось, отрезанные головы изображались только в руках персонажей с выраженными мифическими признаками, но не в руках людей-воинов.

Рис. 83.

Вверху: часть изображения на крашеной ткани культуры касма, конец I тыс. н.э., по [Willey 1974, Abb. 52].

Внизу: часть росписи на сосуде мочика, IV–VI вв. н.э., по [Donnan, McLelland 1999, fig. 4–19]. При сохранении некоторых прежних мотивов стилистически изображения касма выглядят гораздо примитивнее своих прототипов

Рис. 84.

Вверху: изображения воинов на сосуде мочика, IV–VI вв. н.э., по [Kutscher 1983, Abb. 102].

Внизу: изображения воинов на стене храмового комплекса Чорнанкап, долина Ламбаейеке, VIII–IX вв. н.э., по [Bonavía 1985, pl. 27, 28]

На юге Колумбии в верховьях Магдалены в конце I тыс. н.э. происходит аналогичный процесс. Каменную скульптуру сан-агустин с ее хорошо проработанными антропо- и зооморфными элементами сменяют изображения тьеррадентро, в которых биоморфные фигуры редки и в высшей степени схематичны (рис. 85).

Сравнение с детским творчеством не надо понимать буквально. Изображения, создававшиеся в Центральных Андах в эпоху после распада уари, не менее каноничны, чем характерные для культур середины I тыс. н.э., однако резко меняется сам канон. В Перу прежнюю традицию в какой-то мере сохранила только культура чиму, соответствующая государству Чимор. Здесь мастера иногда копировали образцы искусства мочика, но эти копии тоже выглядят примитивнее оригиналов.

Рис. 85.

Слева: антропоморфное изображение в одной из подземных камер культуры тьеррадентро, конец I — начало II тыс. н.э., по [Fernández 2011, fig. 14]. Справа: голова антропоморфной статуи, обнаруженной в склепе культуры сан-агустин, первая половина — середина I тыс. н.э., по [Cubillos 1986, lam. 10]; см. также [Velandia 1994, lam. 31]

Отдельные среднemasштабные общества и близкие им первичные государства не только входили в трансконтинентальную систему связей и ареальные сети взаимодействий. На местном уровне они возникали в виде кластеров, групп, в составе которых были как более, так и менее крупные и сложные политии [Renfrew 1986: 7–8; Tochiyara 2002: 118–119]. Материалы исторического времени (в частности, по культурам мусков, тайрона, сину, мантеньо, милагро-кеведо) показывают, что каждому подобному кластеру соответствовала определенная культурная и часто этноязыковая общность. Речь идет о конфедерациях вождеств или других политий. «Конфедерация» в данном случае предполагает не наличие договорных отношений между ее членами, а всего лишь большую интенсивность связей членов подобной системы друг с другом, чем с обществами за ее пределами [Earle 2011: 31–32; Gibson 2011]. Внутри конфедерации отдельные политии борются за первенство, и лидеры часто меняются [Spencer et al. 1999]. Однако конфедерации в целом устойчивы, длительность их существования измеряется столетиями. Так, возникшие в середине I тыс. н.э. сложные общества в льяносах

западной Венесуэлы и центральной Панама просуществовали, по-видимому, до испанской конквисты [Мауо 2006], хотя каждый из крупных центров вряд ли удерживал позиции дольше двух веков. Уникальное по масштабам сообщество храмовых центров северного и центрального Перу сохраняло свою культурную идентичность на протяжении более двух тысяч лет.

В наш обзор были включены весьма разные общества — как по характеру оставленных материальных свидетельств, так и по величине. Очень условно их можно разделить на две категории. В первую входят рядовые общества численностью от многих сотен до нескольких тысяч человек, во вторую — лидеры, занимающие ведущее положение в своем ареале и имеющие численность порядка трех, пяти или даже десяти тысяч человек. К этой второй категории можно отнести Касму со столицей в Пампа-де-лас-Льямас — Мохеке, Чавин-де-Уантар, Гальинасо, Пукару и Кауачи. Еще одна полития, соответствующая культуре лима, как уже говорилось, скорее всего, достигла уровня государства, но слабо изучена. Из перечисленных шести политий Гальинасо и Пукара потенциально могли бы стать лидерами и достичь уровня организации, который мы несколько условно называем государственным, однако оба проиграли своим конкурентам — Мочике с центром в Уакас-де-Моче и Тиуанако. Кауачи такие шансы вряд ли имел из-за ограниченного демографического потенциала долины Наска. Касма, согласно мнению супругов Позорски, потерпела поражение в войне с Лас-Альдас, который затем вместе с другими прибрежными центрами был, вероятно, оставлен из-за природной катастрофы, хотя, как уже говорилось, эта реконструкция весьма ненадежна. Что же касается Чавина, то он, похоже, столкнулся прежде всего с внутренними проблемами. О некоторых центрах политогенеза известно пока слишком мало, чтобы оценить достигнутый ими уровень надобщинной интеграции и тем более понять причины исчезновения. Таковы гигантские U-образные комплексы культуры манчан к северу от Лимы в первой половине II тыс. до н.э. и Санта-Роса (центр культуры топара) в Чинче во второй половине I тыс. до н.э.

Государственный уровень политических образований с центрами в Тиуанако и Уари никем не оспаривается. Для Мочки со столицей в Уакас-де-Моче сомнения высказываются, но в отношении государства со столицей в Пампа-Гранде их практически нет. При этом Пампа-Гранде и Уари, существовавшие одновременно

и наверняка находившиеся в пределах одной информационной сети, представляют собой разномасштабные образования. Пампа-Гранде была мастерской или «фабрикой» для сооружения гигантской сырцово-глиняной платформы и обслуживания элиты, занятой совершением ритуалов. Эта полития контролировала ресурсы одной, максимум двух-трех долин с населением порядка 100 тыс. чел. Элита Уари прямо или косвенно контролировала большую часть территории Центральных Анд с населением, превышавшим — возможно, намного — миллион человек, но от строительства монументальных платформ отказалась, создав совершенно новый тип общественно-культурных сооружений вроде Пикильякты и Виракочапампы. В обоих государствах, по-видимому, существовали централизованные системы производства и распределения.

Как уже многократно подчеркивалось, распад культуры чавин (сообщества храмовых центров северо-центрального Перу на последнем этапе его существования) и, весьма вероятно, также кризис Уари и, может быть, некоторых вожеств Эквадора и Колумбии, соответствующих культурам толита, йотоко и сан-агустин, произошел вследствие кризиса идеологии. Какими факторами были вызваны сами кризисы, вопрос спорный. В результате произошла смена одних археологических культур другими. В разных районах мира радикальная культурная трансформация могла происходить также и в результате миграционных процессов. Однако в отношении оседлых земледельцев, занимающих территории с естественно ограниченными рубежами, гипотезы массовых переселений требуют очень убедительных обоснований, чтобы быть принятыми.

В Центральных Андах главными археологическими признаками сложных обществ являются монументальная архитектура и сокровища в погребениях. Сооружения общественно-культурного назначения появляются как минимум на полтора тысячелетия раньше сокровищ. Причиной может являться как объективная бедность культурных проявлений, когда ни обработка металлов, ни производство технологически совершенной керамики или тканей еще не известны, так и отсутствие сформировавшейся элиты, которая резко противопоставила бы себя большинству населения. В Северных Андах и Центральной Америке до появления подобной элиты свидетельств значительных общественных работ нет. Поэтому кажется вероятным, что местные общества заимствовали из Центральных Анд не только навыки металлургии меди и золота, но и те элементы

идеологии, которые санкционировали социальное неравенство. Идеология же эта формировалась в центральноандском очаге политогенеза по мере появления групп людей, ответственных за организацию масштабных общественных работ.

В Колумбии и Центральной Америке наиболее ярким признаком существования сложных обществ являются сокровища в погребениях. В основном это золото, и лишь в Коста-Рике в период до распространения металлургии, т.е. ранее VI в. до н.э., в качестве престижных предметов в основном фигурировали изделия из полудрагоценных камней типа жадеита [Snarskis 2003]. Большинство найденных в Коста-Рике предметов майя датируется временем от 200 до 600 н.э. [Hoopes 2005: 20], после чего импорт из Мезоамерики резко сокращается. Переход к золоту отражает в данном случае переориентацию дальнего обмена с Мезоамерики на Панаму и Колумбию. Судя по назначению предметов, встречающихся в богатых захоронениях как андской области, так и юго-востока Центральной Америки, элита, скорее всего, контролировала прежде всего тайное знание и престижное потребление. В погребальном инвентаре представлены не просто дорогостоящие вещи. Здесь господствуют предметы с изображениями, имеющими отношение к религиозно-мифологическим представлениям, либо явно культовые предметы — емкости для приготовления и использования наркотиков, шаманские погремушки и т.п. (например, [Cardale Schrimppf 2005, fig. III.15, IV.25, 70, 71; Oro de Colombia 2005: 52]). Поскольку предметы такого рода бывают выполнены из золота, соответствующие религиозные специалисты явно принадлежали к высшему социальному слою.

Сооружения общественно-культового назначения не представляют единую категорию памятников. Среди них есть как насыпи и платформы, которые не предназначались специально для захоронений, так и погребальные сооружения. Большинство памятников относится к первой категории, но склепы и камеры сан-агустин и тьеррадендро — ко второй. Судя по археологическим и отчасти этнографическим материалам из юго-западной Бразилии, если специальные храмы отсутствовали, именно долговременные надмогильные объекты использовались как место совершения ритуалов, закреплявших властные функции за определенными лицами [Iriarte et al. 2010]. Для таких ритуалов существенны размеры и внешний вид объектов, а не предметы, положенные с покойными.

Отсюда понятно, почему в культурах верховьев Магдалены, в отличие от сходных с ними в остальных отношениях культур Колумбии и Центральной Америки, отсутствует золото — их создатели его знали, но не клали в могилы. Вероятно, по той же причине, как уже говорилось, предметов из драгоценных металлов почти не дошло от культуры мантеньо, а ее керамика, по сравнению с более ранними культурами побережья Эквадора, довольно груба. Ритуалы мантеньо совершались близ монументальных «тронов» и стел.

Что касается военного фактора [Карнейро 2006; Carneiro 1970; 1987; 2012], то свидетельства военной активности имеются для большинства сложных обществ Андского пояса и юго-востока Центральной Америки. Иногда это положение поселений в местах, удобных для обороны, но чаще — изображения воинов и голов-трофеев, а также находки человеческих останков со следами насильственной смерти. Соответственно среди свидетельств военной активности следует различать те, которые касаются значительных по масштабу военных действий, и те, которые отражают связанные со столкновениями ритуалы. Независимо от масштабов военных действий санкционирование ритуализованного насилия являлось существенной особенностью идеологий, характерных для Центральной и Южной Америки. Фигура воина с головой-трофеем в руках встречается на изображениях как создателей типичных среднемасштабных обществ типа рекуай, толита или кокле, так и государств — Ламбайеке, Касма, Уари, Чимор. Ф. Гуаман-Пома-де-Айяла, знатный потомок индейцев уанка, в XVII в. точно так же изобразил перуанского воина [Guaman Poma de Ayala 1956: 393]. Данные такого рода отсутствуют для периода ранее II тыс. до н.э. Это может быть обусловлено ограниченностью наших источников либо отсутствием в это время материальных богатств, которыми можно было бы завладеть во время набега. Именно стремление к грабежу многими антропологами признается главной причиной военной активности в ранних сложных обществах [Hayden, Villeneuve 2010: 128–129]. Однако этнографические материалы по простым обществам к востоку от Анд такую точку зрения категорически опровергают. Для совершения регулярных набегов было вполне достаточно желания добыть женщин, повысить свой социальный статус, отомстить врагу или же овладеть трофеями, которые использовались в ритуалах и материальной ценности не имели.

От Коста-Рики до Аргентины фигура воина с отрезанной головой в руках представляет собой иконографический штамп, почти наверняка восходящий к общему прототипу. Такого рода изображения надо рассматривать не в качестве «зарисовок с натуры», а как иконический знак, смысл которого был понятен тогдашнему зрителю. В Мезоамерике, на североамериканском Юго-Востоке и Юго-Западе воинов, обезглавливающих врагов, изображали иначе. Однако стоящая за изображениями идеология и в этих случаях вряд ли существенно отличалась от характерной для культур Андского пояса. Очень похоже, что она сформировалась еще до появления первых известных нам признаков сложных обществ.

Для многих обществ андского пояса и Центральной Америки характерно профессиональное фигуративное искусство. В результате распада многоуровневых политических структур оно почти совсем исчезало или утрачивало сюжетное разнообразие и художественное совершенство. Так случилось после оставления перуанских храмовых центров середины I тыс. до н.э., после гибели Уари и Тиауанако, после исчезновения развитых культур юго-западной Колумбии во второй половине I тыс. н.э. Это и естественно, поскольку соответствующая иконография была достоянием не этносов, а определенных групп элиты и использовалась ею в качестве инструмента удержания власти. Нельзя не заметить, что в искусстве мочика, в котором представлены не столько иконические образы, сколько динамичные сюжетные сцены, описывающие узнаваемые ситуации с участием людей, изображения сельскохозяйственных работ совершенно отсутствуют, а господствуют темы, имеющие отношение к деятельности элиты [Sharp 2005: 42]. С исчезновением прежней элиты или смелой идеологии художественная традиция прерывалась.

Сюжетика изображений в доиспанской Америке всегда связана с ритуалами. Если иногда кажется, что речь идет о других видах деятельности, то подобное впечатление обманчиво. Например, многочисленные сцены охоты на оленей с помощью сетей, представленные на мочикских сосудах, находят параллель в древнейшей известной пока в Новом Свете настенной росписи из общественно-культурного комплекса Вентаррон в долине Ламбайеке близ города Чиклайо, относящегося примерно к 2000 до н.э. [Alva Meneses 2008: 103–104; 2013: 61–63; Zick 2011: 42–44]. Там тоже изображена сеть с попавшими в нее оленями. Если бы подобный сюжет не имел отношения к идеологии, он вряд ли бы мог сохраняться на протяжении 2,5 тыс. лет.

В пределах рассмотренного нами региона распад сложных обществ никогда не происходил одновременно во всех ареалах. Кризис северного Перу во второй половине I тыс. до н.э. сопровождался подъемом южных обществ (топара и культуры Боливийского плоскогорья), а распад Уари и Тиауанако не привел к исчезновению традиции государственности на севере перуанского побережья. Именно поэтому определенные иконографические клише передавались не просто от культуры к культуре, но от одной крупной исторической совокупности культур к другой. К числу подобных клише, характерных для центральноандского региона, а отчасти и для более северных территорий вплоть по крайней мере до Панамы, можно отнести показанную анфас фигуру антропоморфного персонажа с жезлами в руках (рис. 4, 47) и личину монстра (как на рис. 17.1, 2, 6, 8 и на рис. 35 нижн. слева). Значение подобных образов, несомненно, могло меняться, но все же преемственность иконографии свидетельствует и об определенной преемственности идеологии в региональных масштабах.

От первых сооружений из глины и камня до эпохи инков в Центральных Андах сохраняются некоторые особенности планировки общественно-храмовых комплексов. Поскольку даже самые ранние известные образцы в Касме и Норте-Чико представляют собой сложные сооружения, отвечающие определенному канону, данная традиция должна уходить в более отдаленную эпоху. Появление цивилизации в Центральных Андах было обусловлено развитием земледелия, скотоводства и морского рыболовства, что обеспечило демографический рост и формирование все более крупных политических организмов вплоть до империй. Однако формы культуры, в том числе политической, могли восходить к гораздо более ранним традициям — вплоть до существовавших в культурах Восточной Азии в эпоху верхнего палеолита. К этой теме мы еще вернемся.

Что касается преемственности между отдельными доиспанскими культурами Центральных Анд, то выявляется следующая картина.

На Северном побережье Перу от появления первых сложных обществ в начале III тыс. до н.э. до инкского завоевания то одна, то другая долина-оазис занимала лидирующее положение в своем регионе, после чего попадала в полосу кризиса, а на роль лидеров выходили другие. Прежние лидеры лишь в редких случаях вновь добивались гегемонии. По сути дела, это удалось лишь долине Моче,

где расположен современный город Трухильо и где во второй половине II тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. располагался комплекс Кабальо-Муэрто (рис. 7, 8). В Моче хорошо прослежен процесс политической централизации с конца III тыс. до н.э. до конца II тыс. до н.э., по крайней мере рост размеров монументальных сооружений [Billman 2006]. В соседних с Моче долинах Виру и Чикама общественно-культурные сооружения в этот период почти не строятся, хотя Чикама превосходит Моче размерами и лучше обводнена. Центр в Моче вряд ли осуществлял над соседями прямой контроль, но все же каким-то образом препятствовал появлению там конкурирующих политий. После кризиса второй половины I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. долина Моче снова вырвалась вперед и здесь возникло первое политическое образование Южной Америки, обладающее признаками государства (культура мочика). Пережив еще один кризис в конце I тыс. н.э., Моче стала центром Чимор — крупнейшего для своего времени политического объединения в регионе, для которого статус государства невозможно оспаривать. Сыграли во всем этом роль какие-то объективно существующие стратегические преимущества именно данной долины или же основное значение имели уверенность местной элиты в своем высоком сакральном статусе и апелляция к тысячелетней традиции, сказать трудно. Помимо Моче, пусть не три, но хотя бы два периода подъема пережила еще лишь долина Северного побережья — Касма. В первый раз это случилось в середине II тыс. до н.э., во второй — в конце I тыс. н.э. В отличие от Моче, никакой идеологической преемственности между этими эпизодами быть не могло.

Перемещение центров политической интеграции из одной долины в другую характерно и для районов к югу от Лимы. Во второй половине I тыс. до н.э. самый крупный центр находился в Чинче (Санта-Роса), а в первых веках нашей эры — в Наске (Кауачи). Не исключено, что в V–VII вв. н.э. важный центр располагался в одной из прибрежных долин крайнего юга Перу, если именно этот район действительно был местом формирования нового художественного стиля, характерного для поздней наски. Чинча же снова стала играть важную роль в политической и экономической жизни Центральных Анд лишь в прединкское и инкское время.

На Боливийском плоскогорье существовал неустойчивый баланс между политическими образованиями, находившимися к югу и северу от озера Титикака. На протяжении более двух тысяч лет он

смещался то в одну, то в другую сторону: от Чирипы к Пукаре, от Пукары к Тиауанако, а в прединкское время — снова к территориям на северном и западном берегах озера, где существовали крупные вождества Лупака и Коля.

В прибрежных оазисах места расположения крупных поселений и монументальных центров подчинялись альтернативе: ближе к устью рек, где располагались основные массивы орошаемых земель и были доступны морские ресурсы, или же у выхода рек на прибрежную равнину, где располагались головные сооружения оросительных каналов. В остальном же перемещения центров политической интеграции можно объяснить тем, что их возвышение и упадок определялись не столько объективными экономическими обстоятельствами, сколько причинами исторически случайными — ролью отдельных лидеров и популярностью тех или иных местных культов. Рассматривая Центральные Анды в целом, здесь можно выделить две области, обладающие наибольшими природными и соответственно демографическими ресурсами. С одной стороны, это долины северного и отчасти центрального побережья, где расположены самые обширные и хорошо обводненные оазисы. С другой — Боливийское плоскогорье, где оптимальны условия для выращивания картофеля и разведения лам и альпак. Эти два ареала сохраняли свою идентичность на протяжении тысячелетий (рис. 86). Если иметь в виду каменную индустрию, то различия между двумя традициями прослеживаются еще с палеоиндейской эпохи, и лишь во времена уари и особенно после инкского завоевания юго-восточная традиция стала поглощать северо-западную. При этом оба центра, Уари и Куско, достигшие господства на региональном уровне, находились к началу своего возвышения на периферии более развитых областей, а хозяйственный потенциал соответствующих долин, Аякучо и Куско, был относительно невелик.

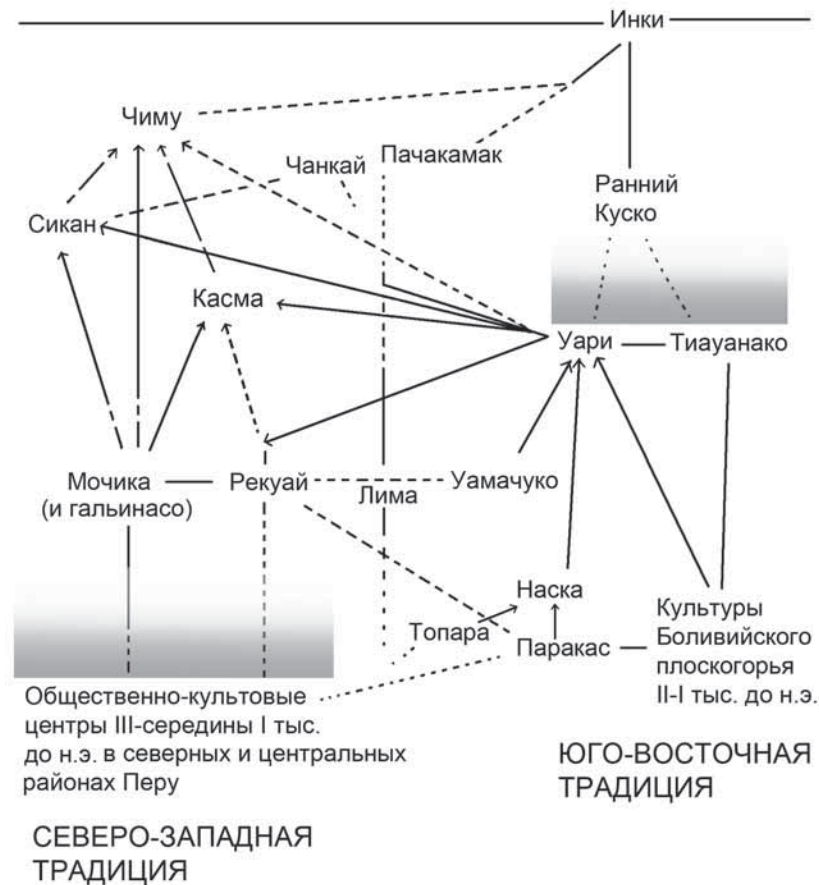

Рис. 86. Схема преемственности культурной и социополитической традиции в Центральных Андах от появления первых среднemasштабных обществ до империи Инков. Размытием показаны периоды политической дезинтеграции и обрыва элитарной культурной традиции

Глава 9 БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Обратимся, наконец, к Ближнему Востоку, точнее к Передней и отчасти Малой Азии (рис. 87). Рассмотрим богатейшие иранские и южнотуркменские материалы в пределах этой небольшой книги невозможно.

Исследование Невали-Чори, Жерф-эль-Ахмара и других памятников культурной общности Верхнего Евфрата эпохи докерамического неолита А (PPNA) — начала Б (PPNB) изменило представление о прошлом региона. Гёбекли-тепе, являющийся наибольшим по площади (примерно 15 га) и одним из самых ранних центров, был основан в середине X тыс. до н.э. Указание на более точный возраст — 9600 до н.э. [Корниенко 2011: 81] — означает лишь, что речь идет о второй, а не о первой половине PPNA, который в целом сейчас датируется 11 200–8800 до н.э. [Watkins 2010: 621–622].

Рис. 87. Упоминаемые в тексте памятники Передней Азии X–IV тыс. до н.э.

Самые крупные сооружения Гёбекли относятся к его нижнему горизонту (рис. 88). Ритуальный центр был построен на каменистом холме далеко от воды. Строения представляют собой круглые в плане помещения поперечником от 10 до 30 м, углубленные на 3 м ниже поверхности. Стены выложены камнем, вдоль стен устроена скамья. В отличие от Жерф-эль-Ахмара, где подобные сооружения были впущены в естественный грунт, а их крыша опиралась на деревянные столбы [Stordeur 2000; Stordeur et al. 2001], в Гёбекли столбы представляли собой прямоугольные в сечении Т-образные стелы из известняка, а «культурный слой» вокруг зданий был, насколько можно понять, насыпан искусственно на известняковую поверхность холма [Neef 2003: 13–14; Watkins 2010: 626]. Перекрытий помещения, скорее всего, не имели. Транспортировка и обработка более 200 стел высотой от 3 до 5 м [Schmidt 2003: 5] должны были быть исключительно трудоемкими. Самая большая стела весом 50 т так и осталась в карьере [Schmidt 2001: 48, рис. 101], но и вес рядовых стел из нижнего слоя превосходил 20 т. Многие покрыты рельефными изображениями. Уникальная фигура леопарда выполнена в высоком рельефе. Найдена также двухметровая скульптура в виде различных существ, как бы поставленных друг на друга. Она напоминает тотемные столбы индейцев Британской Колумбии и юго-восточной Аляски, но сделана из камня и весит примерно полтонны [Köksal-Schmidt, Schmidt 2010].

Гёбекли и близкие ему памятники отличаются от поселений PPNB Леванта как минимум в двух отношениях.

Во-первых, здесь не найдено остатков культурных растений [Neef 2003]. Это не значит, что образом жизни создатели монументального центра напоминали бушменов, но и земледельцами их назвать еще нельзя. На PPNB приходится переходный период от собирательства к земледелию. Выращивание растений носит в это время опытный и во многом случайный характер, свойственные культурным видам мутации в генах не закрепились, земледелие и собирательство не были вполне отделены друг от друга [Miller 1996; Weiss et al. 2006].

Во-вторых, изобразительное искусство Гёбекли-тепе как стилистически, так и тематически отличается от более позднего искусства переднеазиатского региона. Среди изображенных животных есть млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся и членистоногие. Зато изображения женщины и быка, господствующие в Восточном Средиземноморье на протяжении 8 тыс. лет от PPNB до эпохи рас-

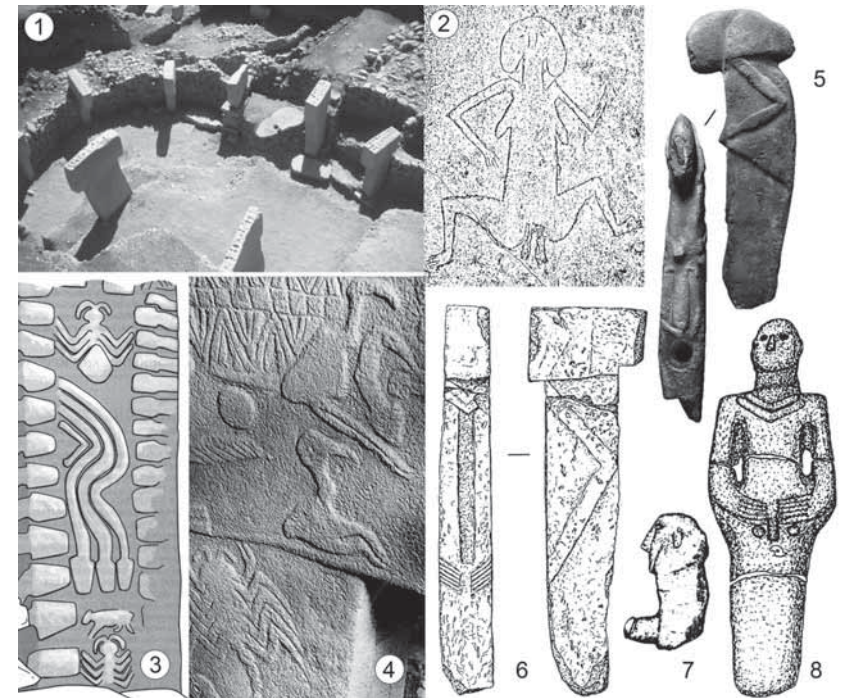

Рис. 88. Гёбекли-тепе и близкие по стилю случайные находки каменной скульптуры. 1 — по [Шмидт 2011, рис. 80], 2 — по [Корниенко 2002, рис. 8], 3 — по [Verhoeven 2013a, fig. 9.2], 6 — по [Hodder, Meskel 2011, fig. 4], остальные — по [Корниенко 2011, рис. 6, 7].

1) Нижний слой Гёбекли-тепе, вторая половина X тыс. до н.э., помещение со стелами. 2) Рисунок женщины на плите из верхнего слоя. 3) Прорисовка части рельефа с изображением змей и пауков на стеле из нижнего слоя Гёбекли-тепе. 4) Часть рельефа на стеле нижнего слоя с изображением скорпиона и других существ. 5) Стела, найденная близ городка Килисик, высота — 80 см. 6) Типичная стела из нижнего слоя Гёбекли-тепе в виде схематичной антропоморфной фигуры. 7) Итифаллическая протома из Гёбекли-тепе, высота — 40,5 см. 8) Статуя из города Шанлыурфы, высота — 193 см

пространения авраамических религий [Cauvin 1994], редки и друг с другом не связаны. Сидящая женщина из Гёбекли больше напоминает образцы африканского или австралийского, чем переднеазиатского искусства, причем плита с этим изображением происхо-

дит из верхнего слоя памятника [Корниенко 2002, рис. 8; Шмидт 2011, рис. 104]. Т-образные стелы представляют собой стилизованные антропоморфные фигуры, также более уместные в мужском доме папуа с реки Сепик, чем на Ближнем Востоке [Шмидт 2011: 114–116; Watkins 2010: 613]. На изваяниях из нижнего слоя Гёбекли-тепе, равно как и на ряде статуй, случайно найденных в этом районе Турции, мужские фигуры изображены с выраженными признаками пола (углубление на месте гениталий у статуи на рис. 88.5, скорее всего, было предназначено для деревянного фаллоса). В более позднем переднеазиатском искусстве мужские изображения с выраженными признаками пола встречаются редко. Отмеченные Я. Ходдером различия в «гендерной составляющей» идеологии создателей Гёбекли-тепе и последующих переднеазиатских культур никаких сомнений не вызывают [Hodder, Meskel 2010; 2011].

Гёбекли-тепе был центром охотников и специализированных собирателей, приходивших туда для совершения ритуалов. Размер территории обитания этих групп пока трудно точно определить, но очень похоже, что влияние Гёбекли-тепе простиралось не на десятки, а на сотни километров. Обстоятельства основания Гёбекли-тепе еще предстоит выяснить, но вряд ли эта культура восходит к натифийской культуре Леванта. В 150 км восточнее Гёбекли-тепе, в верховьях Тигра, обнаружены доземледельческие оседлые поселения X тыс. до н.э. Верхний слой одного из них, Хасанкейф-хеюк, видимо, синхронен нижнему горизонту Гёбекли-тепе, нижние слои пока не изучены [Miyake et al. 2012]. Другой памятник, Кёртик-тепе, также многослойный, датируется концом XI — началом X тыс. до н.э. и, по-видимому, возник ранее появления в Гёбекли-тепе первых сооружений, по крайней мере известных на сегодняшний день [Coşkun et al. 2010; Özkaça 2009]. Обитатели верховьев Тигра занимались охотой, рыбной ловлей и собирательством, но жили оседло в круглоплановых углубленных в землю домах со стенами из булыжников. На Кёртик-тепе поражает обилие предметов с изображениями как геометрическими, так и фигуративными. Они встречаются на каменных сосудах, костяных подвесках и подобных небольших изделиях. Ранее похожие предметы были обнаружены еще на одном поселении оседлых охотников-собирателей конца XI — начала X тыс. до н.э. в верховьях Тигра, Халлан-Чеми, однако лишь во фрагментах [Корниенко 2006: 25–32, рис. 5, 6]. По стилю эти изображения достаточно похожи на характерные для монументального ис-

кусства Гёбекли-тепе. Вполне вероятно, что именно обитатели если не конкретно этих, то других подобных поселений и были людьми, создавшими первое в истории человечества сложное общество. И то, что это произошло в рамках присваивающего, а не производящего хозяйства, заставляет существенно пересмотреть наши взгляды на процесс сложения цивилизации.

Кёртик-тепе, Халлан-Чеми и Хасанкейф-хеюк — небольшие поселки. Хотя бы отдаленно сопоставимых с Гёбекли-тепе по размеру памятников, синхронных его раннему слою, не найдено. В 50 км восточнее Гёбекли находится Карахан, где при осмотре поверхности выявлены верхи 266 стел [Byrd 2005: 267]. Однако Карахан занимает втрое меньшую площадь и, по-видимому, синхронен только верхнему слою Гёбекли-тепе [Çelik 2011: 241, 246]. От других памятников той же культуры, не считая, может быть, Карахана, Гёбекли-тепе отличается отсутствием жилых остатков. Невали-Чори, где были впервые найдены Т-образные стелы, Чаюню-тепеси, Жерф-эль-Ахмар являлись прежде всего поселениями, хотя на них и имелись здания общественно-культурного характера [Корниенко 2002; 2005: 32–66; Schirmer 1990]. Подобные здания X–IX тыс. до н.э., обнаруженные при раскопках Жерф-эль-Ахмара и Мюррейбета, близки характерным для Гёбекли — они тоже круглоплановые и впущены в грунт ниже поверхности (рис. 89). Однако возведение этих построек требовало значительно меньше усилий.

Установка многотонных каменных стел Гёбекли являлась задачей, которая могла быть под силу лишь коллективу из сотен людей. Комплексы часто перестраивались, что свидетельствует о постоянном функционировании подобной системы. Сложность изготовления и каноничность изображений предполагает наличие специалистов. На памятнике найдены каменные наконечники нескольких типов — видимо, здесь собирались жители разных местностей. К сожалению, все наконечники обнаружены в заполнении помещений, а не на полах, так что точная культурная идентификация первых строителей еще не ясна [Schmidt 2001: 51–52].

К. Шмидт предложил объяснение, почему Гёбекли-тепе был оставлен, а связанная с ним культура прекратила существование. Переход к земледелию, а затем и разведению домашних животных (полноценная производящая экономика сформировалась после 8000 г. до н.э.) [Aurenche et al. 2001: 1195] не только изменил формы хозяйства, но и подорвал авторитет той элиты (Шмидт называет ее

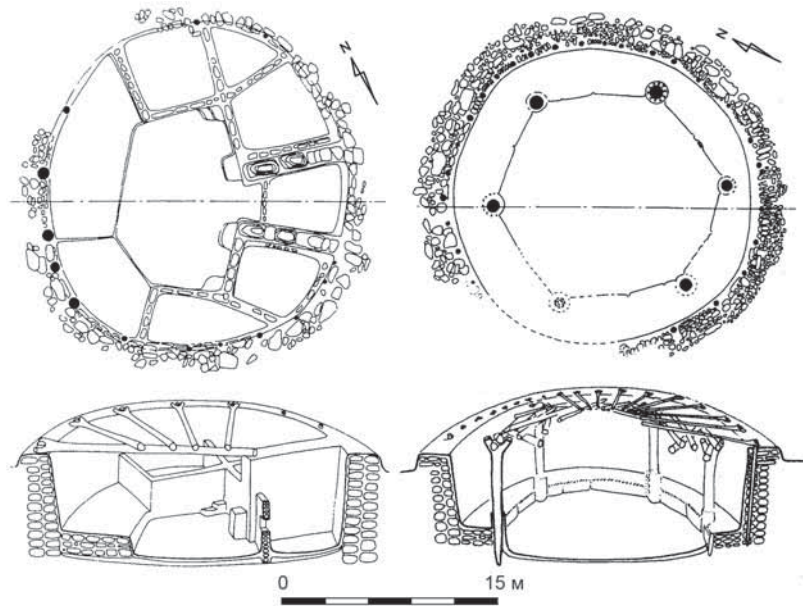

Рис. 89. Планы и реконструкция углубленных в грунт общественных помещений Жерф-эль-Ахмара, вторая половина X — первая половина IX тыс. до н.э., по [Stordeur et al. 2001, fig. 5, 9]

«шаманами»), которая ранее мобилизовала соплеменников на общественные работы [Schmidt 1999: 14]. Показательно, что уже в строениях верхнего слоя Гёбекли-тепе стелы становятся гораздо меньше размером [Корниенко 2011: 84; Schmidt 2001: 49]. Высота тех стел Каракахана, которые пока удалось обследовать и которые синхронны верхнему слою Гёбекли-тепе, также находится в пределах 1–2 м [Çelik 2011: 242].

В эпоху PPNB (9000–6950 до н.э.) [Write, Garrand 2003] культурное первенство переходит от верховьев Евфрата к южному Леванту и затем также к юго-центральной Анатолии. В позднем PPNB (7550–6950 до н.э.) земледельцы и скотоводы южного Леванта собираются в крупные поселения, из которых лучше известен Айн-Газаль на западе Иордании. Учитывая площадь памятника и плотность застройки, здесь могло жить до 3 тыс. человек [Rollefson, Simmons. 1987: 38]. Монументальных построек нет, но найдено маленькое помещение, где на полу были сложены антропоморфные

глиняные статуи [Grissom 2000; Rollefson 1983; 1986; 1989; Rollefson, Simmons 1987: 40]. Материалы ритуального комплекса в Кфар-Ха-Хореш в Галилее позволяют предполагать также существование многопоселенческих объединений. На памятнике, где обнаружены остатки производственной и культовой деятельности, но жилища не найдены, выявлена яма с костями восьми диких быков и совершенным поперек захоронением юноши. Среди забитых животных определенно был молодой бычок, один очень крупный и старый бык, несколько коров. Все кости положены одновременно в определенном порядке. Яму запечатали глиняной обмазкой, а через некоторое время череп юноши извлекли через аккуратно проделанное отверстие. По оценкам, в трапезе, которая, скорее всего, была приурочена к погребальному ритуалу, должны были участвовать 2,5 тыс. человек [Goring-Morris, Kolska Horwitz 2007]. Комплекс датируется началом VIII тыс. до н.э.

В середине IX тыс. до н.э. в Анатолии, неподалеку от одного из важных источников обсидиана, возникает поселение Ашикли-хеюк [Düring 2011: 59–74]. Его площадь меньше, чем у возникших на 500–700 лет позже поселений юга Леванта, однако, учитывая очень высокую плотность застройки, число жителей здесь тоже было значительным — 1,5–2 тыс. человек. Они выращивали злаки и бобовые и, судя по составу стада и времени забоя животных, держали коз и овец, хотя морфологические признаки одомашнивания еще не успели появиться. По культуре (в частности, в отношении каменной индустрии) Ашикли-хеюк отличается от памятников Леванта. Вместе с тем архитектура как этого памятника, так и Айн-Газаль и таких поселений круга Гёбекли-тепе, как Жерф-эль-Ахмар и Чаюню-тепеси, позволяет предполагать в целом сходное устройство соответствующих обществ. На всех подобных поселениях наряду с жилыми домами найдены общественно-культовые строения, отличающиеся от остальных размерами, обликом и особенностями интерьера, но в то же время не требовавшие для своего возведения экстраординарных усилий всей общины. Подобные постройки не являлись центральными храмами, а предназначались для жителей небольшого квартала, возможно, связанных друг с другом родством. В частности здание особого назначения, раскопанное на Ашикли-хеюке (рис. 90), оказалось на порядок больше других и имело двор, где могли поместиться более 300 человек [Düring 2011: 71–72].

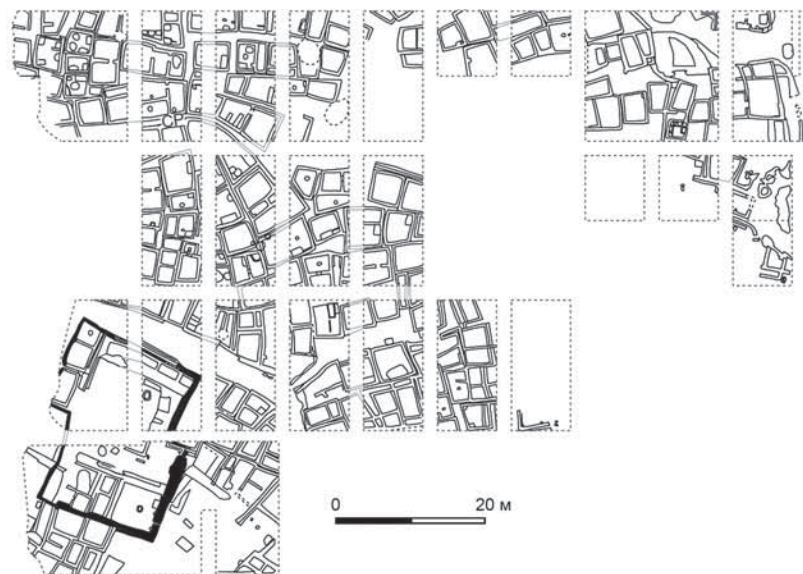

Рис. 90. Часть поселения Ашикли-хеюк, 7400–7100 до н.э., по [Düring 2011, fig. 4.3]. Заливкой выделены стены общественного здания с необычным круглым очагом и обширным двором

Примерно в то время, когда жители оставили Ашикли-хеюк и разошлись по появившимся вокруг мелким деревушкам, в 200 км западнее возникло еще более крупное поселение — Чатал-хеюк. Оно было основано в период между 7400 и 7000 до н.э. и покинуто между 6200 и 6000 до н.э. [Arbuckle, Makarewicz 2009; Düring 2011: 91–92; Russell, Düring 2006]. Его размеры (около 14 га) — примерно такие же, как и у Айн-Газала, но застроено оно было так же плотно, как Ашикли-хеюк. Учитывая этот факт, оценки числа жителей, сделанные на основе этнографических параллелей [Aurench 1981], к Чатал-хеюку вряд ли применимы. Число обитателей поселения должно было быть более значительным и для середины VII тыс. до н.э. оценивается в диапазоне от 3,5 до 10 тыс. человек, с наибольшей вероятностью — от 5 до 8 тыс. человек [Düring 2011: 118; Twiss, Russel 2009: 21]. Ни в это время, ни в последующие два тысячелетия нигде больше на нашей планете не было другого столь большого и долговременного скопления людей.

Переход от Ашикли-хеюка к Чатал-хеюку отражает существенные изменения в структуре общества. Специализированных обще-

ственно-культовых зданий больше нет, все ритуалы происходят в жилых помещениях отдельных домохозяйств [Düring 2011: 97–120; Hodder 2005a: 126–129]. На стенах примерно половины из них обнаружен расписной и рельефный декор, включающий сложные фигуративные изображения (рис. 91) [Mellaart 1962; 1963; 1964]. Вскоре после нанесения красочного слоя росписи замазывали очередным слоем штукатурки, а это значит, что значимым являлся сам процесс их создания, а не их сохранение. В отличие от росписей, скульптурные изображения, в частности фигуры леопардов, многократно подновляли и сохраняли. Обитатели поселения выращивали зерновые и разводили коз и овец, но ритуалы были связаны с охотой, преимущественно на диких туров, вероятно, также на оленей и леопардов. В отличие от Гёбекли-тепе, на изображениях Чатал-хеюка, как и в более позднем искусстве Передней и Малой Азии, обычны образы женщины и быка. Судя по известной глиняной фигурке, изображающей женщину (роженицу?), которая сидит, опираясь на леопардов [Mellaart 1962, fig. 31, 32], этот персонаж — скорее хозяйка животных, чем земледельческое божество.

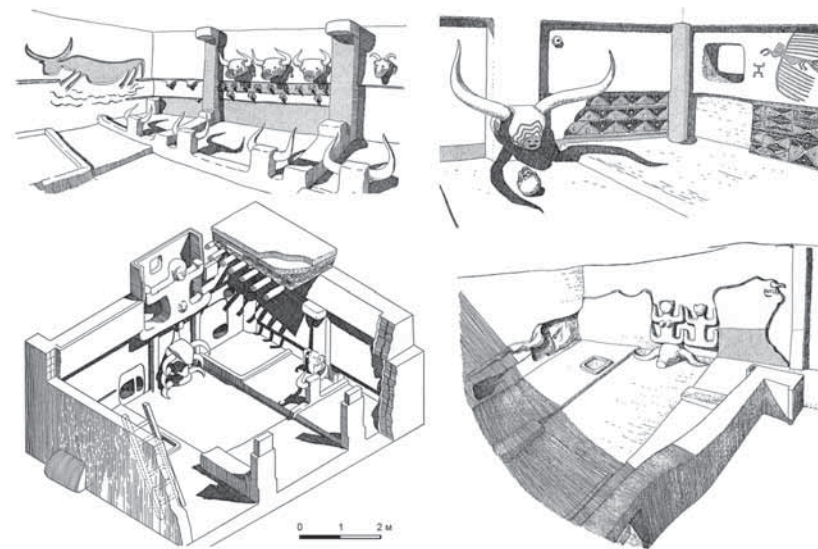

Рис. 91. Реконструкции некоторых богато украшенных жилых помещений Чатал-хеюка, по [Mellaart 1962; 1963; 1964]

Росписи на стенах Чатал-хеюка включают сцены пожирания стервятниками обезглавленных тел. Большинство специалистов не считает это доказательством охоты за головами [Coquegniot, Wright 2009; Testart 2008], ибо никаких других данных о военной активности не обнаружено. Пожирание тел стервятниками, как и находки в докерамическом неолите Леванта отдельных черепов и неполных захоронений, из которых извлечен череп, скорее связано с культом предков [Milevski, Hershkovitz 2008; Stordeur 2003].

Община Чатал-хеюка могла сохранять единство лишь благодаря сети горизонтальных связей между сотнями домохозяйств. Исследование показало, что запасы зерна хранили подальше от глаз посторонних, а потребление мяса животных имело форму коллективных пиршеств [Bogaard et al. 2009]. Именно так поступали апатани Восточных Гималаев в середине XX в. [Березкин 1994; 1995]. Однако в отличие от апатани, у которых фигуративного изобразительного искусства не было и нет, искусство Чатал-хеюка в отношении мастерства и разнообразия лишь немногим уступает искусству индейцев северо-западного побережья Северной Америки или Меланезии. Как и искусство Гёбекли-тепе, оно, вероятно, отражало идеологию привилегированной группы мужчин-охотников. Примерно через 300 лет после того, как охота на туров прекратилась и домашний скот стал единственным источником мясной пищи, Чатал-хеюк был покинут [Arbuckle, Makarewicz. 2009: 679–682]. Характерно, что со временем разнообразие видов деятельности в пределах отдельных домохозяйств росло, свидетельствуя о все меньшем контроле со стороны коллектива. Последние обитатели Чатал-хеюка не покинули его сразу, этот процесс растянулся на десятилетия [Hodder 2005b: 18–19].

В пределах Плодородного полумесяца культурная ситуация в конце VII — начале VI тыс. до н.э. тоже меняется. Культура PPNB исчезает, поселения земледельцев на юге Леванта покинуты в результате засухи, центры развития перемещаются в Сирию и Месопотамию. О существовании в это время надобщинных объединений свидетельствует поселение Телль эс-Савван культуры самарра в северо-центральном Ираке на восточном берегу Тигра. Самарра считается первой культурой Месопотамии, создатели которой стали заниматься орошаемым земледелием. Толчком к этому могла явиться аридизация, последовавшая за прорывом североамериканского приледникового озера Агассис в Атлантику. Гольфстрим перестал

функционировать на 200–400 лет, климат стал холоднее и суше [Иванова и др. 2011: 108–109; Weiss 2000: 75–76]. Данное событие произошло около 6200 до н.э., что примерно совпадает с началом самарры.

Площадь Телль эс-Саввана — всего лишь 3,5 га, т.е. в пять раз меньше, чем у Чатал-хеюка и Айн-Газалья [Abu es-Soof 1968; al-A'dami 1968; El-Wailly, Abu es-Soof 1965; Mellaart 1975: 150–151; Oates 1966]. Прямоугольный участок вначале был окружен рвом, а на более позднем этапе — стеной метровой толщины (рис. 92). Нет сомнений, что стена предназначалась именно для обороны — реальной или символической, а не являлась опорной, препятствуя сползанию грунта по склону, как в неолитическом Иерихоне. Под одним из зданий нижнего слоя обнаружено более 130 могил, среди которых преобладают погребения младенцев. Хотя планировочно здание не отличается от других, в нем не найдено жилых остатков. Все погребения, прежде всего младенческие, были снабжены богатым инвентарем, включавшим алебастровые женские статуэтки (некоторые с бирюзовым ожерельем на шее), каменные и алебастровые сосуды, но не керамику, которая в это время вообще имела ограниченное распространение. Алебастровые, а также керамические статуэтки редкого типа обнаружены также и вне погребений. Вполне возможно, что в Телль эс-Савване находился какой-то культовый, а значит, и политический центр. Наличие инвентаря в младенческих захоронениях может указывать на передачу статуса по наследству, хотя ввиду уникальности материалов с подобным выводом не стоит спешить.

Для VI тыс. до н.э. есть еще одно поселение, которое может претендовать на роль центра целой долины. Это Мунбата на севере Сирии, которое с Телль-эс-Савваном имеет мало общего. Мунбата относится к культуре халаф, имеет площадь 15 га, что на порядок больше обычных халафских поселений и соответствует Чатал-хеюку и Айн-Газалю [Akkermans 1989: 131–133]. Крупных раскопок на Мунбате не проводилось, поэтому плотность застройки и число жителей оценить невозможно. О существовании в восточной, но не в западной части ареала халафской культуры сетей обмена информацией свидетельствует детальное сходство технологии изготовления керамики на удаленных друг от друга поселениях [Spataro, Fletcher 2010].

В середине VI тыс. до н.э. Месопотамия вышла на прямую траекторию пути к цивилизации — сложилась убейдская культура.

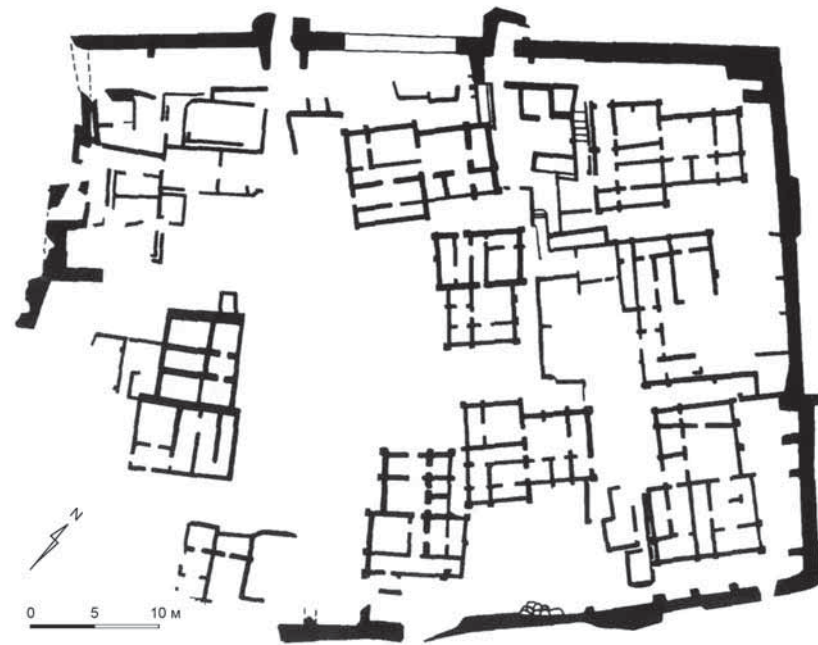

Рис. 92. План огражденного стеною участка на поселении Телль эс-Савван, строительный горизонт ША, культура самарра, VI тыс. до н.э., по [Mellaart 1975, fig. 86]

Древнейший убейд обнаружен на юге Месопотамии. Его слои перекрыты многометровыми отложениями и для исследования почти недоступны [Aurenche et al. 2001: 1198; Calvet 1985; Oates 1987; Safar et al. 1981]. В V тыс. до н.э. убейд распространяется в Северной Месопотамии и Сирии, поглотив самарру и халаф [Vértesalji 1987: 489–490]. Археологи не связывают эту экспансию с массовыми перемещениями людей — скорее с образованием новой сети торгово-экономических и культурных связей между общинами.

Из перечисленных в начале книги археологических признаков среднemasштабных обществ в раннем и среднем убейде ни один не представлен. Нет элитарных могил и резкой имущественной дифференциации погребений. Изделия из драгоценных металлов не найдены. Фигуративное искусство ограничено женскими статуэтками и изображениями животных на печатях и в росписях на керамике. Трехуровневая иерархия поселений не выявлена. В то же

время убейдская жилая архитектура заставляет предполагать, что общество было организовано не столь уж просто. Дома отличаются значительными размерами (15–20 м в поперечнике), у них сложная и вместе с тем стандартная планировка (рис. 93). Типичны здания с большим помещением посередине и несколькими меньшими по обе стороны от него [Balossi Restelli 2010; Jasim 1983; Pollock 2010]. Среди зданий есть более и менее крупные, что свидетельствует о различиях в статусе домохозяйств [Stein 2010b: 32–33]. Центральные помещения могли служить для собраний членов разных домохозяйств. Поскольку подобные гостевые комнаты есть во многих домах, но при этом различаются по размеру, члены общины, скорее всего, принимали решения на основе консенсуса между представителями домохозяйств, имевшими хоть и разный, но сопоставимый статус [Aurenche 1984: 79].

Для центральных районов Месопотамии особых зданий общественно-культурного характера не выявлено [Stein 2010b]. В более южных и более северных областях некоторые здания, хотя и выделяются размерами и декором, принципиальных архитектурных отличий от жилых домов не имеют и расположены на поселениях вместе с ними [Aurenche 1984: 76–79; Jasim 1983; Roaf 1984]. Основным признаком, отмечающим общественную важность построек, в убейде становятся пилястры на внешних стенах, но окончательно этот архитектурный прием оформился лишь в IV тыс. до н.э. [Sievertsen 2010]. Как внутриобщинные, так и надобщинные системы управления в убейдском обществе, вероятно, были основаны на родственных связях и контроле над производством и хранением продуктов потребления. Циркуляция престижных ценностей вряд ли имела большое значение [Oates 1993: 407–408; Stein 1994: 37–41].

Что касается величины убейдских поселений, то до недавнего времени площадь самых крупных оценивалась лишь в несколько гектаров. Раскопки поселения Телль-Зейдан площадью более 12 га могут заставить изменить это мнение [Lawler 2012; Stein 2010a]. К сожалению, из-за гражданской войны в Сирии на этом памятнике удалось провести только два полевых сезона, так что синхронность слоев на составляющих его трех всхолмлениях и общая оценка численности обитателей в 3 тыс. чел. требуют подтверждения. Пока ясно лишь, что Телль-Зейдан находился на пересечении торговых путей и являлся значительным ремесленным центром,

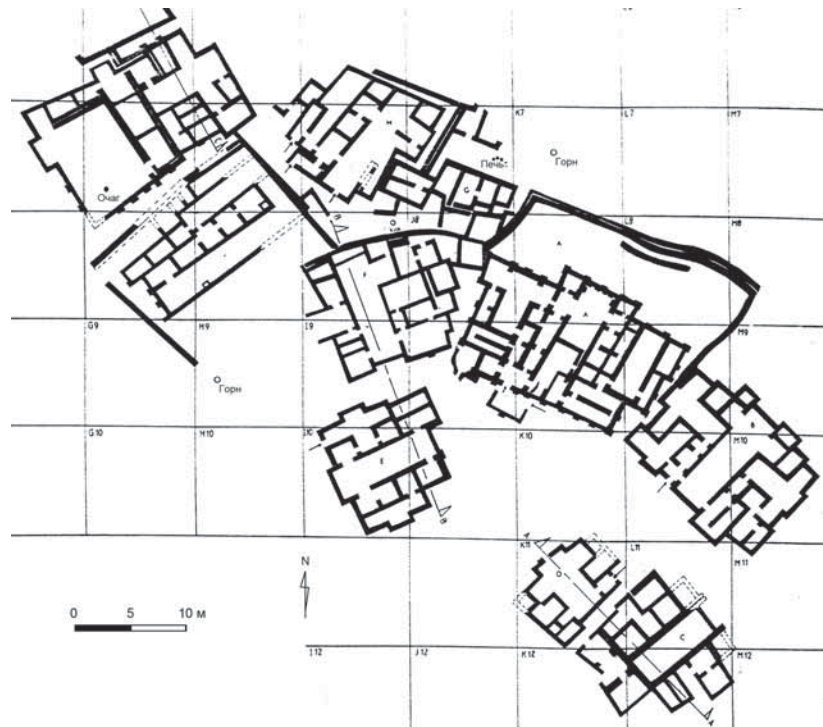

Рис. 93. Типичные дома в центральной части убейдского поселения Телль-Абада, строительный горизонт II, долина Диялы, V тыс. до н.э., по [Jasim 1983, fig. 7]

где, в частности, производились выплавка меди и обработка обсидиана.

В конце V тыс. до н.э., т.е. на заключительном этапе убейдской культуры, в Месопотамии началась урбанизация.

Самые ранние свидетельства усложнения структуры общества обнаружены не в собственно Месопотамии, а в примыкающей к ней с востока Сузиане. Местную культуру нельзя называть убейдской, но она входила в убейдскую «сферу взаимодействия». В середине V тыс. до н.э. поселение Чога-Миш становится больше прочих (11 га), а вокруг него появляются десятки деревушек. На Чога-Миш найдено здание, выделяющееся размерами (15×10 м) и мощностью несущих конструкций [Hole 1987a: 40–41, fig. 9d]. Стены толщиной 1–2 м были, видимо, возведены на искусственной платформе. Вско-

ре здание погибло в огне, а люди покинули поселение. К сожалению, материалы раскопок Чога-Миш плохо известны, т.к. часть их была уничтожена во время исламской революции в Иране [Hole 2010: 229–231].

В конце V — первой половине IV тыс. до н.э., после периода дезинтеграции, новым политическим центром Сузианы становятся Сузы. К середине IV тыс. до н.э. поселение достигает площади 25 га [Wright 1987: 145], что предполагает как минимум 7–8 тыс. жителей. Здесь строится мощная сырцовая платформа высотой 11–12 м и площадью основания 70×70 м (рис. 94) [Hole 1987b: 93–94; 2010: 231, fig. 15.5]. Для своего времени это сооружение было, по-видимому, крупнейшим в мире. Его объем в 450 раз больше объема кладки самого большого из известных нам в Нижней Месопотамии убейдских зданий общественно-культового характера, раскопанных в Эриду [Hole 2010: 238]. В находящемся рядом с платформой могильнике, помимо расписных сосудов, обнаружены 11 медных дисков и 55 больших медных топоров. Эти вещи, видимо, привозили

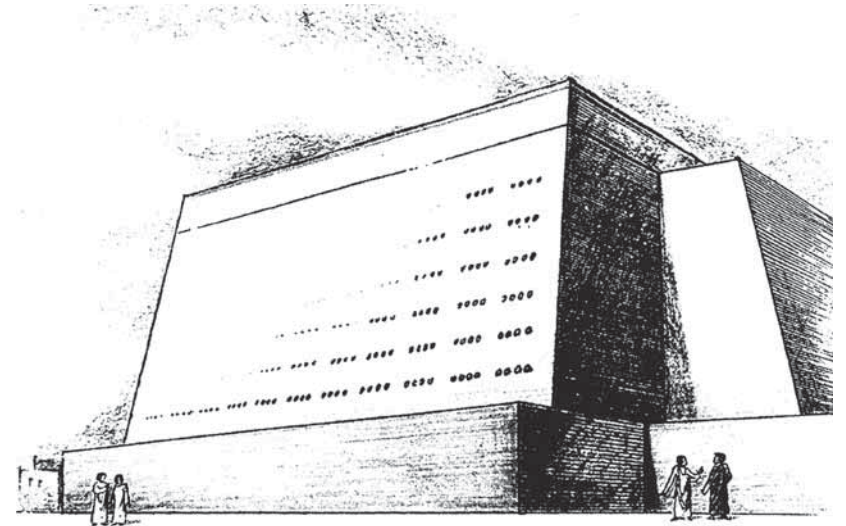

Рис. 94. Примерная реконструкция платформы в Сузах, первая половина IV тыс. до н.э., по [Hole 2010, fig. 15.2]. Ряды кружков на фасаде — впущенные в кладку декоративные керамические конусы, типичные для месопотамской архитектуры IV тыс. до н.э.

с Иранского плато и использовали в культовой практике, а не в качестве рядовых орудий [Hole 1987b: 87; 2010: 233].

Еще одной особенностью Суз являются оттиски на глине с изображениями антропоморфных существ. Такие оттиски служили для опечатывания помещений или емкостей и характерны для территорий от Сузианы до Южной Туркмении. Появление сложных сюжетных композиций является новшеством. В V — начале IV тыс. до н.э. изображения на месопотамских и иранских печатях были почти исключительно геометрическими. Во второй половине IV тыс. до н.э. в глиптике начинают проявляться иконографические клише, которые в III—II тыс. до н.э. получают широчайшее распространение в древневосточном искусстве (например, бык и лев как два образа, символизирующих какие-то космологические идеи) [Aruz 2002]. Как и в культурах Древней Америки, преобладают и каноничность иконографии, скорее всего, указывает на преобладание контролировавших ритуал групп элиты.

В середине IV тыс. до н.э. в Сузиане распространяется урукская культура, после чего население области резко сократилось. Очень вероятно, что этот район испытал вторжение из Нижней Месопотамии.

В Верхней Месопотамии в конце V тыс. до н.э. важнейшим растущим центром стал Телль-Брак в верховьях Хабура. В период среднего урука, т.е. во второй четверти IV тыс. до н.э., он достиг площади 130 га, а это предполагает 30—40 тыс. жителей [McMahon et al. 2011: 202; Oates et al. 2007]. Сам телль занимает площадь 40 га, но к нему примыкает обширный участок с более тонким культурным слоем. В заложенный на Телль-Браке раскоп попала часть какого-то монументального здания. Здесь среди прочего найден необычный сосудик, состоящий из мраморной подставки и выдолбленного изнутри обсидианового нуклеуса [Oates et al. 2007, fig. 8]. На древней мусорной свалке близ города открыто массовое захоронение. Большинство из 89 человек, чьи останки были обследованы, умерли в возрасте 20—35 лет. Здесь же лежали кости домашних животных, вероятно, заколотых по случаю пиршества. Перед тем как быть брошенными в яму, человеческие останки какое-то время подвергались разложению, поэтому только часть костей обнаружена в сочленениях. Некоторые кости были заточены, чтобы сделать из них орудия. Человеческие кости менее пригодны для этой цели, чем

кости животных, поэтому речь, скорее всего, идет о демонстративных действиях.

В нескольких десятках километров к востоку от Телль-Брака располагался другой крупный город — Хамукар [Gibson 2000; 2010: 85; Lawler 2006]. Он также включает высокий телль, который в эпоху энеолита занимал площадь не более 20 га, и гораздо более значительную примыкающую территорию с тонким и, возможно, несплошным культурным слоем площадью 280 га. По культуре Телль-Брак и Хамукар очень близки, в частности, здесь найдены каменные печати с хорошо проработанными зооморфными изображениями и небольшие фигурки из камня с парой огромных глаз. Раскопанный в 1930-х годах храм на Телль-Браке получил поэтому название Eye-temple. «Глазастые» фигурки найдены также в иракском Курдистане в синхронных Хамукару слоях Тепе-Гавры [Tobler 1950, pl. 86], где в это время появляются богатые погребения, содержащие небольшие изделия из золота и лазурита [Peasnell, Rothman 2003: 38].

В том же районе северо-восточной Сирии, где расположены Хамукар и Телль-Брак, находится еще один древний город — Лейлан. Обследование окружающей местности свидетельствует о вероятном наличии здесь в первой половине IV тыс. до н.э. четырехуровневой системы поселений [Brustolon, Rova 2007], хотя резкий рост площади Лейлана произошел лишь во второй половине IV тыс. до н.э. В источнике говорится даже о III тыс., но эта датировка основана на некалиброванных датах [Stein, Wattenmaker 1990]. В Арслантепе на Верхнем Евфрате найдены остатки относящейся к первой половине IV тыс. до н.э. монументальной архитектуры [Frangipane 1997: 49]. В регионе есть и другие центры, на которых в это время отмечены признаки роста социальной сложности.

На юге Месопотамии урбанизация, вопреки господствовавшему еще 15 лет назад мнению, могла начаться в то же время, что и на севере, если не на пару столетий позже, хотя точная корреляция слоев невозможна без новых раскопок, перспективы которых в регионе туманны как никогда. Переход от убейдской культуры к урукской произошел в начале IV тыс. до н.э., а по мнению сторонников максимально длинной хронологии, в конце V тыс. до н.э. Становление государственных институтов, видимо, состоялось к середине IV тыс. до н.э. В это время город Урук достиг площади не менее 100 га, а к концу IV тыс. до н.э. — 400 га с населением 40—50 тыс. чел.

В квартале Эанна строятся монументальные здания, возникает письменность, вероятно, развившаяся из системы знаков на глиняных фишках, а в разных районах Месопотамии и прилегающей части Ирана появляются так называемые урукские колонии [Березкин 2000; Adams 1981; Falconer, Savage 1995: 45–47; Frangipane 1997: 46–48; Schmandt-Besserat 1992]. Позднеэнеолитический слой на Телль-Браке и Хамукаре перекрыт урукским, что может свидетельствовать о политическом подчинении, если не о прямом вторжении. На одной из урукских печатей изображены связанные пленники — самое раннее свидетельство такого рода в месопотамской иконографии [Oates 1993: 412, fig. 2]. На печатях часто бывает представлен мужчина в своеобразной конической шапочке, который, судя по содержанию сцен с его участием, являлся правителем [Stein 2010b]. Урук мог быть не единственным центром своего ранга в южной Месопотамии IV тыс. до н.э., но соответствующие слои на других памятниках, в частности в Ниппуре, не раскопаны. Около 3100 до н.э. здания квартала Эанна были снесены для устройства площадки под новое строительство [Oates 1993: 403], урукскую культуру сменила культура джемдед-насер, одновременно с этим на юго-западе Ирана началось возвышение протоэламской цивилизации. Эти события почти совпадают по времени с началом кратковременного глобального похолодания, известного как «событие 5200 л.н.» [Weiss 2000: 76–77]. На Ближнем Востоке похолоданиям соответствует аридизация, которая вполне могла привести к дестабилизации социополитических структур. Ухудшением природных условий в нижней Месопотамии в конце IV тыс. до н.э. объясняют переход от пшеницы к ячменю как к культуре, менее страдающей от засоленности почв [Charvát 1981: 686]. Но хотя на рубеже IV и III тыс. до н.э. в Южной Месопотамии произошли резкие изменения в архитектуре и типах керамики, город Урук продолжал существовать и в III тыс. до н.э. оставался одним из важнейших центров Шумера.

Урукские погребения известны лишь на периферии культуры и богатством не отличаются [Мунчаев, Мерперт, Амиров 2010; Johnson 1987: 123–124], изделий из драгоценных металлов в уруке также нет, а фигуративная иконография представлена только глиптикой. В этом смысле урукская культура продолжает традиции убейда. В то же время в ареале Закавказья — Северной Месопотамии в IV тыс. до н.э. золото и серебро уже использовались для изго-

товления предметов со сложными фигуративными изображениями. Об этом свидетельствуют раскопки местных памятников, где найдены следы металлургических производств, но, главное, материалы синхронной уруку майкопской культуры, технологические и иконографические традиции которой были принесены с юга [Кореневский 2004: 90–97; Мунчаев 1975: 197–335; Мунчаев, Амиров, Магомедов 2010; Рысин 2012; Lyonnet 2007].

Отсутствием ценных предметов из металла Южная Месопотамия отличается от юга Леванта, где в конце V — первой половине IV тыс. до н.э. рост социально-политической сложности отражен прежде всего в распространении металлургии. В пещере Нахаль-Мишмар, близ Мертвого моря, найден клад, включавший около 430 медных изделий в основном ритуального назначения, конструктивно сложных и каноничных по стилю (рис. 95 лев.) [Burton, Levy 2001: 1232; Dayago-Mendels, Rozenberg 2010: 27–28; Goren 2008]. Это больше, чем все известные нам изделия подобного рода в мире, от-

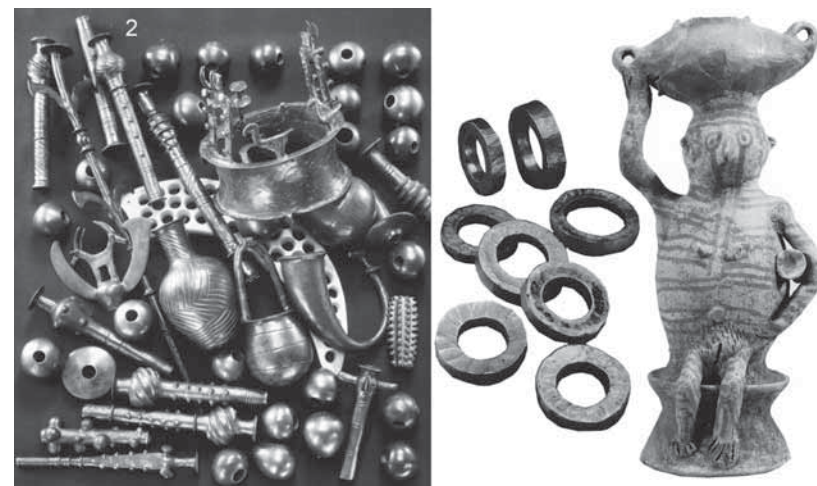

Рис. 95. Образцы культовых изделий конца V — начала IV тыс. до н.э. из Ханаана, выполненных в домашних условиях (справа) и мастерами-профессионалами (слева и в центре).

Слева: медные изделия из Нахаль-Мишмар.

В центре: золотые кольца из пещеры Нахаль-Кана.

Справа: керамическая фигура женщины из Гилата, по [Dayago-Mendels, Rozenberg 2010, fig. 19, 29, 27]

носящиеся к V–IV тыс. до н.э. Предположение, будто спрятанный клад первоначально находился в сокровищнице храма Эйн-Геди на плато над знаменитым источником, допустимо, но не доказано. С энеолитической культурой беершева связаны находки в захоронении в пещере Нахаль-Кана в Самарии, где среди прочего оказались 8 тяжелых золотых колец — не украшения, а скорее слитки (рис. 95 центр.) [Dayago-Mendels, Rozenberg 2010: 27; Gopher et al. 1990].

Среди культовых изображений, найденных в святилищах Ханаана конца V — первой половины IV тыс. до н.э., есть как выполненные профессионально (в основном речь идет об изделиях из металла), так и грубоватые, домашнего производства (рис. 95 прав.) [Alon, Levy 1989; Joffe et al. 2001]. Для Чатал-хеюка и даже халафа подобной дихотомии нет, все фигуративные изображения там выполнены профессионально. Происхождение предметов в отдельных святилищах Ханаана тоже различно — из более далеких и из соседних местностей. Свидетельств дальней торговли почти совсем нет [Gilead 1988: 426–437]. Политическую организацию энеолитического Ханаана можно реконструировать как сообщество небольших политий, объединенных вокруг храмовых центров, которые, однако, не претендовали на исключительное право контролировать сферу сакрального. Центром этой системы был храм Гилат в северном Негеве, где процент керамики, произведенной в других районах, наиболее высок [Alon, Levy 1989].

В середине IV тыс. до н.э. в южном Леванте началась урбанизация, хотя развивалась она медленно и, весьма вероятно, не без влияния Месопотамии [Falconer, Savage 1995: 49–50; Greenberg, Paz 2005; Harrison 2012; Nigro 2010]. В отличие от урукской Месопотамии, для Леванта этого времени нет данных о наличии бюрократического аппарата и использовании письменности. Большую роль, вероятно, продолжали играть связи между родственными группами. К исходу третьей четверти III тыс. до н.э. после наступления засухи города Ханаана были покинуты, а в начале II тыс. до н.э. городские поселения появились здесь вновь [Maier 2010].

В Уруке и на многих других поселениях Ближнего Востока, где заметно урукское влияние, найдены так называемые *bevel-rim bowls* — очень плохо вылепленные и слабо обожженные мисочки. Исследователи сперва полагали, что этой «одноразовой посудой» пользовались для того, чтобы раздавать еду работникам, затем — что рядовые члены общины сами приносили в храм еду или натураль-

ный налог [Beale 1978], однако более обоснованным признано мнение, что в мисочках выпекали порцию хлеба для работников административного аппарата — не паек, а престижное вознаграждение тем, кто не имел возможности тратить время на приготовление еды [Goulder 2010]. Эта интерпретация хорошо согласуется с отсутствием в урукской культуре сокровищ. Высшая элита не покупала с их помощью лояльность низшей, властные позиции обеспечивались контролем над реальной экономикой, производством и распределением продуктов потребления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

П. Перегрин и его коллеги прекрасно продемонстрировали, как начиная с раннего палеолита социополитическая организация усложнялась по экспоненте [Peregrine 2001; 2003; Peregrine et al. 2004]. Однако этот вывод был обеспечен форматом базы данных исследования, поскольку в качестве минимальных единиц фигурировали крупные историко-культурные ареалы и эпохальные промежутки времени. Хотя математическое доказательство интуитивно ощущаемых истин не бывает лишним, речь все же идет в большей мере об историософии, чем об истории в собственном смысле слова — историкам интересна конкретика. Опубликованные в восьми томах фактические материалы о древних обществах с еще одним томом указателей [Peregrine, Ember 2000–2003] на роль базы данных исследования претендовать не могут. Эти данные по каждой культуре, локальному варианту или группе культур настолько отрывочны и общи, что читателю, который сам материал целенаправленно не изучал, трудно составить о нем ясное представление. И что еще существеннее — описания редко содержат информацию о размерах поселений, их иерархии, выкладки относительно численности и плотности населения и т.п. При этом они включают разделы, посвященные «религиозной и экспрессивной культуре», которые к теме исследования прямого отношения не имеют. Похоже, количественные данные и качественные оценки, на которые опирались Перегрин и его коллеги при обобщении материала, не взяты из многотомной публикации, а скорее получены от коллег — специалистов по соответствующим культурам. Так это или нет, но какие-то шаги в исследовательской процедуре остались не описаны и соответственно проверке не поддаются.

Наша задача состояла не в том, чтобы еще раз подтвердить и тем более оспорить наличие вектора эволюции, а в прослеживании подробностей и региональных вариантов. Как в Америке, так и в Передней Азии эпохальное усложнение социополитических структур очевидно. Вместе с тем при уменьшении временного шага

становятся заметны колебания темпа развития и отдельные отступления от главной тенденции, а при сравнении исторически не связанных между собой регионов — различия в характере обществ, относящихся к одному и тому же уровню интеграции.

Сравним время появления некоторых археологически заметных признаков сложных обществ в Передней Азии и Центральных Андах (рис. 96). В Верхней и Нижней Месопотамии общественно-культурные сооружения и крупные поселения появляются примерно одновременно — между концом V или началом IV тыс. до н.э. и серединой IV тыс. до н.э., но размеры общественно-культурных сооружений первоначально невелики. Обнаружить такие постройки можно лишь в процессе раскопок, а в современном рельефе памятников они не заметны. Хотя храмы в разных строительных горизонтах возводились один над другим, что хорошо прослежено в Эриду [Safar et al. 1981], более поздние не включали более ранние в массив кладки, образуя все более массивную платформу, а возводились на разровненной площадке и необязательно превосходили более ранние размерами.

Урбанизация в Месопотамии развивалась быстро — от эпохи господства небольших деревень до появления крупных городских центров проходит порядка пятисот лет. Что касается крупных поселений эпохи неолита, таких как Ашикли-хеюк и Чатал-хеюк в Анатолии или Айн-Газаль и другие памятники PPNB Леванта, то их появление не связано с началом урбанизации, а отражает совершенно иное состояние общества — еще слабо дифференцированного и не имеющего властного центра. Они демонстрируют процесс перехода от поселений с выделенными из жилой застройки общественно-культурными зданиями к поселениям, в которых вся общественно-культурная деятельность сосредоточена в домохозяйствах, а специализированные святилища вовсе отсутствуют. К концу VII тыс. до н.э. исчезают какие-то стимулы, делавшие для людей выгодным совместное проживание, после чего население рассредоточивается по деревням, хотя социальная организация вряд ли существенно меняется. Что это были за стимулы, наверняка сказать трудно, но, похоже, они имели какое-то отношение к идеологии охотников и исчезли после окончательной утраты хозяйственного значения. Кроме того, крупные неолитические поселения являют собой скорее исключения и не отражают основную тенденцию развития переднеазиатского региона. Они возникли только в Анатолии и на юге

Леванта, тогда как в неолите Сирии, Месопотамии, а также Ирана их не было.

Еще более аномальной для переднеазиатского региона выглядит культура верхнего Евфрата в период существования Гёбекли-тепе. Возникнув в середине X тыс. до н.э., эта традиция обрывается примерно через тысячу лет. Не только монументальные изваяния, но и обилие фигуративных изображений отличают Гёбекли (а также Чатал-хеюк) от большинства других памятников неолита и энеолита Передней Азии. Что же касается месопотамских храмов урукского времени, то их предшественниками были не специализированные, отделенные от жилищ святилища эпохи зарождения земледелия, а постройки, внешне похожие на жилые дома и находившиеся рядом с ними. В иконографии большинства культур Сирии и Месопотамии эпохи керамического неолита и энеолита господствуют простые геометрические элементы, сюжетные изображения единичны.

Первые значительные по весу металлические изделия не утилитарного назначения в Леванте и, видимо, в Закавказье датируются примерно тем же временем, что и превращение Урука и, вероятно, Телль-Брака и Хамукара в города. Предметов из золота во всем регионе ранее III тыс. до н.э. найдено очень мало, и они невелики по размеру. Их общий вес намного меньше, чем вес золотых изделий из Варненского могильника V тыс. до н.э., не говоря уже о сокровищах колумбийского могильника Малагана.

В отличие от Передней Азии, в Центральном Андах появление монументальных объектов, сокровищ и крупных поселений не совпадает по времени. Общественно-культурные сооружения значительного размера появляются на 1,5 тыс. лет раньше поселений с числом жителей 1,5–2 тыс. человек и на 3 тыс. лет раньше, чем города с населением 10 тыс. чел. и более. Сами эти поселения и города чаще всего выглядят как своего рода обрамление монументальных сооружений, так что требуются немалые усилия археологов, чтобы жилую застройку вообще обнаружить. Как указывалось, объемом кладки крупнейшие перуанские общественно-культурные сооружения II тыс. до н.э. превосходят не только урукские храмы, но и месопотамские зиккураты III–II тыс. до н.э. Золото в Центральном Андах впервые встречается в погребениях за тысячу лет до появления городов. В Нижней Месопотамии последовательность обратная — золото появляется позже, чем города.

Как отметил К. Маковский, один из виднейших специалистов по социальной антропологии Центральных Анд, в Андах население обычно скапливалось вокруг монументальных общественно-культурных объектов, тогда как на Ближнем Востоке такие объекты появлялись в городах, когда те достигали больших размеров [Makowski 1996: 78; 2008: 640]. В Андах, особенно на ранних этапах становления сложных социополитических систем, размеры и богатство общественно-культурных центров определялись не тем, сколько людей в этих центрах постоянно жило, а сколько приходило во время праздников [Makowski 2006]. Отсюда кажущееся несоответствие гигантских размеров монументальных платформ и незначительной жилой застройки.

Возможным исключением являются только Сузы. Это поселение было раскопано более ста лет назад без соблюдения элементарной методики, так что последовательность возведения определенных объектов неизвестна. Однако, по данным разведок 1970-х годов, Сузы были построены на ранее незаселенной равнине, причем сельских поселений в непосредственной близости от этого центра не обнаружено. Могильник Суз отличается не только удивительным для первой половины IV тыс. до н.э. обилием медных вещей, но и необычайной концентрацией погребений — порядка двух тысяч на 120 кв. м. В этом можно видеть указание на значение Суз как прежде всего культового центра, которое он имел с самого своего основания [Hole 1987b: 95; 2010: 231].

Исключения из общего правила есть и в Древнем Перу. Здесь таковыми следует считать не памятники с общественно-культурной архитектурой, а напротив — большие поселения, на которых монументальных сооружений нет. Почти все подобные поселения в Центральном Андах возникали, однако, в периоды после распада одной системы идеологических связей и до становления новой. В I тыс. до н.э. так было в некоторых долинах побережья Перу (см. рис. 14 и 21), а в первых веках II тыс. н.э. — в горных районах (рис. 46). Для Колумбии и Центральной Америки интегрирующая роль общественно-культурных сооружений археологически не столь очевидна. Элита и здесь была связана с культом, но самыми заметными свидетельствами статусных различий являлись, похоже, не земляные платформы, а золото в погребениях и каменные изваяния в местах совершения ритуалов. Что касается льяносов Венесуэлы, то там, как и в некоторых районах Эквадора (по крайней мере в куль-

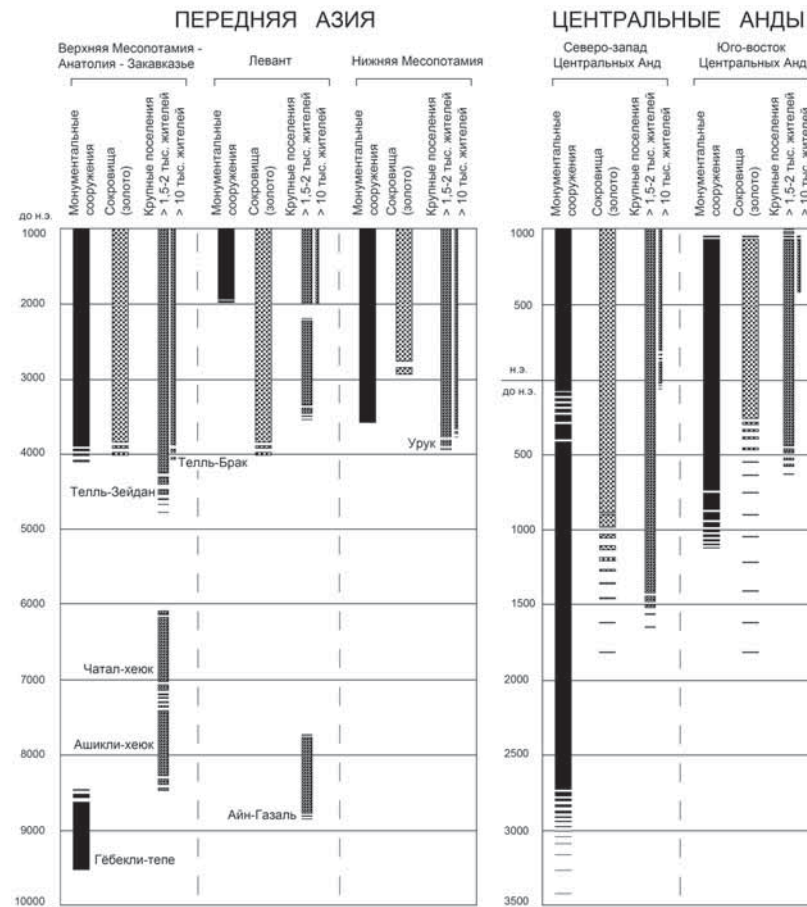

Рис. 96. Время появления общественных сооружений, сокровищ и крупных поселений в Передней Азии и Центральных Андах

турах упано и милагро-кеведо), основным признаком наличия над-общинного уровня организации являются следы крупномасштабных земляных работ.

Итак, среднemasштабные общества и ранние государства запада Южной и юго-востока Центральной Америки отличаются от Передней Азии две существенные особенности. Во-первых, непропорционально большие по отношению к вероятной численности

населения размеры общественно-культовых сооружений (это особенно относится к первичному перуанскому очагу политогенеза на его начальном этапе). Во-вторых, столь же непропорционально большие ценности в элитарных захоронениях (золото, ткани) и нередко (как альтернатива сокровищам либо одновременно с ними) каменная скульптура.

К этому можно добавить еще два признака, известных по данным археологии и изобразительного искусства.

Прежде всего — использование галлюциногенных веществ в ритуалах с участием высшей элиты. После Колумба на севере и северо-западе Южной Америки подобные ритуалы фиксировались практически повсеместно. Невозможно сказать, были они характерны для всех древних культур андского пояса Южной Америки или нет. Но если опираться на данные по перуанским храмовым центрам II—I тыс. до н.э. и по государствам третьей четверти I тыс. н.э. (Уари и Тиауанако), не вызывает сомнений популярность и древность подобной практики. В этнографически известных культурах Южной Америки галлюциногены рассматриваются как сакральная субстанция высшей категории и противопоставлены «профанному» алкоголю [Brown 1978; 1985]. Зооморфные образы, господствующие в перуанском искусстве от первого появления фигуративных изображений в III тыс. до н.э. до по крайней мере эпохи уари (змеи и хищники с оскаленными пастьми), поразительно совпадают с теми, которые видят шаманы западной Амазонии после приема сильных галлюциногенов [Reichel-Dolmatoff 1975b: 49–60; Robinson 1972: 91].

Дошечки и трубочки для приема наркотиков в Амазонии и Андах очень похожи. Деревья из рода *Anadenanthera* (подсемейство мимозовых семейства бобовых), служившие источником сильных галлюциногенов, растут только в теплом климате. Поэтому было высказано мнение, что сама практика ритуального использования галлюциногенов проникла в Анды из тропических низменностей [Torres 1986: 49–50]. На самом деле из двух видов анаденантеры один, а именно *Anadenanthera colubrina* (то же, что *Piptadenia colubrina*), произрастает и в долинах Анд. Эти деревья изображены на сосудах культуры мочика и, помимо всего, являлись источником ценной твердой древесины [Quilter 2010: 122–123; Yacovleff, Herrera 1935: 42–43]. Поэтому сейчас назвать тот первоначальный ареал, где использование анаденантеры приобрело формы, известные по эт-

нографическим данным из Амазонии и археологическим данным из Перу, Боливии, Чили и Аргентины, невозможно. Из-за густого растительного покрова и неразвитости инфраструктуры степень археологической изученности зоны тропических лесов и саванн Южной Америки неизмеримо ниже, чем в Андах. Плохая же сохранность органики лишает археологов большей части той информации, которую дают раскопки в засушливых областях континента. В чем нет сомнений, так это в том, что без использования наркотиков облик цивилизаций Центральных Анд был бы иным. По крайней мере иными были бы формы изобразительного искусства и облик общественно-культурных сооружений.

Для Южной и Центральной Америки почти повсеместно характерна также ритуализованная военная активность, отраженная в культе голов-трофеев и реже в других действиях, связанных с добычей и умерщвлением пленников. Между охотой за головами и использованием галлюциногенов существовала какая-то связь. Во всяком случае на изображениях уари (рис. 45.3, 4) и тиауанако оба мотива нередко объединены в рамках одной композиции. Персонаж с головой-трофеем или жезлом, который заканчивается такой головой, изображен на дощечках для приема наркотиков [Berenguer 2000: 80–81; Llagostera 2006, fig. 5].

* * *

Чем объяснить специфику американских культур? Дать исчерпывающий ответ на подобный вопрос вряд ли когда-нибудь удастся. Среди возможных причин — наличие дуальной организации или по крайней мере сочетание этого института с двумя другими: с праздниками заслуг и ритуалами возвращения первопредков.

Праздники заслуг (*feasts of merit*) — не вполне удачное обозначение социального института, распространенного как в пределах вероятной древнейшей прародины американских индейцев в Азии [Flannery, Marcus 2012; Kenilo 2005; Singh 1983], так и у многих народов Нового Света. В Азии праздники заслуг, в частности, характерны для тибето-бирманцев северо-восточной Индии и сопредельных районов Бирмы и Китая, т.е. для групп, в фольклоре и мифологии которых процент совпадений с фольклором и мифологией индейцев Южной и Центральной Америки один из самых высоких [Березкин 2005]. Сказанное не значит, что предки индейцев жили в Гималаях, — просто в этом районе лучше сохранились

древнейшие элементы культуры, исчезнувшие на равнинах Восточной Азии. Во время праздника заслуг человек для повышения своего престижа должен публично раздать или уничтожить имущество, устроить щедрый пир, создать значимые объекты неутилитарного назначения, например воздвигнуть менгир, и т.п. Нередко происходит своего рода соревнование между лицами, стремящимися добиться более высоких позиций в неформальной иерархии. Потлач индейцев северо-западного побережья необязательно имел форму антагонистической борьбы за власть и престиж [Березкин 2006; Mauzé 2004], но такой его вариант был тоже возможен.

Если праздники заслуг приобретают соревновательный характер; если в противостоянии участвуют люди, выступающие не только от своего имени, но и как представители разных фратрий (именно это характерно для тлинкитов, квакиутль и их соседей); наконец если речь идет не просто об устройстве пиршеств или раздаривании материальных ценностей, а о возведении некоторых долговременных объектов (это типично для нага северо-восточной Индии), тогда появление значительных по размеру общественно-культурных сооружений становится весьма вероятным. Желание продемонстрировать лучшие результаты должно способствовать возникновению структур, необходимых для организации работ, равно как и интенсификации производства продуктов, необходимых для содержания работников. Чем лучше организация и чем больше усилий вложено в сооружение неутилитарных объектов, тем выше престиж организаторов и выше вероятность того, что представители соперничающей фратрии постараются достичь большего — не только устроить более богатый пир, но и возвести более высокую земляную платформу. Этот процесс может начаться даже до завершения формирования производящей экономики, а после ее становления его развитие уже ничем не ограничено. Если сельскохозяйственный потенциал данной территории оказывается исчерпан, возможны как интенсификация производства за счет введения новых технологий, так и внешняя экспансия.

Правда, надо сказать, что для Амазонии и Гвианы праздники заслуг не характерны. В древних культурах Анд следы общественных пиршеств обнаруживаются часто, но кто и по какому конкретно поводу их устраивал, сказать трудно. Соответственно нет уверенности, что данный фактор действительно сыграл роль в процессе политогенеза в Южной Америке. Зато ритуалы возвращения перво-

предков на континенте получили полное развития, и мало сомнений в том, что они были характерны и для древних народов Анд. Речь идет об отношении к первопредкам как к сообществу сверхъестественных существ, регулярно посещающих мир людей и передающих ему некую жизненную энергию. Нередко ритуалы подобного рода связаны с институциональным разделением полов, т.е. с демонстрацией более высокого статуса группы взрослых мужчин по отношению к непосвященным. Такого рода данные есть по индейцам бассейна Ориноко, северо-западной Амазонии, бассейна Тапажоса (мундуруку), верховьев Шингу, Чако и Огненной Земли, но в прошлом институциональное разделение полов наверняка было распространено в Южной Америке шире [Березкин 2002; Berezkin 2002]. Североамериканские и азиатско-океанийские параллели, на которых мы сейчас не станем останавливаться, позволяют предполагать существование подобных ритуалов у самых ранних мигрантов в Новый Свет.

Во время ритуалов первопредки материализуются в костюмах, масках и музыкальных инструментах, иногда также в раскрашенных керамических сосудах и пр. [Whitten 1976]. Традиционное искусство южноамериканских индейцев в основном и представлено изображениями первопредков, используемыми для оформления соответствующих ритуалов. В обществах со скудными ресурсами и бедной материальной культурой (огнеземельцы и некоторые индейцы Чако) образы первопредков создавали с помощью простейших масок из органических материалов и рисунков на теле [Fiore 2006]. Ни то, ни другое практически не оставляет археологических свидетельств. То же можно предполагать и для обществ Центральных Анд ранее середины III тыс. до н.э. Однако по мере расширения экономической базы и увеличения размеров коллективов изображения могут становиться все более сложными. Это видно на примере костюмов и масок амазонских индейцев, равно как и на примере перуанских изображений II тыс. до н.э. — I тыс. н.э.

Стремление организаторов ритуалов придать зрелищам максимально помпезный характер и тем самым укрепить свой авторитет должно было сыграть роль в создании монументальных изображений из глины и камня в ранних культурах Перу. Каменные плиты с рельефами, обрамляющие углубленную ниже окружающей поверхности площадь перед «древним храмом» в Чавин-де-Уантар, равно как и расписной фриз в атриуме на вершине главной плат-

формы комплекса Гарагай в районе Лимы (вторая половина II тыс. до н.э.), об этом свидетельствуют (рис. 97). Изображения того же характера мы видим на масках индейцев юри из северо-западной Амазонии, сделанных в начале XIX в. (рис. 98). Хотя частные стилистические особенности различаются, сам принцип создания фантастических образов путем комбинации различных антропо- и зооморфных элементов один и тот же.

Рис. 97. Фрагмент полихромного фриза высотой 90 см в святилище на вершине главной платформы комплекса Гарагай близ Лимы, третья четверть II тыс. до н.э. [Fung Pineda 1988: 92], по [Agurto Calvo 1984: 74–75]. Весьма вероятно, что изображены первопредки, напоминающие качина у индейцев пуэбло, чьи костюмы и маски надевали участники ритуалов

Рис. 98. Маски индейцев юри, северо-западная Амазония, начало XIX в., по [Brésil indien 2005: 53]

Добавим, что у индейцев Амазонии и бассейна Ориноко ритуалы, отмечающие посещение мира людей первопредками, нередко включают использование галлюциногенов. В древних обществах андского региона происходило, скорее всего, то же самое.

Как говорилось выше, с середины I тыс. до н.э. в горных районах Перу и Боливии начинает распространяться новая ритуальная практика, связанная с представлениями не о чисто мифических существах, а о конкретных предках определенных родовых подразделений. Останки людей, являвшихся в свое время главами подобных

подразделений, сохранялись и регулярно выносились для обозрения собравшимся. Элементы этой практики могли появиться уже в культуре уари [Isbell 1977: 184–188, 299–300], но господствующей она становится лишь в прединкское время (рис. 99).

Самые ранние башнеобразные «открытые гробницы», предназначенные для хранения мумий умерших вождей, обнаружены

Рис. 99.

1) «Ноябрь, праздник мертвых», рисунок из хроники XVII в., по [Guaman Poma de Ayala 1956: 427]. «В это время, — пишет Гуаман Пома, — умерших вынимают из гробниц, кормят и поят, наряжают в богатые одеяния, голову украшают перьями, поют с ними и танцуют и носят на носилках из дома в дом и по улицам».

2, 3) Погребальные башни с открытым доступом к останкам погребенных в комплексе Эль-Кастильо в Маркауамачуко и в Паукартамбо, близ Куско, по [Isbell 1997, fig. 6.10, 6.2]

в культуре чота-кутерво, где они предположительно датируются III–V вв. н.э. (рис. 54.1). Позже всего (XI–XII вв.) такие гробницы, так называемые чуплы, распространяются на юге Центральных Анд — в бассейне оз. Титикака. Снаружи башни чота-кутерво украшены рельефами (рис. 54.4–12). Более поздние «открытые гробницы» на территории Перу и Боливии не имеют декора и вообще представлены как раз там, где после гибели уари и тиауанако фигуративное изобразительное искусство почти исчезает. Рельефы на плитах из Тиньяш (рис. 55) — чуть ли не единственный пример сохранившихся сюжетных изображений этого времени из горных районов.

Вполне вероятно, что отказ от изображений мифических персонажей стал следствием формирования новой идеологии. Существования, контакт с которыми помогал поддерживать существующий порядок, больше не нуждались в изображении, поскольку являлись, так сказать, во плоти — в виде демонстрируемых собравшимся мумий. Многоэтажность погребальных башен в северных и центральных районах Перу имеет, по мнению У. Исбея, логичное объяснение. Каждый этаж и каждая сторона башни были отведены представителям определенного поколения и определенных родовых подразделений [Isbell 1997: 279–281]. Данная ритуальная практика, как и специфическая система терминов родства и правил, регулирующих брачные отношения [Zuidema 1964], получила распространение только в Центральных Андах и точных аналогий за пределами этой области не находит. Однако она унаследовала главную особенность прежней практики, характерной для южноамериканской культуры в целом. Поддержание существующего порядка требует регулярных и массовых ритуальных действий, призванных обеспечить контакт с существами, которые населяли мир в прошлом. Чем большей властью обладает здравствующий глава родовой группы вплоть до Великого Инки, тем более помпезными должны быть ритуалы.

Что касается распространенной в Южной Америке охоты за головами, то этнографические материалы по эквадорским хиваро и бразильским мундруку свидетельствуют о ее тесной связи с представлениями о плодородии и обилии природных ресурсов. Хотя демонстрация личной доблести являлась важнейшим стимулом, заставлявшим молодых мужчин участвовать в охоте за головами, на уровне общины эта практика была в большей степени связана с ре-

лигиозно-магической сферой, чем с борьбой этнических групп за ресурсы [Harner 1962: 264–266; Murphy 1958: 53–58].

В обществах андского региона непосредственные побуждения к любой организационной активности, отраженной в монументальном строительстве и производстве дорогостоящих неутилитарных изделий, были обусловлены определенными представлениями о мире. Общественная и культовая сферы оставались неразделимы, о чем красноречиво свидетельствует расположение жилищ элиты на вершинах монументальных платформ — там же, где храмы. Что касается интересов отдельных домохозяйств, то они были подчинены интересам общины и находящихся во главе ее лидеров, наделенных сакральной властью. Характерно, что центры с монументальной архитектурой и значительной жилой застройкой вокруг нее часто возникали на пустом месте и существовали не более пяти–шести веков, а порой и намного меньше. Таковы Ла-Флорида, Гальинасо, Санта-Роса, Кауачи, Уакас-де-Моче, Галиндо, Пампа-Гранде, Батан-Гранде, Тукуме, Уари, Маркауамачуко, Пукара, Чан-Чан и многие другие. Нестабильность положения крупнейших храмов с окружающими их поселениями можно объяснить тем, что, в отличие от городов Передней Азии, они возникали в результате не стихийных экономических процессов, а по желанию определенных элитарных групп, руководствовавшихся скорее религиозно-идеологическими, чем экономическими соображениями. Роль поселений в экономике определялась сакральным статусом находящихся в них объектов, и когда этот статус утрачивался, поселения исчезали [Makowski 1996: 74, 77; 2008: 640]. В то же время культовые центры, не имевшие значительного постоянного населения, могли существовать тысячу и более лет, переживая смену культур и сохраняясь в эпохи упадка. Примером служат Сан-Хосе-де-Моро в низовьях Хекетепеке [Swenson 2012] и, разумеется, Пачакамак близ Лимы. В отношении роли хозяйственных и культовых факторов, определяющих стабильность системы поселений, Сузиана скорее похожа на Центральные Анды, чем на соседнюю Месопотамию. Однако Сузиана — это лишь небольшая область, развитие которой протекало самостоятельно очень недолго. После середины IV тыс. до н.э. она всегда оказывалась под властью то Месопотамии, то Элама.

Для Передней Азии, Ирана и сопредельных территорий характерны телли, состоящие из культурных напластований — останцов стен, развалов сырцовых кладки и бытовых отходов. За столетие

накапливается менее 1 м таких отложений. Это означает, что телли высотой около 30 м находятся на месте поселений, существовавших на протяжении как минимум 3 тыс. лет. Высота Телль-Брака составляет 40 м. Столь высоких теллей немного, но скопления культурных остатков высотой 10–15 м в переднеазиатском регионе обычны. Продолжительное существование поселений определяется долговременными экономическими причинами (наличием сельскохозяйственных ресурсов и расположением торговых путей) и естественным нежеланием людей уходить с обжитой территории и оставлять могилы предков. Внешне древние памятники андской области и Центральной Америки порой напоминают ближневосточные телли, но лишь некоторые небольшие «тола» состоят из постепенно накапливавшихся отложений. Все крупные объекты представляют собой искусственные платформы, возведенные одновременно или в несколько приемов.

Свойственные обществам Южной и Центральной Америки особенности социополитической организации, отраженные в особенностях археологических памятников, невозможно объяснить какими-то кардинальными отличиями природных условий данного региона от условий, характерных для Передней Азии. Напротив, условия эти относительно сходны. Только для древних обществ Ближнего и Среднего Востока и Центральных Анд характерно сочетание оазисного земледелия со скотоводством и соседство аллювиальных равнин с горными областями. Также только в этих регионах Древнего мира металлургия появилась рано и самостоятельно. Поэтому остается предположить, что особенности функционирования надобщинных социополитических институтов в древней Южной Америке определялись особенностями функционирования институтов внутриобщинных, сформировавшихся задолго до начала строительства первых земляных платформ и создания первых каменных статуй.

Дуальная организация в сочетании с ритуалами возвращения первопредков и, может быть, праздниками заслуг стимулировала создание и демонстрацию не только монументальных архитектурных объектов, но — с определенного времени — и материальных ценностей, которые можно было накопить или передать (произведения искусства и сокровища). Это должно было способствовать росту общественного неравенства и соответственно укреплению властной иерархии. Что же касается Передней Азии, то здесь при

формировании сложных политических структур горизонтальные связи между мелкими коллективами долгое время имели большее значение, нежели соподчинение лидеров. Элита не была резко отделена от общества и не использовала контроль над престижными ценностями и сакральным знанием в качестве главного инструмента для выстраивания «вертикали власти». Именно поэтому в культурах неолита—энеолита Передней Азии мы не находим ни сокровищ, ни многочисленных произведений фигуративного изобразительного искусства, ни монументальных объектов. Крайнюю форму подобной тенденции демонстрирует, кажется, хараппская культура, однако рассматривать памятники долины Инда не входит в нашу задачу.

Исследованное в 1980—1990-х годах при участии автора этого текста энеолитическое поселение Илгынлы-депе на юге Туркмении [Березкин, Соловьева 1998] — типичный пример древней общины, основанной не на вертикальных, а на горизонтальных связях. Структурно Илгынлы-депе очень похоже на Чатал-хеюк и поселение Телль-Абада убейдской культуры Месопотамии. При числе жителей не менее 1,5 тыс. на Илгынлы-депе отсутствовали специализированные общественно-культовые объекты, а погребения содержали минимум инвентаря. В то же время в жилых помещениях домохозяйств обнаружено множество объектов ритуального назначения. Здесь же найдены большие сосуды, в которых, скорее всего, хранились запасы зерна, достаточные для того, чтобы накормить десятки людей. Сеть горизонтальных связей между домохозяйствами, а не наделенная сакральным статусом управленческая вертикаль и была той структурой, которая обеспечивала единство общины. Интересно, что на юге Туркмении с опозданием на 3 тыс. лет прослеживается тот же переход от поселений со специализированными общественно-культовыми зданиями (они найдены на поселениях Песседжик-депе и Чагыллы-депе джейгунской культуры VI тыс. до н.э.) [Бердыев 1970; Mellaart 1975: 213] к поселениям, в которых подобных зданий вовсе не было. Мало сомнений в том, что решения в таких случаях принимались не отдельными лидерами, а путем обсуждения вопросов представителями домохозяйств.

В любом обществе элита имеет ограниченный выбор стратегий, обеспечивающих ее доминирование. Это контроль над продовольственными ресурсами (“staple finance”), продуктами престижного потребления (“wealth finance”) [D’Altroy, Earle 1985]

и эзотерическим знанием. Особенности археологических памятников Передней Азии эпохи неолита и энеолита указывают на то, что местная элита контролировала прежде всего сферу производства и массового потребления. Если бы политические структуры были основаны на контроле за престижным потреблением и эзотерическим знанием, мы бы наверняка обнаружили на памятниках Передней Азии VI—V тыс. до н.э. захоронения с экзотическим и дорогостоящим инвентарем и, скорее всего, многочисленные произведения фигуративного изобразительного искусства, а культовые сооружения резко бы отличались по размеру и виду от жилых построек.

Как именно и почему в IV тыс. до н.э. в Месопотамии ситуация стала меняться и монументальные сооружения начали строиться, еще предстоит выяснить. Что конкретно заставляло обитателей Нижней Месопотамии и Сузианы переселяться в крупные центры, пока тоже трудно определить. Однако беспрецедентную концентрацию населения в районе Урука во второй половине IV тыс. до н.э. [Adams 1981: 69] можно рассматривать как знак того, что «вертикаль власти» еще оставалась слабой. Соответственно было невозможно организовать управление десятками тысяч людей, рассеянными на большой территории. Кроме того, если сравнивать с побережьем Перу, в период расцвета урукской культуры размеры монументальных сооружений в Нижней Месопотамии остаются невелики по отношению к численности населения, а сокровища отсутствуют или по крайней мере настолько редки, что до сих пор их не удалось обнаружить.

То, что развитие сложных обществ в Америке и Передней Азии шло по-разному, видно каждому, кто хотя бы поверхностно знаком с соответствующими археологическими материалами. Однако долгое время если о подобных различиях и шла речь, то подчеркивалась главным образом ограниченность технологической базы американских обществ по сравнению с евразийскими, в частности отсутствие скотоводства [Sherratt 1981]. Это неверно — в Центральных Андах скотоводство не только возникло, но и быстро достигло стадии использования вторичных продуктов. Кроме того, технология лишь в редких случаях могла прямо влиять на особенности политической организации. Существующий уровень технологического развития в сочетании с размерами природных ресурсов определяет границы роста, но не формы общественного устройства. Поэтому кажется вероятным, что к моменту появления древнейших сложных обществ

в Америке и на Ближнем Востоке характерные для этих регионов формы социальной организации давно сложились. Наличие фратрий, институционального разделения полов и «праздников заслуг» в форме антагонистического соревнования соперничающих лидеров и групп можно предполагать у ранних мигрантов в Новый Свет, но вряд ли у верхнепалеолитических обитателей Передней Азии. Что касается культуры Верхнего Евфрата времен Гёбекли-тепе, то она пока является уникальным явлением для своего региона, а репертуар местного искусства (сочетание изображений животных, геометрических символов и причудливых антропоморфных фигур) находит больше параллелей в искусстве верхнего палеолита Европы, чем в неолите и энеолите Передней Азии. Свидетельств существования дуальной системы в Гёбекли нет. Что касается праздников заслуг и ритуалов посещения людей первопредками, то, если они в этом обществе и имели место, их конкретные формы наверняка значительно отличались от характерных для Нового Света.

В догосударственную эпоху как в Америке, так и в Передней Азии интеграция коллективов происходила путем их приобщения к определенным культам, а контроль над хозяйственной деятельностью являлся важной функцией храмовых центров. Но если ранние храмы Месопотамии регулировали главным образом производство продуктов массового потребления [Маккау 1983], то перуанские — монументальное строительство и производство престижных изделий (дорогих тканей, изделий из золота и т.п.).

Более значительной ролью религиозной идеологии как фактора, обеспечивающего политическое единство в Андах по сравнению с Передней Азией, можно объяснить меньшую стабильность американских обществ по сравнению с переднеазиатскими. В Сирии и Месопотамии начиная по крайней мере с VI тыс. до н.э. развитие шло хотя и медленно, но по восходящей без срывов и отступлений вплоть до становления Шумерской цивилизации, известной по историческим источникам. События рубежа IV и III тыс. до н.э., связанные с концом урукской культуры, началом периода джемдетнасер в Нижней Месопотамии и возвышением протоэламской цивилизации, не привели к обрыву самой традиции государственности. Безусловно, распад сложных социополитических организмов и деурбанизация не обошли стороной также и древние общества Ближнего и Среднего Востока. Однако подобные процессы в Леванте, Иране, Южной Туркмении и долине Инда, имевшие

место в конце III — первой половине II тыс. до н.э., скорее всего, явились прямым следствием иссушения климата и физической невозможности снабжать водой и едой тысячи людей, сосредоточенных на небольшой территории. Климат Северного полушария стал суше и холоднее около 2200 до н.э. и оставался таким не менее 300 лет [Иванова и др. 2011: 125–126]. В Америке влиянием засухи можно объяснить лишь оставление Тиауанако, если оно действительно произошло в начале XII в., а не раньше. Общества перуанского побережья время от времени испытывали тяжелые удары стихии в виде цунами, эль-ниньо и тектонической активности. Это, однако, лишь приводило к гибели одних центров и возвышению других, а не к долговременному и повсеместному упадку. Подобный упадок, дважды случившийся в истории Центральных Анд, можно объяснить только кризисом идеологических основ древних обществ.

Исследования последних десятилетий показывают, насколько по-разному шло становление сложных обществ в Америке и на Ближнем Востоке. В обоих случаях значительный рост социально-политической сложности был невозможен без перехода к производящему хозяйству, но процесс изменений имел собственный импульс. Усложнение общества началось до появления земледелия и тем более до его превращения в ведущую отрасль экономики. Различия в динамике политогенеза в первичных очагах образования государств в Старом и Новом Свете связаны с различием не столько природной среды, сколько культурных традиций. Как, когда и почему эти традиции приобрели свойственные им черты — вопрос особый.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Башилов В.А.* 1972. Древние цивилизации Перу и Боливии. М.: Наука. 211 с.
- Башилов В.А.* 1999. «Неолитическая революция» в Центральных Андах. Две модели палеоэкономического процесса. М.: Наука. 207 с.
- Бердыев О.К.* 1970. Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений // Каракумские древности. № 3. С. 14–32.
- Березкин Ю.Е.* 1978. Две группы иноплеменников на изображении мочика (Перу) // Советская этнография. № 1. С. 126–137.
- Березкин Ю.Е.* 1983. Мочика. Цивилизация индейцев северного побережья Перу в I–VII вв. Л.: Наука. 165 с.
- Березкин Ю.Е.* 1994. Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // Кунсткамера: этнографические тетради. Вып. 4. С. 5–19
- Березкин Ю.Е.* 1995. Модели среднemasштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток: Дальнаука. С. 94–104.
- Березкин Ю.Е.* 2000. У истоков месопотамской письменности и государства // Археологические вести. Вып. 7. С. 334–338.
- Березкин Ю.Е.* 2002. Рец. на: Gender in Amazonia and Melanesia. An Exploration of the Comparative Method. Berkeley; Los Angeles; L., 2001. 392 p. // Этнографическое обозрение. № 6. С. 172–177.
- Березкин Ю.Е.* 2005. Некоторые тенденции в глобальном пространстве комплексов фольклорно-мифологических мотивов // Ad hominem. Памяти Николая Гиренко. СПб.: МАЭ РАН. С. 131–156.
- Березкин Ю.Е.* 2006. Рец. на: Coming to Shore. Northwest Coast Ethnology, Traditions, and Visions / Ed. by M. Mauzé, M.E. Harkin, S. Kan. Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 2004. 508 p. // Антропологический форум. № 7. С. 374–383.
- Березкин Ю.Е.* 2007. Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М.: Объединенное гуманитарное изд-во. 359 с.
- Березкин Ю.Е., Соловьева Н.Ф.* 1998. Парадные архитектурные комплексы Илгынылы-депе // Археологические вести. Вып. 5. С. 86–123.
- Гринин Л.Е.* 2006. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство и его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель. С. 85–163.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* 2012. Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ // Политическая антропология традици-

онных и современных обществ. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет. С. 92–123.

Джонсон Г.А. 1986. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем (приложение к этнологии и археологии) // Древние цивилизации Востока. Ташкент: Фан. С. 92–103.

Дэвлет Е.Г. 2000. Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки. М.: Научный мир. 248 с.

Иванова С.В., Куосак Д.В., Виноградова Е.И. 2011. Модели жизнедеятельности населения Северо-Западного Причерноморья и климатические аномалии (6200–2000 лет до н.э.) // Stratum plus. Вып. 2. С. 101–140.

Карнейро Р. 2006. Теория происхождения государства // Раннее государство и его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель. С. 55–70.

Корневский С.Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность. М.: Наука. 244 с.

Корниенко Т.В. 2002. Храмы северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // Вестник древней истории. № 2. С. 92–113.

Корниенко Т.В. 2006. Первые храмы Месопотамии. СПб.: Алетейя. 312 с.

Корниенко Т.В. 2011. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // Археологические вести. Вып. 17. С. 70–95.

Мунчаев Р.М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука. 415 с.

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., Магомедов Р.Г. 2010. Восточный Кавказ и проблема кавказско-месопотамских связей в IV–III до н.э. // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала: Наука ДНЦ. С. 316–334.

Мунчаев Р.М., Мернерт Н.Я., Амиров Ш.Н. 2010. Открытие погребений урукской культуры в Тель Хазне II // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала: Наука ДНЦ. С. 335–343.

Рысин М.Б. 2012. Проблемы хронологии и периодизации майкопских памятников Северного Кавказа (радиоуглеродные датировки и традиционная археологическая хронология) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН. Кн. 2. С. 107–112.

Салинз М. 1999. Экономика каменного века. М.: О.Г.И. 294 с.

Шмидт К. 2011. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб.: Алетейя. 319 с.

- Abu es-Soof A.* 1968. Tell es-Sawwan excavations (fourth season) // *Sumer*. Vol. 24. No. 1–2. P. 3–16.
- Adams R.N.* 1975. *Energy and Structure. A Theory of Social Power*. Austin; L.: University of Texas Press. 353 p.
- Adams R.M.* 1981. *Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlements and Land Use of the Central Floodplain of the Euphrates*. Chicago; L.: University of Chicago Press. 362 p.
- Agurto Calvo S.* 1984. *Lima prehispanica*. Lima: Municipalidad de Lima metropolitana. 177 p.
- Akkermans P.* 1989. The Neolithic of the Balikh Valley, Northern Syria: a first assessment // *Paléorient*. Vol. 15. No. 1. P. 122–134.
- al-A'dami K.A.* 1968. Excavations at Tell es-Sawwan (second season) // *Sumer*. Vol. 24. No. 1–2. P. 57–94.
- Aldenderfer M., Craig N.M., Speakman R.J., Popelka-Filcoff R.* 2008. Four-thousand-year-old gold artifacts from the Lake Titicaca basin, southern Peru // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 105. No. 13. P. 2002–2005.
- Alon D., Levy T.E.* 1989. The archaeology of cult and the Chalcolithic sanctuary at Gilat // *Journal of Mediterranean Archaeology*. Vol. 2. No. 2. P. 163–221.
- Alva Meneses I.* 2008. Los complejos de Cerro Ventarrón y Collud-Zarpán: del Prececerámico al Formativo en el valle de Lambayeque // *Boletín de Arqueología PUCP*. Vol. 12. P. 261–286.
- Alva Meneses I.* 2013. The cultural history of the Lambayeque region on the North Coast of Peru during the Formative Period // *Chavín. Peru's Enigmatic Temple in the Andes*. Zurich: Museum Rietberg, Verlag Schneider & Speiss. P. 61–70.
- Alva W., Donnan C.* 1993. *Royal Tombs of Sipán*. Los Angeles: University of California. 229 p.
- Amico J.C.* 2010. City planning and architecture in the analysis of Moche social formation // *New Perspectives on Moche Political Organization*. Washington: Dumbarton Oaks. P. 159–180.
- Anders M.B.* 1989. Evidence for the dual socio-political organization and administrative structure of the Wari state // *The Nature of Wari*. Oxford: British Archaeological Research International Series. Vol. 525. P. 35–52.
- Anton F.* 1972. *Alt Peru und Seine Kunst*. Leipzig: E.A. Seeman Verlag. 374 S.
- Anton F.* 1984. *Altindianische Textilkunst aus Peru*. Leipzig: E.A. Seeman Verlag. 236 S.
- Arbuckle B.S., Makarewicz C.A.* 2009. The early management of cattle (*Bos taurus*) in Neolithic central Anatolia // *Antiquity*. Vol. 83. No. 321. P. 669–686.

- Arkush E.* 2008. War, chronology and causality in the Titicaca Basin // *Latin American Antiquity*. Vol. 19. No. 4. P. 339–373.
- Arriola Tuní C.A., Tesar L.D.* 2011. The Pikillacta 2004 Eastern Gate offering pit // *Ñawpa Pacha*. Vol. 31. No. 1. P. 1–44.
- Aruz J.* 2002. Power and protection: a little Proto-Elamite silver bull pendant // *Leaving no Stones Unturned: Essays on the Ancient Near East in honor of Donald P. Hansen*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns. P. 1–14.
- Ataliva V.H.* 2000. Nota sobre dualidad simbólica en Aguada. Un caso de estudio: La túnica hallada en San Pedro de Atacama, Chile // *Estudios Atacameños*. Vol. 20. P. 67–75.
- Aurenche O.* 1981. Essai de démographie archéologique. L'exemple des villages du Proche Orient ancien // *Paléorient*. Vol. 7. No. 1. P. 93–105.
- Aurenche O.* 1984. Mesopotamian architecture from the 7th to the 4th millennia // *Sumer* 42. No. 1–2. P. 71–80.
- Aurenche O., Galet P., Régagnon-Caroline E., Évin J.* 2001. Proto-Neolithic and Neolithic cultures in the Middle East — the birth of agriculture, livestock raising, and ceramics: a calibrated ¹⁴C chronology 12,500–5500 cal BC // *Radiocarbon*. Vol. 43. No. 3. P. 1191–1202.
- Balossi Restelli F.* 2010. Extended families and nuclear families. Daily life and the use of domestic space in the Ubaid and post-Ubaid communities: the case of Malatya Plain (Eastern Turkey) // *Origini*. Vol. 32. P. 189–201.
- Baraybar J.P.* 1987. Cabezas trofeo Nasca: nuevas evidencias // *Gaceta Arqueológica Andina*. Vol. 4. No. 15. P. 6–10.
- Bauer B.S.* 1992. *The Development of the Inca State*. Austin: University of Texas Press. 185 p.
- Bauer B.S., Covey R.A.* 2002. Processes of state formation in the Inca heartland (Cuzco, Peru) // *American Anthropologist*. Vol. 104. No. 3. P. 846–864.
- Bawden G.* 1982. Galindo: a study in cultural transition during the Middle Horizon // *Chan Chan: Andean Desert City*. Albuquerque: University of New Mexico Press. P. 285–320.
- Bawden G.* 2001. The symbols of Late Moche social transformations // *Moche Art and Archaeology in Ancient Peru*. Washington: National Gallery of Art. P. 285–305.
- Beale T.W.* 1978. Bevelled rim bowls and their implications for change and economic organization in the later fourth millennium B.C. // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 37. No. 4. P. 289–313.
- Bennett W.C.* 1944. *The North Highlands of Peru. Excavations in the Callejón de Huaylas and at Chavín de Huántar*. N. Y.: The American Museum of Natural History. 114 p.

- Berenguer J.R. 1985.* Evidencias de inhalación de alucinógenos en esculturas Tiwanaku // Revista Chungara. Vol. 14. P. 61–69.
- Berenguer J.R. 1987.* Consumo nasal de alucinógenos en Tiwanaku: una aproximación iconográfica // Boletín del Museo Chileno de Arte Precolombino. Vol. 2. P. 33–53.
- Berenguer J.R. 2000.* Tiwanaku. Señores del Lago Sagrado. Santiago: Museo Chileno del Arte Precolombino. 106 p.
- Beresford-Jones D.G., Arce S.T., Whaley O.Q., Chepstow-Lusty A.J. 2009.* The role of prosopis in ecological and landscape change in the Samaca Basin, Lower Ica Valley, South Coast Peru from the Early Horizon to the Late Intermediate Period // Latin American Antiquity. Vol. 20. No. 2. P. 303–332.
- Berezkin Yu. 1981.* An identification of anthropomorphic mythological personages in Moche representations // Nawpa Pacha. Vol. 18. P. 1–26.
- Berezkin Yu. 2002.* Review of “Thomas A. Gregor & Donald Tuzin eds. Gender in Amazonia and Melanesia. An Exploration of the Comparative Method. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2001. 392 p.” // Latin American Indian Literatures Journal. Vol. 18. No. 1. P. 84–91.
- Bernal Rodríguez V.F. 2006.* Influencias norteñas en la iconografía Casma: Un análisis comparativo // Revista Electrónica de Arqueología PUCP. Vol. 1. No. 3. P. 1–30.
- Berryman C.A. 2010.* Food, Feasts, and the Construction of Identity and Power in Ancient Tiwanaku: a Bioarchaeological Perspective: Ph.D. thesis. Nashville: Vanderbilt University. 348 p.
- Billman B.R. 2006.* The evolution of prehistoric political organizations in the Moche Valley, Peru: Ph.D. thesis. Santa Barbara: University of California. 385 p.
- Bird J.B. 1963.* Pre-ceramic art from Huaca Prieta, Chicama Valley // Nawpa Pacha. Vol. 1. P. 29–34.
- Bird R. 1987.* A postulated tsunami and its effects on cultural developments in the Peruvian Early Horizon // American Antiquity. Vol. 52. No. 2. P. 295–303.
- Bischof H. 1994.* Toward the definition of Pre- and Early Chavin art styles in Peru // Andean Past. Vol. 4. P. 169–228.
- Bischof H. 2009.* Los períodos Arcaico Tardío, Arcaico Final y Formativo Temprano en el valle de Casma: evidencias e hipótesis // Boletín de Arqueología PUCP. Vol. 13. P. 9–54.
- Blasco Bosqued M.C., Ramos L.J.G. 1976.* Figuras de la cultura Bahía (Ecuador) en el Museo de América de Madrid // Cuadernos de Prehistoria y Arqueología. Vol. 3. P. 41–60.
- Bogaard A. et al. 2009.* Private pantries and celebrated surplus’ storing and sharing food at Neolithic Çatalhöyük, Central Anatolia // Antiquity. Vol. 83. No. 321. P. 649–668.

- Bonavía D. 1968a.* Núcleos de población de la Ceja de Selva de Ayacucho (Perú) // Actas y Memorias del 37 Congreso Internacional de Americanistas. Buenos Aires. T. 1. P. 75–83.
- Bonavía D. 1968b.* Villas del Horizonte Tardío en la Ceja de Selva del Perú // Actas y Memorias del 37 Congreso Internacional de Americanistas. Buenos Aires. T. 1. P. 153–158.
- Bonavía D. 1969.* Die Ruinen von Abeseo // Bild der Wissenschaft (Stuttgart), Jahrgang 1969. S. 931–939.
- Bonavía D. 1972.* La Ceja de Selva: colonizadores y avanzadas // Pueblos y Culturas de la Sierra Central del Perú. Lima: Cerro de Pasco Corporation. P. 91–99.
- Bonavía D. 1985.* Mural Paintings in Ancient Peru. Bloomington: Indiana University Press. 224 p.
- Bonavía D. 1991.* Perú. Hombre e Historia. Lima: Edubanco. 586 p.
- Bonnier E. 1988.* Piruru: nuevas evidencias de ocupación temprana en Tantamayo, Perú // Gaceta Arqueológica Andina. Vol. 2. No. 8. P. 8–9.
- Bonnier E., Rosenberg C. 1988.* Del santuario al caserío. Acerca de la neolitización en la cordillera de los Andes Centrales // Bulletin de l’Institut Français d’Études Andines. Vol. 17. No. 2. P. 23–40.
- Bouchard J.-F. 1987.* Arqueología de la región de Tumaco, Colombia // Gaceta Arqueológica Andina. Vol. 4. No. 15. P. 26–30.
- Bourget S. 2010.* Cultural assignments during the Early Intermediate Period. The case of Huancaco // New Perspectives on Moche Political Organization. Washington: Dumbarton Oaks. P. 201–222.
- Bray T.L. 1992.* Archaeological survey in Northern Highland Ecuador: Inca imperialism and the Pais Caranqui // World Archaeology. Vol. 24. No. 2. P. 218–233.
- Bray T.L. 2008a.* Late Prehispanic chiefdoms of Highland Ecuador // Handbook of South American Archaeology. N. Y.: Springer. P. 527–543.
- Bray T.L. 2008b.* The role of chicha in Inca state expansion: a distributional study of Inca aríbalos // Drink, Power, and Society in the Andes. Gainesville: University of Florida Press. P. 108–132.
- Brennan C.T. 1982.* Cerro Arena: origins of the urban tradition on the Peruvian North Coast // Current Anthropology. Vol. 23. No. 3. P. 247–254.
- Brésil indien. 2005.* Brésil indien. Les arts des Amérindiens du Brésil. Paris: Réunion des musées nationaux. 67 p.
- Browman D.L. 1998.* Lithic provenience analysis and emerging material complexity at Formative Period Chiripa, Bolivia // Andean Past. Vol. 5. P. 301–324.
- Brown M.F. 1978.* From the hero’s bones: three Aguaruna hallucinogens and their uses // Anthropological Papers, Museum of Anthropology, University of Michigan. Vol. 67. P. 119–136.

- Brown M.F.* 1985. Tsewa's Gift. Magic and Meaning in an Amazonian Society. Washington; L.: Smithsonian Institution Press. 220 p.
- Brustolon A., Rova E.* 2007. The Late Chalcolithic Period in the Tell Leilan region: a report on the ceramic material of the 1995 survey // *Kaskal. Rivista di storia, ambienti e culture del Vicino Oriente Antico*. Vol. 4. P. 1–42.
- Burger R.L.* 1984. The Prehistoric Occupation of Chavín de Huántar, Peru. Berkeley, Los Angeles: University of California Press. 403 p.
- Burger R.L.* 1988. Unity and heterogeneity within the Chavin Horizon // *Peruvian Prehistory* / ed. Richard E. Keatinge. Cambridge: Cambridge University Press. P. 99–144.
- Burger R.L.* 1995. Chavin and the Origins of Andean Civilization. L.: Thames and Hudson. 248 p.
- Burger R.L.* 1996. Chavin // *Andean Art at Dumbarton Oaks*. Vol. 1. Washington: Dumbarton Oaks. P. 45–86.
- Burger R.L.* 2008. Chavin de Huantar and its sphere of influence // *Handbook of South American Indians*. Washington: Smithsonian Institution. Vol. 2. P. 681–703.
- Burger R.L.* 2011. What kind of hallucinogenic stuff was used at Chavin de Huantar? An iconographic identification // *Ñawpa Pacha*. Vol. 31. No. 2. P. 123–140.
- Burger R.L., Gordon R.B.* 1998. Early Central Andean metalworking from Mina Perdida, Peru // *Science*. Vol. 282. P. 1108–1111.
- Burton M., Levy T.E.* 2001. The Chalcolithic radiocarbon record and its use in Southern Levantine archaeology // *Radiocarbon*. Vol. 43. No. 3. P. 1223–1246.
- Burger R., Salazar-Burger L.* 1980. The second season of investigations at the Initial Period center of Cardal, Peru // *Archaeology*. Vol. 33. No. 6. P. 26–32.
- Burger R., Salazar-Burger L.* 1985. The early ceremonial center of Huaricoto // *Early Ceremonial Architecture in the Andes*. Washington: Dumbarton Oaks. P. 111–135.
- Burger R., Salazar-Burger L.* 1986. The organizational diversity in the Peruvian Highlands: Huaricoto and Kotosh // *Andean Archaeology*. Los Angeles: University of California. P. 65–82.
- Burger R., Salazar-Burger L.* 1991. The second season of investigations at the Initial Period center of Cardal, Peru // *Journal of Field Archaeology*. Vol. 18. No. 3. P. 275–296.
- Burger R., Salazar-Burger L.* 1993. The place of dual organization in early Andean ceremonialism: a comparative review // *Senri Ethnological Studies*. Vol. 37. P. 97–116.

- Busch R.A.* 2009. Hilltop archaeology: ceremony and ritual at the site of Cerro Santa Rita, Chao Valley, Peru: Ph.D. thesis. Denver: University of Denver. 243 p.
- Byrd B.E.* 2005. Reassessing the emergence of village life in the Near East // *Journal of Archaeological Research*. Vol. 13. No. 3. P. 231–290.
- Cadavid G.C.* 1986. Trabajos de restauración en Pueblito (Sierra Nevada de Santa Marta) // *Boletín de Arqueología*. Vol. 1. No. 3. P. 54–63.
- Cadavid G.C., Groot de Mahecha A.M.* 1984. Arqueología y conservación de una población precolombina (Sierra Nevada de Santa Marta — Colombia) // *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. Bd. 4. P. 255–293.
- Calvet Y.* 1985. Le début de la période obéide en Mésopotamie du Sud // *De l'Indus au Balkans*. Paris: Recherche sur les civilisations. P. 249–260.
- Campá Soler R.* 1970. Vicús-Pabur // *Zeitschrift für Ethnologie*. Bd. 95. No. 1. S. 78–97.
- Canziani J.* 2009. Arquitectura y urbanismo paracas // *Boletín del Museo de Arqueología y Antropología (Lima)*. Vol. 7. No. 1. P. 8–9.
- Cardale Schrimppff M.* 2005. Calima and Malagana: Art and Archaeology in Southwestern Colombia. Bogotá: Pro Calima Foundation. 304 p.
- Carneiro R.* 1970. A theory of the origin of the state // *Science*. Vol. 169. P. 733–738.
- Carneiro R. L.* 1981. The chiefdom: precursor of the state // *The Transition to Statehood in the New World*. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press. P. 37–79.
- Carneiro R.* 1987. Cross-currents in the theory of state formation // *American Ethnologist*. Vol. 14. No. 4. P. 756–770.
- Carneiro R.* 2012. The circumscription theory: a clarification, amplification, and reformulation // *Social Evolution and History*. Vol. 11. No. 2. P. 5–30.
- Carrion Cachot R.* 1948. La Cultura Chavin. Lima: reimpreso de la Revista Nacional de Antropología y Arqueología. 82 p.
- Carrion Cachot R.* 1959. Religión en el Antiguo Perú. Norte y Centro de la Costa, Período Postclásico. Lima: Tipografía Peruana. 150 p.
- Castaño C.U.* 1987. La vivienda y el enterramiento como unidades de interpretación: anatomía de dos casos de transición del modelo de cacicazgo // *Chiefdoms in the Americas*. Lanham, MD; L.: University Press of America. P. 231–249.
- Castillo L.J.* 2010. Moche politics in the Jequetepeque Valley // *New Perspectives on Moche Political Organization*, Washington: Dumbarton Oaks. P. 83–109.
- Castillo L.J., Uceda Castillo S.* 2008. The Mochicas // *Handbook of South American Archaeology*. N. Y.: Springer. P. 707–729.

- Cauvin J.* 1994. Naissance des divinités, naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. P.: CNRS Éditions. 304 p.
- Cavatrunci C.* 1990. Cajamarquilla: un centre urbain de la Côte Centrale // Inca — Pérou. 3000 Ans d'Histoire. Gent: Imschoot. P. 224–235.
- Çelik B.* 2011. Karahan Tepe: a new cultural centre in the Urfa area in Turkey // *Documenta Praehistorica*. Vol. 38. P. 241–253.
- Chapdelaine C.* 2001. The growing power of a Moche urban class // *Moche Art and Archaeology in Ancient Peru*. P. 69–87.
- Chapdelaine C.* 2010. Moche political organization in the Santa Valley // *New Perspectives on Moche Political Organization*. Washington: Dumbarton Oaks. P. 252–279.
- Chapdelaine C.* 2011. Recent advances in Moche archaeology // *Journal of Archaeological Research*. Vol. 19. P. 191–231.
- Charvát P.* 1981. The Kish evidence and the emergence of states in Mesopotamia // *Current Anthropology*. Vol. 22. No. 6. P. 686–688.
- Chávez S.J.* 1985. Funerary offerings from a Middle Horizon context in Pomacanchi, Cuzco // *Ñawpa Pacha*. Vol. 22–23. P. 1–48.
- Chu Barrera A.J.* 2011. Household Organization and Social Inequality at Bandurria, a Late Preceramic Village in Huaura, Peru: Ph.D. thesis. Pittsburg: University of Pittsburg. 552 p.
- Church W.B., Hagen A. von.* 2008. Chachapoyas: cultural development at an Andean cloud forest crossroads // *Handbook of South American Archaeology*. N. Y.: Springer. P. 903–926.
- Clement C.R., Cristo-Araújo M. de, Coppens d'Eechebrugge G., Alves-Pereira A., Picanço-Rodrigues D.* 2010. Origin and domestication of native Amazonian crops // *Diversity*. Vol. 2. P. 72–196.
- Cohen A.B.* 2010. Ritual and architecture in the Titicaca Basin: The development of the sunken court complex in the Formative Period. Los Angeles: University of California. 484 p.
- Conklin W.J.* 1978. The revolutionary weaving inventions of the Early Horizon // *Ñawpa Pacha*. Vol. 16. P. 1–12.
- Constenla A.U.* 1995. Sobre el estudio diacrónico de las lenguas chibchenses y su contribución al conocimiento del pasado de sus hablantes // *Boletín del Museo del Oro*. Vol. 38–39. P. 3–56.
- Cook A.G.* 1985. The Middle Horizon ceramic: offerings from Conchopata // *Ñawpa Pacha*. Vol. 22–23. P. 49–90.
- Cooke R.* 2005. Prehistory of Native Americans on the Central American land bridge: colonization, dispersal, and divergence // *Journal of Archaeological Research*. Vol. 13. No. 2. P. 129–187.
- Coquegniot É., Wright H.T.* 2009. Débat autour de l'article d'A. Testart "Des crânes et de vautours ou la guerre oubliée" (*Paléorient*. Vol. 34.1) // *Paléorient*. Vol. 35. No. 1. P. 105–136.

- Cordy-Collins A.* 1977. Chavin art: its shamanistic/hallucinogenic origins // *Pre-Columbian Art History: Selected Papers*. Palo Alto: San Diego Mesa College. P. 353–362.
- Cordy-Collins A.* 1982. Psychoactive painted Peruvian plants. The shamanism textile // *Journal of Ethnobiology*. Vol. 2. No. 2. P. 144–153.
- Cordy-Collins A.* 1992. Archaism or tradition: the decapitation theme in Cupisnique and Moche iconography // *Latin American Antiquity*. Vol. 3. No. 2. P. 206–220.
- Cordy-Collins A.* 2001. Labretted ladies: foreign women in Northern Moche and Lambayeque art // *Moche Art and Archaeology in Ancient Peru*. Washington: National Gallery of Art. P. 247–257.
- Coşkun A., Benz M., Erdal Y.S., Koruyucu M.M., Deckers K., Riehl S., Siebert A., Alt K.W., Özkaya V.* 2010. Living by the water — boon and bane for the people of Körtik Tepe // *Neo-Lithic*. No. 2. P. 59–70.
- Couture N.C.* 2002. The construction of power: Monumental space and elite residence at Tiwanaku, Bolivia: Ph.D. thesis. Chicago: The University of Chicago. 407 p.
- Covarrubias M.* 1954. The Eagle, the Jaguar, and the Serpent. *Indian Art of the Americas*. North America: Alaska, Canada, the United States. N. Y.: Alfred A. Knopf. 314 p.
- Covey R.A.* 2003. A processual study of Inka state formation // *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 22. P. 333–357.
- Covey R.A.* 2009. How the Incas Built their Heartland. *State Formation and the Innovation of Imperial Strategies in the Sacred Valley, Peru*. Ann Arbor: The University of Michigan Press. 333 p.
- Craig N.* 2011. Cultural dynamics, climate, and landscape in the south-central Andes during the Mid-Late Holocene // *Revista Chungara*. Vol. 34. No. 1. P. 367–391.
- Creamer W., Haas J.* 1985. Tribes versus chiefdoms in Lower Central America // *American Antiquity*. Vol. 50. No. 4. P. 738–754.
- Creamer W., Ruiz A., Haas J.* 2007. Archaeological Investigation of Late Archaic Sites (3000–1800 B.C.) in the Pativilca Valley, Peru. Chicago: Field Museum of Natural History. 79 p.
- Cubillos J.C.* 1980. *Arqueología de San Agustín. El Estrecho, El Parador y Mesita C.* Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales. 174 p.
- Cubillos J.C.* 1986. *Arqueología de San Agustín. Alto de El Purutal.* Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales. 106 p.
- Daggett R.E.* 1987. Reconstructing the evidence for Cerro Blanco and Punkuri // *Andean Past* 1: 111–132.

D'Altroy T.N., Earle T.K. 1985. Staple finance, wealth finance, and storage in the Inka political economy // *Current Anthropology*. Vol. 26. No. 2. P. 187–206.

Damp J.E., Vargas P. 1995. The many contexts of Early Valdivia ceramics // *The Emergence of Pottery*. Washington; L.: Smithsonian Institution Press. P. 157–168.

Dayago-Mendels M., Rozenberg S. (eds). 2010. Chronicles of the Land. Archaeology in The Israel Museum, Jerusalem. Jerusalem: The Israel Museum. 352 p.

DeBoer W. 1996. Traces behind the Esmeraldas Shore. Prehistory of the Santiago-Cayapas Region, Ecuador. Tuscaloosa; L.: The University of Alabama Press. 234 p.

Delgado-Espinoza F. 2002. Intensive agriculture and political economy in the Yaguachi Chiefdom of the lower Guayas Basin, Coastal Ecuador: Ph.D. thesis. Pittsburg: University of Pittsburg. 207 p.

Diessl W.G. 1989. Tecnología formativa // *Revindi*. Vol. 4. P. 35–73.

Dillehay T.D. et al. [29 фамилий] 2012. Chronology, mound-building and environment at Huaca Prieta, coastal Peru, from 13 700 to 4000 years ago // *Antiquity*. Vol. 86. No. 331. P. 48–70.

Dillehay T.D., Kolata A.L. 2004. Long-term human response to uncertain environmental conditions in the Andes // *Publications of the National Academy of Sciences of the USA*. Vol. 101. No. 12. P. 4325–4330.

Dillehay T.D., Rossen J., Netherly P.J. 1997. The Nanchoc tradition: the beginnings of Andean Civilization // *American Scientist*. Vol. 85. No. 1. P. 46–55.

Dillehay T.D., Rossen J., Ugent D., Karathanasis A., Vásquez V. Netherly P.J. 2010. Early Holocene coca chewing in northern Peru // *Antiquity*. Vol. 84. No. 326. P. 939–953.

Disselhoff H.D. 1971. Vicús. Eine neu entdeckte altperuanische Kultur. Berlin: Gebr. Mann Verlag. 57 S.

Dockstader F.J. 1967. Indian Art in South America. N. Y.: New York Graphic Society. 222 p.

Donnan C.B. 2001. Moche ceramic portraits // *Moche Art and Archaeology in Ancient Peru*. Washington: National Gallery of Art. P. 127–139.

Donnan C.B. 2010. Moche state religion. A unifying force in Moche political organization // *New Perspectives on Moche Political Organization*. Washington: *Dumbarton Oaks*. P. 47–69.

Donnan C.B., McClelland D. 1999. Moche Fineline Painting. Los Angeles: UCLA Fowler Museum of Cultural History. 319 p.

Drennan R.D. 1976. Religion and social evolution in Formative Mesoamerica // *The Early Mesoamerican Village*. N. Y.: Academic Press. P. 345–368.

Drennan R.D. 2008. Chiefdoms of Southwestern Colombia // *Handbook of South American Archaeology*. N. Y.: Springer. P. 381–403.

Drennan R.D., Jaramillo L.G., Ramos E., Sánchez C.A., Ramírez M.A., Uribe C.A. 1991. Regional dynamics of chiefdoms in the Valle de la Plata, Colombia // *Journal of Field Archaeology*. Vol. 18. No. 3. P. 297–317.

Drennan R.D., Peterson C.E., Fox J.R. 2010. Degrees and kinds of inequality // *Pathways to Power. New Perspectives on the Emergence of Social Inequality*. N. Y. et al.: Springer. P. 45–56.

Dulanto J. 2008. Between horizons: diverse configurations of society and power in the late pre-Hispanic Central Andes // *Handbook of South American Archaeology*. N. Y.: Springer. P. 761–782.

Duque Gómez L., Cubillos J.C. 1983. Arqueología de San Agustín. Exploraciones y trabajos de reconstrucción en las Mesitas A y B. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales. 139 p.

Düring B.S. 2011. The Prehistory of Asia Minor. From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies. Cambridge: Cambridge et al.: Cambridge University Press. 360 p.

Earle T.K. 1987. Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspective // *Annual Review of Anthropology* 16: 279–308.

Earle T.K. 2011. Chiefs, chieftaincies, chiefdoms, and chiefly confederacies // *Social Evolution and History*. Vol. 10. No. 1. P. 27–54.

Elera Arévalo C.G. 1999. The Puémape site and the Cupisnique culture: a case study on the origins and development of complex society in the Central Andes, Peru: Ph.D. thesis. Calgary: The University of Calgary. 679 p.

El-Wailly F., Abu es-Soof B. 1965. The excavations at Tell es-Sawwan, first preliminary report // *Sumer*. Vol. 21. P. 17–32.

Erickson D.L., Smith B.D., Clarke A.C., Sandweiss D.H., Tross N. 2005. An Asian origin for a 10,000-year-old domesticated plant in the Americas // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 102. No. 51. P. 18315–18320.

Eriksen L. 2011. Nature and Culture in Prehistoric Amazonia. Lund: Lund University. 364 p.

Estrada E. 1962. Arqueología de Manabí Central. Guayaquil: Museo Victor Emilio Estrada. 64 p.

Falcón V., Díaz P. 2008. Representaciones líticas de Tinyash // *Rupestreweb*. URL: <http://www.rupestreweb.info/tinyash.html>.

Falconer S.E., Savage S.H. 1995. Heartlands and hinterlands: alternative trajectories or early urbanization in Mesopotamia and the Southern Levant // *American Antiquity*. Vol. 60. No. 1. P. 37–48.

Fariss B. 2008. Exploring the social landscape of Cerro León: an Early Intermediate Period site on the North Coast of Peru. Master of Arts thesis. Chapel Hill: the University of North Carolina. 70 p.

Fehren-Schmitz L. 2010. Dinámica poblacional y desarrollo cultural prehispanicos en la costa sur del Perú: lo que revelan los análisis de ADN antiguo // *Boletín de Arqueología*. Vol. 14. P. 129–353.

Feinman G.M., Kowalewski S.A., Finsten L., Blanton R.S., Nicholas L. 1985. Long-termed demographic change: a perspective from the valley of Oaxaca // *Journal of Field Archaeology*. Vol. 12. No. 3. P. 333–362.

Feldman R.A. 1983. From maritime chiefdom to agricultural state in Formative Coastal Peru // *Civilizations in Ancient Americas*. Albuquerque: University of New Mexico Press; Cambridge, Mass.: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. P. 289–310.

Feldman R.A. 1985. Preceramic corporate architecture: evidence for the development of non-egalitarian social systems in Peru // *Early Ceremonial Architecture in the Andes*. Washington: Dumbarton Oaks. P. 71–92.

Feldman R.A. 1987. Architectural evidence for the development of nonegalitarian social systems in coastal Peru // *The Origin and Development of the Andean State*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 9–14.

Fernández P., Quintanilla I. 2003. Metallurgy, balls and stone statuary in the Duquis Delta, Costa Rica. Local production of power symbols // *Gold and Power in Ancient Costa Rica, Panama, and Colombia*. Washington: Dumbarton Oaks. P. 205–244.

Fernández V.G. 2002. El desarrollo de sociedades complejas en el Valle de Iscalá // *Gaceta Histórica, Academia de Historia del Norte de Santander*. Vol. 124. P. 259–281.

Fernández V.G. 2011. Tierradentro. National Archaeological Park. Guidebook. Bogotá: Instituto Colombiano de Antropología e Historia. 43 p.

Fiore D. 2006. La manipulación de pinturas corporales como factor de división social en los pueblos selk'nam y yámana (Tierra del Fuego) // *Estudios Atacameños*. Vol. 31. No. 129–146.

Flannery K., Marcus J. 2012. *The Creation of Inequality*. Cambridge; L.: Harvard University Press. 631 p.

Fogel H.P. 1993. Settlements in time: a study of social and political development during the Gallinazo occupation in the North Coast of Peru. Ph.D. thesis. New Haven: Yale University. 421 p.

Frangipane M. 1997. A 4th-millennium temple/palace complex at Arslantepe-Malatya. North-South relations and the formation of early state societies in the northern regions of Greater Mesopotamia // *Paléorient*. Vol. 23. No. 1. P. 45–73.

Fuchs P.R., Patzschke R. 2013. Early monumentalism in the Central Andes: the origins of monumental architecture in the Casma Calley // *Chavín. Peru's Enigmatic Temple in the Andes*. Zurich: Museum Rietberg, Verlag Schneider & Speiss. P. 71–84.

Fuchs P.N., Patzschke R., Yenque G., Bricecod J. 2009. Del Arcaico Tardío al Formativo Temprano: las investigaciones en Sechín Bajo, valle de Casma // *Boletín de Arqueología PUCP*. Vol. 13. P. 55–86.

Fung Pineda R. 1988. *The Late Preceramic and Initial Period* // *Peruvian Prehistory*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 67–96.

Fung Pineda R., Williams León C. 1977. Exploraciones y excavaciones en el valle de Sechín, Casma // *Revista del Museo Nacional*. Vol. 43. P. 111–155.

Gagnon C.M. 2006. Bioarchaeological investigations of pre-state life at Cerro Oreja // *Arqueología Mochica: Nuevos Enfoques*. Lima: Fondo Editorial de la Pontificia Universidad Católica del Perú e Institut Français d'Otudes Andines. P. 173–185.

Gaither C., Kent J., Vásquez Sánchez V., Rosales Tham T. 2008. Mortuary practices and human sacrifice in the Middle Chao Valley of Peru: their interpretation in the context of Andean mortuary patterning // *Latin American Antiquity*. Vol. 19. No. 2. P. 107–121.

Ghezzi I. 2006. Religious warfare at Chankillo // *Andean Archaeology III. North and South*. N. Y.: Springer Science. P. 67–84.

Gibson D.B. 2011. Chiefdoms confederacies and state origins // *Social Evolution and History*. Vol. 10. No. 1. P. 215–233.

Gibson M. 2000. Hamoukar. Early City in Northeastern Syria // *The Oriental Institute News and Notes* 166. 19 p.

Gibson M. 2010. The dead hand of Deimel // *Beyond the Ubaid*. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago. P. 85–92.

Gilead I. 1988. The Chalcolithic period in the Levant // *Journal of World Prehistory*. Vol. 2. No. 4. P. 397–443.

Goldstein P. 1993. Tiwanaku temples and state expansion: a Tiwanaku sunken-court temple in Moquegua, Peru // *Latin American Antiquity*. Vol. 4. No. 1. P. 22–47.

González Carré E. 1992. Los señoríos chancas. Lima: Universidad Nacional de San Cristóbal de Huamanga. 153 p.

Gopher A., Tsuk T., Shalev S., Gophna R. 1990. Earliest gold artifacts in the Levant // *Current Anthropology*. Vol. 3. No. 4. P. 436–443.

Goren Yu. 2008. The location of specialized copper production by the lost wax technique in the Chalcolithic Southern Levant // *Geoarchaeology*. Vol. 23. No. 3. P. 374–397.

Goring-Morris N., Kolska Horwitz L. 2007. Funerals and feasts during the Pre-Pottery Neolithic B of the Near East // *Antiquity*. Vol. 81. No. 314. P. 902–919.

Goulder J. 2010. Administrators' bread: an experiment-based re-assessment of the functional and cultural role of the Uruk bevel-rim bowl // *Antiquity*. Vol. 84. P. 351–362.

- Greenberg R., Paz Y. 2005.* The Early Bronze Age Fortifications of Tel Bet Yerah // *Levant*. Vol. 37. P. 81–103.
- Grieder T. 1978.* The Art and Archaeology of Pashash. Austin; L.: University of Texas Press. 268 p.
- Grieder T.A., Bueno Mendoza A. 1985.* Ceremonial architecture at La Galgada // *Early Ceremonial Architecture in the Andes*. Washington: Dumbarton Oaks. P. 93–109.
- Grinin L., Korotayev A. 2011.* Chiefdoms and their analogues: alternatives of social evolution at the societal level of medium cultural complexity // *Social Evolution and History*. Vol. 10. No. 1. P. 276–334.
- Grissom C.A. 2000.* Neolithic statues from 'Ain Ghazal // *American Journal of Archaeology* 104. No. 1. P. 25–45.
- Grossman T.W. 1972.* An ancient gold worker's tool kit: the earliest metal technology in Peru // *Archaeology*. Vol. 25. No. 4. P. 270–275.
- Guaman Poma de Ayala F. 1956.* La Nueva Cronica y Buen Gobierno. Lima: Editorial cultural. 521 p.
- Haas J. 1985.* Excavations on Huaca Grande: an initial view of the elite of Pampa Grande, Peru // *Journal of Field Archaeology*. Vol. 12. P. 391–409.
- Haas J., Creamer W. 2006.* Crucible of Andean Civilization. The Peruvian Coast from 3000 to 1800 BC // *Current Anthropology*. Vol. 47. No. 5. P. 745–775
- Haas J., Creamer W., Huamán Mesía L., Goldstein D., Reinhard K., Vergel Rodríguez C. 2013.* Evidence for maize (*Zea mays*) in the Late Archaic (3000–1800 B.C.) in the Norte Chico region of Peru // *PNAS*. February 25.
- Haberland W. 1973.* Stone sculpture from Southern Central America // *The Iconography of Middle American Sculpture*. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art. P. 134–152.
- Haeberli J. 2006.* When and where did the Nasca proliferous style emerge? // *Andean Archaeology III*. North and South. N. Y.: Springer Science. P. 401–434.
- Hagen A. von. 2002.* Chachapoya iconography and society at Laguna de los Cóndores, Peru // *Andean Archaeology II*. N. Y.: Kluwer Academic. P. 137–155.
- Hahn R. 2009.* Andean commensal politics and alternative rituals of power at Jatanca, Peru. Ph.D. thesis. Montreal: McGill University. 120 p.
- Haller M.J. 2004.* The emergence and development of chiefly societies in the Rio Parita Valley, Panama: Ph.D. thesis. Pittsburgh: University of Pittsburgh. 212 p.
- Hansell P. 1987.* The Formative in Central Pacific Panama: La Mula-Sarigua // *Chiefdoms in the Americas*. Lanham, MD; L.: University Press of America. P. 119–152.

- Harner M.J. 1962.* Jivaro souls // *American Anthropology*. Vol. 64. No. 2. P. 258–272.
- Harris M. 1979.* Cultural Materialism: the Struggle for the Science of Culture. N. Y.: Random House. 381 p.
- Harrison T.P. 2012.* The Southern Levant // *A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East*. Vol. 1. Wiley online library. P. 629–646.
- Hastorf H.A. 2008.* The Formative period in the Titicaca Basin // *Handbook of South American Archaeology*. N. Y.: Springer. P. 545–561.
- Hayashida F.M. 2006.* The Pampa de Chaparrí: water, land, and politics on the North Coast of Peru // *Latin American Antiquity*. Vol. 17. No. 3. P. 243–263.
- Hayden B., Schulting R. 1997.* The Plateau interaction sphere and late prehistoric cultural complexity // *American Antiquity*. Vol. 62. No. 1. P. 51–85.
- Hayden B., Villeneuve S. 2010.* Who Benefits from Complexity? A View from Futuna // *Pathways to Power. New Perspectives on the Emergence of Social Inequality*. N. Y. et al.: Springer. P. 45–145.
- Heckenberger M.J. 2008.* Amazonian mosaics: identity, interaction, and integration in the tropical forest // *Handbook of South American Archaeology*. N. Y.: Springer. P. 941–961.
- Heckenberger M.J., Petersen J.B., Neves E.G. 1999.* Village size and permanence in Amazonia: two archaeological examples from Brazil // *Latin American Antiquity*. Vol. 10. No. 4. P. 353–376.
- Hecker W., Hecker G. 1995.* Die Grabungen von Heinrich Ubbelohde-Doering in Pacatnamú, Nordperu. Berlin: Dietrich Reimer Verlag. 497 S.
- Helmer M., Chicoine D., Ikehara H. 2012.* Plaza life and public performance at the Early Horizon scenter of Caylán, Nepeña Valley, Perú // *Ñawpa Pacha*. Vol. 32. No. 1. P. 85–115.
- Helmer M., Chicoine D. 2013.* Soundscapes and community organization in ancient Peru: plaza architecture at the Early Horizon centre of Caylán // *Antiquity*. Vol. 87. No. 335. P. 92–107.
- Helms M. 1987.* Art styles and interaction spheres in Central America and the Caribbean: polished black wood in the Greater Antilles // *Chiefdoms in the Americas*. Lanham, MD; L.: University Press of America. P. 67–84.
- Herrera de Turbay L.F. 1985.* Agricultura aborígen y Cambios de Vegetación en la Sierra Nevada de Santa Marta. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales. 258 p.
- Hocquenghem A.M. 2009.* Le *Spondylus princeps* et l'Age du Bronze dans les Andes centrales // *Baessler-Archiv*. Bd. 57. P. 141–168.

Hodder I. 2005a. The spatio-temporal organization of the early “town” at Çatalhöyük // (Un)settling the Neolithic. Oxford: Oxbow Books. P. 126–139.

Hodder I. (ed.) 2005b. Changing Materialities at Çatalhöyük: reports from the 1995–99 seasons. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research. 560 p.

Hodder I., Meskell L. 2010. The symbolism of Çatalhöyük in its regional context // Religion in the Emergence of Civilization. Çatalhöyük as a Case Study. Cambridge et al.: Cambridge University Press. 360 p.

Hodder I., Meskell L. 2011. A “curious and sometimes a trifle macabre artistry” // Current Anthropology. Vol. 52. No. 2. P. 235–263.

Hohmann C. 2010. Das Spiel mit den Welten. Die Ikonographie von Recuay. Zur Erlangung des Doktorgrades. Freien Universität Berlin. 433 S.

Hole F. 1987a. Archaeology of the Village Period // The Archaeology of Western Iran. Washington: Smithsonian Institution. P. 29–78.

Hole F. 1987b. Settlement and society of the Village Period // The Archaeology of Western Iran. Washington: Smithsonian Institution. P. 79–105.

Hole F. 2010. A monumental failure: the collapse of Susa // Beyond the Ubaid. Chicago: Oriental Institute. P. 227–243.

Hoopes J.W. 2004. Atravesando fronteras y explorando la iconografía sagrada de los antiguos chibchas en Centroamérica meridional y Colombia septentrional // Revista de Arqueología del Área Intermedia. Vol. 6. P. 29–66.

Hoopes J.W. 2005. The emergence of social complexity in the Chibchan world of Southern Central America and Northern Colombia, AD 300–600 // Journal of Archaeological Research. Vol. 13. No. 1. P. 1–47.

Hoopes J.W. 2011. Culturas chibchas del litoral caribeño: explorando las conexiones precolombinas entre Colombia y Costa Rica // Arqueología en el Área Intermedia. Bogotá: Instituto Colombiano de Antropología e Historia. P. 401–451.

Horitobi K. 1983. Los calcos de las reliquias preincaicas. S.l.: Kan Horitobi. 1983. 116 p.

Hornborg A. 1984. Dualism and Hierarchy in Lowland South America: Trajectories of Indigenoeis Social Organization. Uppsala; Stockholm: Almqvist & Wiksell International. 304 p.

Hosler D., Holm O., Letchman H. 1990. Axe monies and their relatives. Washington: Dumbarton Oaks. 103 p.

Iriarte J., Gillam C., Marozzi O. 2010. Monumental burials and memorial feasting: an example from the southern Brazilian highlands // Antiquity. Vol. 82. No. 318. P. 947–961.

Isbell W.H. 1974. Ecología de la expansión de los Quechua-hablantes // Revista del Museo Nacional. Vol. 40. P. 139–155.

Isbell W.H. 1977. El imperio Huari: Estado o ciudad? // Revista del Museo Nacional. Vol. 43. P. 227–241.

Isbell W.H. 1985. Conchopata, ideological innovator in Middle Horizon IA // Nawpa Pacha. Vol. 22–23. P. 91–126.

Isbell W.H. 1988. City and state in Middle Horizon Huari Peruvian prehistory // Peruvian Prehistory. Cambridge et al.: Cambridge University Press. P. 164–189.

Isbell W.H. 1997. Mummies and Mortuary Monuments: a Postprocessual Prehistory of Central Andean Social Organization. Austin: University of Texas Press. 371 p.

Isbell W.H. 2008. Wari and Tiwanaku: international identities in the Central Andean Middle Horizon // Handbook of South American Archaeology. N. Y.: Springer. P. 731–759.

Isbell W.H., Knobloch P.J. 2006. Missing links, imaginary links: Staff God imagery in the South Andean Past // Andean Archaeology III. North and South. N. Y.: Springer Science. P. 307–351.

Ishida E. (ed.) 1960. Andes. The report of the University of Tokyo Scientific Expedition to the Andes in 1958. Tokyo: University of Tokyo. 528 p.

Jasim S.A. 1983. Excavations at Tell Abada // Iraq. Vol. 45. No. 2. P. 165–186.

Jennings J. 2006. Understanding Middle Horizon Peru: hermeneutic spirals, interpretative traditions, and Wari administrative centers // Latin American Antiquity. Vol. 17. No. 3. P. 265–285.

Jennings J. 2008a. Core, peripheries, and regional realities in Middle Horizon Peru // Journal of Anthropological Archaeology 25: 346–370.

Jennings J. 2006b. Understanding Middle Horizon Peru: hermeneutic spirals, interpretative traditions, and Wari administrative centers // Latin American Antiquity. Vol. 17. No. 3. P. 265–285.

Jennings J., Craig N. 2001. Polity wide analysis and imperial political economy: the relationship between valley political complexity and administrative centers in the Wari Empire of the Central Andes // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 20. P. 479–502.

Joffe A.H., Dessel J.P., Hallote R.S. 2001. The “Gilat woman”. Female iconography, Chalcolithic cult, and the end of Southern Levantine prehistory // Near Eastern Archaeology. Vol. 64. No. 1–2. P. 8–23.

Johnson G. 1980. Rank size complexity and system integration: a view from archaeology // Economic Geography. Vol. 56. No. 3. P. 234–247.

Johnson G.A. 1987. The changing organization of Uruk administration on the Susiana Plain // Settlement and Society from Prehistory to the Islamic Conquest. Washington: Smithsonian Institution. P. 107–140.

Jones U. 1988. Stone jaguars in Isthmian households // Recent Studies in Pre-Columbian Archaeology. Oxford: British Archaeological Research International Series. Vol. 421. Part 1. P. 229–243.

Julien D.G. 1988. Ancient Cuismancu: settlement and cultural dynamics in the Cajamarca region of the North Highland of Peru, 200 B.C. — A.D. 1532: Ph.D. thesis. Austin: The University of Texas. 317 p.

Julien D.G. 1993. Late pre-Inkaic ethnic groups in highland Peru: an archaeological-ethnohistorical model of the political geography of the Cajamarca region // Latin American Antiquity. Vol. 4. No. 3. P. 246–273.

Kano Y. 1971. Excavaciones en Shillacoto, Huanuco // Revista del Museo Nacional. Vol. 37. P. 52–62.

Kano Y. 1993. Resultados de las excavaciones en Kuntur Wasi, Cajamarca // Senri Ethnological Studies. Vol. 37. P. 203–228.

Kauffmann Doig F. 1979. Sechín: ensayo de arqueología iconográfica // Arqueológicas (Lima). Vol. 18. P. 101–149.

Kauffmann Doig F. 1980. Manual de Arqueología Peruana. Lima: Ediciones Peisa. 796 p.

Kauffmann Doig F. 1999. Oro de Lambayeque // Lambayeque. Lima: Banco de Crédito del Perú. P. 163–248.

Kaulicke P. 2006. The Vicús-Mochica relationship // Andean Archaeology III. North and South. N. Y.: Springer Science. P. 85–111.

Kaulicke P. 2010. Algunas reflexiones sobre lenguas y sociedades en el Período Formativo centroandino // Boletín de Arqueología. Vol. 14. P. 123–139.

Keating R.W. 1981. The nature and role of religious diffusion in the early stages of state formation: an example from Peruvian prehistory // The Transition to Statehood in the New World. Cambridge et al.: Cambridge University Press. P. 172–187.

Kellett L.C. 2010. Chanka settlement ecology: hilltop sites, land use and warfare in late Prehispanic Andahuaylas, Peru: Ph.D. thesis. Albuquerque: the University of New Mexico. 574 p.

Kellner C.M., Schoeninger M.J. 2012. Dietary correlates to the development of Nasca social complexity (A.D. 1–750) // Latin American Antiquity. Vol. 23. No. 4. P. 490–508.

Kembel S.R. 2001. Architectural sequence and chronology at Chavin de Huantar, Peru: Ph.D. thesis. Stanford: Stanford University. 634 p.

Kembel S.R., Haas H. 2013. Radiocarbon dates from the monumental architecture at Chavín de Huántar, Perú // Journal of Archaeological Method and Theory. September.

Kenilo K. 2005. Traditional Religious Systems of the Rengma Nagas. New Delhi: Shipra Publications. 147 p.

Klaus H.D., Centurion J., Curo M. 2010. Bioarchaeology of human sacrifice: violence, identity and the evolution of ritual killing at Cerro Cerrillos, Peru // Antiquity. Vol. 84. No. 326. P. 1102–1122.

Knobloch P.J. 2000. Wari ritual power at Conchopata: an interpretation of Anadenanthera Colubrina iconography // Latin America Antiquity. Vol. 11. No. 4. P. 387–402.

Knudson K.J. 2007. La influencia de Tiwanaku en San Pedro de Atacama: Una investigacion utilizando el analisis de isotopos del estroncio // Estudios Atacameños. Vol. 33. P. 7–24.

Köksal-Schmidt Ç., Schmidt K. 2010. The Göbekli Tepe „totem pole“. A first discussion of an autumn 2010 discovery (PPN, Southeastern Turkey) // Neo-Lithics. No. 2. P. 74–76.

Kolata A. 1983. Chan Chan and Cuzco: on the nature of the Ancient Andean city // Civilization in the ancient Americas. Cambridge; Mass.: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, University of New Mexico Press. P. 345–372.

Kolata A. 2000. Environmental thresholds and the “natural history” of an Andean Civilization // Environment Disaster and the Archaeology of Human Response. Albuquerque: Maxwell Museum of Anthropology. P. 163–178.

Kolata A., Ponce Sangines C. 1992. Tiwanaku: the City at the Center // The Ancient Americas. Art from Sacred Landscapes. Chicago: The Art Institute of Chicago. P. 317–333.

Korpisaari A., Pärssinen M. 2011. Pariti. The Ceremonial Tiwanaku Pottery of an Island in Lake Titicaca. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters. 208 p.

Kosiba S.B. 2010. Becoming Inka: the transformation of political place and practice during Inka state formation (Cusco, Peru): Ph.D. thesis. Chicago: the University of Chicago. 283 p.

Kruschek M.H. 2003. The evolution of the Bogotá chiefdom: a household view: Ph.D. thesis. Pittsburgh: University of Pittsburgh. 255 p.

Kutscher G. 1954. Nordperuanische Keramik. Berlin: Ibero-Amerikanische Bibliothek. 80 S.

Kutscher G. 1983. Nordperuanische Gefäßmalereien des Moche-Stils. München: Verlag C.H. Beck. 65 S., 320 Abb.

La Barre W. 1971. Materials for a history of studies of crisis cults: a bibliographic essay // Current Anthropology. Vol. 12. No. 1. P. 3–27.

Labbé A.J. 1986. Colombia before Columbus. Santa Ana: An American Foundation Book. 206 p.

Lambert P.M., Gagnon C.M., Billman B.R., Katzenberg M.A., Carcelén J., Tykot R.H. 2012. Bone chemistry at Cerro Oreja: a stable isotope perspective on the development of a regional economy in the Moche Valley, Peru during

the Early Intermediate Period // *Latin American Antiquity*. Vol. 23. No. 2. P. 144–166.

Landry K.N. 2008. A Late Archaic religious ideology in the Norte Chico region of Peru: Ph. D. thesis. Decalb: Northern Illinois University. 167 p.

Lange Topic T., Topic J.R. 1990. The Middle Horizon in Northern Peru // *Inca — Pérou. 3000 Ans d'Histoire*. Gent: Imschoot. P. 210–223.

Langebaek C.H. 1987. La cronología de la región arqueológica Tairona, vista desde Paparé, municipio de Ciénaga // *Boletín de Arqueología*. Vol. 2. No. 4. P. 83–101.

Langebaek C.H. 2005. The pre-Hispanic population of the Santa Marta Bays: a contribution to the study of the development of the Northern Colombian Tairona chiefdoms. Pittsburgh: The University of Pittsburgh. 163 p.

Langebaek C.H., Dever A. 2009. Regional archaeology in Tierradentro, Cauca, Colombia // *Revista Colombiana de Antropología*. Vol. 45. No. 2. P. 323–367.

Langebaek C.H., Henrik C. 1993. From hunters and gatherers to Muisca, campesinos and hacendados in the Eastern Highlands of Colombia: an archaeological survey in the valles de Fúquene and Susa: Ph.D. thesis. Pittsburg: University of Pittsburg. 532 p.

Lapiner A.C. 1976. *Pre-Columbian Art of South America*. N. Y.: Abrams. 460 p.

Lathrap D.W. 1970. *The Upper Amazon*. N. Y.: Praeger. 206 p.

Lathrap D.W. 1977. Gifts of the cayman: some thoughts on the subsistence basis of Chavin // *Pre-Columbian Art History: Selected Papers*. Palo Alto: San Diego Mesa College. P. 333–352.

Lathrap D.W., Marcos J.G., Zeidler J. 1977. Real Alto: an ancient ceremonial center // *Archaeology*. Vol. 30. No. 1. P. 2–13.

Lau G.F. 2001. The ancient community of Chinchawas: Economy and ceremony in the north highlands of Peru: PhD. thesis. New Haven: Yale University. 666 p.

Lau G.F. 2006. Northern Exposures: Recuay-Cajamarca boundaries and interaction // *Andean Archaeology III. North and South*. N. Y.: Springer Science. P. 143–170.

Lau G.F. 2009. Core–periphery relations in the Recuay hinterlands: economic interaction at Chinchawas, Peru // *Antiquity*. Vol. 79. P. 78–99.

Lavalle J.A. de. 1989. *Culturas Precolombinas*. Lambayeque. Lima: Banco de Crédito del Perú. 275 p.

Lavallée D., Julien M. 1983. Asto: curacazgo prehispánico de los Andes Centrales. Lima: Instituto de Estudios Peruanos. 150 p.

Lawler A. 2006. North versus South: Mesopotamian style // *Science*. Vol. 312. P. 1458–1463.

Lawler A. 2012. Uncovering civilization's roots // *Science*. Vol. 335. P. 790–793.

Lechtman H. 1991. The production of copper-arsenic alloys in the Central Andes: highland ores and coastal smelters? // *Journal of Field Archaeology*. Vol. 18. No. 1. P. 43–76.

Lechtman H.N., Macfarlane A.W. 2005. La metalurgia del bronce en los Andes Sur Centrales: Tiwanaku y San Pedro de Atacama // *Estudios Atacameños*. Vol. 30. P. 7–27.

Ledergerber-Crespo P., Tapia-Sarmiento P. 2010. Cuyes y Cuchipamba en el cantón Gualaquiza: nuevos datos arqueológicos sobre la complejidad social de los señoríos cañarí // *International Journal of South American Archaeology*. Vol. 7. No. 55–70.

Leoni J.B. 2006. Ritual and society in Early Intermediate Period Ayacucho: a view from the site of Ñawimpukyo // *Andean Archaeology III. North and South*. N. Y.: Springer Science. P. 279–306.

Leoni J.B. 2008. Early Intermediate Perion and Middle Horizon funerary practices in Ayacucho: a view from the site of Ñawimpukyo // *Ñawpa Pacha*. Vol. 30. No. 1. P. 65–90.

Leoni J.B., Acuto F.A. 2008. Northwestern Argentina // *Handbook of South American Archaeology*. N. Y.: Springer. P. 587–603.

Lichter C. 2007. Vor 12000 Jahren in Anatolien // *Archäologie in Deutschland*. Bd. 1. S. 60–61.

Llagostera A.M. 1995. El componente cultural Aguada en San Pedro de Atacama // *Boletín de Museo Chileno de Arte Precolombino*. Vol. 6. P. 9–34.

Llagostera A.M. 2006. Contextualización e iconografía de las tabletas psicotrópicas Tiwanaku de San Pedro de Atacama // *Chungara*. Vol. 38. No. 1. P. 83–111.

Lleras R.P. 2005. Metales preciosos. Oro y plata de nuestros ancestros // *Hoyas de los Andes. Metales para los hombres, metales para los dioses*. Santiago: Museo Chileno del Arte Precolombino. P. 11–49.

Lleras R.P., Langebaek C.H. 1987. Producción agrícola y desarrollo sociopolítica entre los chibchas de la Cordillera Oriental y Serranía de Mérida // *Chiefdoms in the Americas*. Lanham; L.: University Press of America. P. 251–270.

Lockard G.D. 2009. The occupational history of Galindo, Moche Valley, Peru // *Latin American Antiquity*. Vol. 20. No. 2. P. 279–302.

Looper M.G. 1996. The iconography and social context of Tairona gold pectorals // *Journal of Latin American Lore*. Vol. 19. P. 101–128.

Lothrop S.K. 1937. *Coclé. An Archaeological Study of Central Panama*. Part 1. Historical Background; Excavations at the Sitio Conte. Cambridge, Mass.: Harvard University. 327 p.

Lothrop S.K., Mahler J. 1957. Late Nazca burials in Chaviña, Peru // Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Vol. 50. No. 2. P. 3–61.

Lozny L. 2011. The emergence of multi-agent polities of the Northern Central European plains in the Early Middle Ages, 600–900 CE // Social Evolution and History. Vol. 10. No. 1. P. 122–148.

Lumbreras L.G. 1959. Sobre los Chancas // Actas y Memorias del II Congreso Nacional de Historia del Perú. T. 1. Lima. P. 211–242.

Lumbreras L.G. 1974. Informe de labores del Proyecto Chavín // Arqueológicas. Vol. 15. P. 37–55.

Lumbreras L.G. 1975. Guía para Museos de Arqueología Peruana. Lima: Milla Batres.

Lumbreras L.G. 1981. Arqueología de la América Andina. Lima: Editorial Milla Batres. 278 p.

Lumbreras L.G. 2006. The Vicús Culture // Perú. Art from the Chavín to the Incas. P.: Musée des Beaux-Arts. P. 40–49.

Lumbreras L.G. 2013. Religious rituals in Chavín and their superragional significance // Chavín. Peru's Enigmatic Temple in the Andes. Zurich: Museum Rietberg, Verlag Schneider & Speiss. P. 177–188.

Lyon P. 1978. Gold, graves, and gods in Ancient Peru // Pacific Discovery. Vol. 31. No. 4. P. 2–9.

Lyonnet B. 2007. La culture de Maïkop, la Transcaucasie, l'Anatolie Orientale et le Proche-Orient: relations et chronologie // Les cultures du Caucase (VIe-IIIe millénaires avant notre ère). Leur relations avec le Proche-Orient. Sous la direction de Bertille Lyonnet. P.: Éditions Recherche sur les Civilisations (CNRS Éditions). P. 133–161.

Maier A.M. 2010. "In the Midst of the Jordan". The Jordan Valley during the Middle Bronze Age (circa 2000–1500 BCE). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 299 p.

Makkay J. 1983. The origins of the "temple-economy" as seen in the light of prehistoric evidence // Iraq. Vol. 45. No. 1. P. 1–6.

Makowski K. 1996. La ciudad y el origen de la civilización en los Andes // Estudios Latinoamericanos (Varsovia). Vol. 17. P. 63–88.

Makowski K. 2001. Los personajes frontales de báculos en la iconografía Tiahuanaco y Huari: Tema o convención? // Boletín de Arqueología PUCP. Vol. 5. P. 337–373.

Makowski K. 2006. La arquitectura pública del Periodo Precerámico Tardío y el reto conceptual del urbanismo andino // Boletín de Arqueología PUCP. Vol. 10. P. 167–199.

Makowski K. 2008. Andean urbanism // Handbook of South American Archaeology. N. Y.: Springer. P. 633–657.

Makowski K. 2010. Religion, ethnic identity, and power in the Moche world // New Perspectives on Moche Political Organization. Washington: Dumbarton Oaks. P. 280–305.

Manzanilla L., Woodard E. 1990. Restos humanos asociados a la pirámide de Acapana (Tiwanku, Bolivia) // Latin American Antiquity. Vol. 1. No. 2. P. 133–149.

Marcus J. 2008. Monte Albán. México: El Colegio de México. 206 p.

Martín A.J. 2009. The domestic mode of production and the development of sociopolitical complexity: evidence from the Spondylus industry of Coastal Ecuador: Ph.D. thesis. Pittsburg, Penn.: University of Pittsburg. 179 p.

Mason J.A. 1931. Archaeology of Tairona Culture. Part 1. Chicago: Field Museum Press. 130 p.

Mason J.A. 1945. Costa Rican Stonework. N. Y.: American Museum of Natural History. 317 p.

Massey S. 1983. Antiguo centro Paracas — Animas Altas // Culturas precolombinas. Paracas. Lima: Banco de Crédito del Perú. P. 134–160.

Massey S. 1990. Paracas // Inca — Perú. 3000 ans d'histoire. Gent: Imschoot. P. 144–155.

Masucci M.A. 2008. Early regional polities of Coastal Ecuador // Handbook of South American Archaeology. N. Y.: Springer. P. 489–503.

Matos Mendieta R. 1959. Los Wanka, datos históricos y arqueológicos // Actas y Memorias del II Congreso Nacional de Historia del Perú. Lima. T. 1. P. 187–210.

Matos Mendieta R. 1990. La période Céramique initiale en Archéologie andine // Inca — Perú. 3000 ans d'histoire. Gent: Imschoot. P. 118–143.

Matsumoto Y. 2010. Prehistoric ceremonial center of Campanayuc Rumi: interregional interactions in the South-central Highlands of Peru: Ph.D. thesis. New Haven: Yale University. 601 p.

Matsumoto Y., Caverro Y. 2009. Una aproximación cronológica del centro ceremonial de Campanayuc Rumi, Ayacucho // Boletín de Arqueología. Vol. 13. P. 323–346.

Matsumoto Y., Caverro Y. 2012. Early Horizon gold metallurgy from Campanayuc Rumi in the Peruvian south-central highland // Ñawpa Pacha. Vol. 32. No. 1. P. 115–130.

Matsumoto Y., Tsurumi E. 2011. Archaeological investigations at Sajara-Patac in the Upper Huallaga Basin, Peru // Ñawpa Pacha. Vol. 31. No. 1. P. 55–101.

Mauzé M. 2004. When the Northwest Coast haunts French anthropology. A discreet but lasting presence // Coming to Shore. Northwest Coast Ethnology, Traditions and Visions. Lincoln; L.: University of Nebraska Press. P. 63–85.

Mayo J. 2006. Los estilos cerámicos de la región cultural de Gran Coclé, Panamá // Revista Española de Antropología Americana. Vol. 36. P. 25–44.

McCown T.D. 1945. Pre-Incaic Huamachuco // University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. Vol. 39. No. 4. P. 233–400.

McEwan C., Delgado-Espinoza F. 2008. Late Pre-Hispanic polities of Coastal Ecuador // Handbook of South American Archaeology. N. Y.: Springer. P. 505–525.

McEwan G.F. 1990. Some formal correspondences between the imperial architecture of the Wari and Chimu cultures of Ancient Peru // Latin American Antiquity. Vol. 1. No. 2. P. 97–116.

McEwan G.F. 1998. The function of niched walls in Wari architecture // Latin American Antiquity. Vol. 9. No. 1. P. 68–86.

McEwan G.F. 2005. Pikillacta. The Wari Empire in Cuzco. Iowa City: University of Iowa Press. 182 p.

McMahon A., Soltysiak A., Weber J. 2011. Late Chalcolithic mass graves at Tell Brak, Syria, and violent conflict during the growth of early city-states // Journal of Field Archaeology. Vol. 36. No. 3. P. 201–220.

Meddens F. 1981. Investigations in the Chicha Valley, Peru, 1980 // Bulletin of the University of London Institute of Archaeology. Vol. 18. P. 209–223.

Mejía Xesspe T. 1966. Algunas noticias sobre las tumbas precolombinas de Vicus, Piura // Revista del Museo Nacional. Vol. 34. P. 85–88.

Mellaart J. 1962. Excavations at Çatal Hüyük, first preliminary report // Anatolian Studies. Vol. 12. P. 41–65.

Mellaart J. 1963. Excavations at Çatal Hüyük, 1962 // Anatolian Studies. Vol. 13. P. 43–103.

Mellaart J. 1964. Excavations at Çatal Hüyük, third preliminary report // Anatolian Studies. Vol. 14. P. 39–119.

Mellaart J. 1975. The Neolithic of the Near East. L.: Thames and Hudson. 300 p.

Mesía C. 2007. Intrasite spacial organization at Chavín de Huantar during the Andean Formative: three dimensional modeling, stratigraphy and ceramics: Ph.D. thesis. Stanford: Stanford University. 298 p.

Milevski I., Hershkovitz I. 2008. The plastered skulls and other PPNB finds from Yiftahel, Lower Galilee (Israel) // Paléorient. Vol. 34. P. 2. P. 37–46.

Millaire J.-F. 2010a. Primary state formation in the Viru Valley, North Coast of Peru // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 107. P. 6186–6191.

Millaire J.-F. 2010b. Moche political expansionism as viewed from Virú // New Perspectives on Moche Political Organization. Washington: Dumbarton Oaks. P. 223–251.

Millaire J.-F., Eastaugh E. 2011. Ancient urban morphology in the Viru Valley, Peru: remote sensing work at the Gallinazo Group (100 B.C.–A.D. 700) // Journal of Field Archaeology. Vol. 36. No. 3. P. 289–297.

Miller J. 1997. Tsimshian Culture. Lincoln: University of Nebraska Press. 202 p.

Miller N.F. 1996. Seed eaters of the Ancient Near East: human or herbivore? // Current Anthropology. Vol. 37. No. 3. P. 521–528.

Milliken C.D. 2006. Ritual and Status: Mortuary Display at the Household Level at the Middle Horizon Wari Site of Conchopata, Peru: Ph.D. thesis. Pittsburg: University of Pittsburg. 477 p.

Miyake Y., Maeda O., Tanno K., Hongo H., Gündem C.Y. 2012. New excavations at Hasankeyf Höyük: a 10th millennium cal. BC site on the Upper Tigris, southern Anatolia // Neo-Lithics. No. 1. P. 3–7.

Montoya Vera M. 2007. Arquitectura de la “Tradición Mito” en el valle medio del Santa: sitio “El Silencio” // Bulletin de l’Institut Français d’Études Andines. Vol. 36. No. 2. P. 199–220.

Moore J.D. 1996. The archaeology of dual organization in Andean South America: a theoretical review and case study // Latin American Antiquity. Vol. 6. No. 2. P. 165–181.

Moore J.D. 2007. Early fifth millennium BC prehistoric architectures from far northern Peru // Antiquity. Vol. 81. No. 312. P. 1–5.

Moseley M.E. 1992a. The Incas and their Ancestors. L.: Thames and Hudson. 272 p.

Moseley M.E. 1992b. Maritime foundation and multilineal evolution // Andean Past. Vol. 3. P. 5–42.

Mujica E.B. 1990. Pukara: une société complexe ancienne du bassin septentrional du Titicaca // Inca – Pérou. 3000 Ans d’Histoire. Gent: Imschoot. P. 156–177.

Murillo Herrera M. 2009. Social Change in Pre-Columbian San Ramón de Alajuela, Costa Rica, and its Relation with Adjacent Regions: Ph.D. thesis. Pittsburgh: University of Pittsburgh. 194 p.

Murphy R.F. 1958. Mundurucú Religion. Berkeley: University of California Press. 154 p.

Neef R. 2003. Overlooking the steppe-forest: a preliminary report on the botanical remains from Early Neolithic Göbekli Tepe (Southeastern Turkey) // Neo-Lithics. No. 2. P. 3–8.

Nesbitt J., Gutiérrez B., Vásquez S. 2008. Excavaciones en Huaca Cortada, complejo de Caballo Muerto, valle de Moche: un informe preliminar // Boletín de Arqueología PUCP. Vol. 12. P. 141–169.

- Nesbitt J.S.* 2012. An Initial Period domestic occupation at Huaca Cortada, Caballo Muerto complex // *Andean Past*. Vol. 9. P. 279–284.
- Netherly P.* 1984. The management of late Andean irrigation systems on the North Coast of Peru // *American Antiquity*. Vol. 49. No. 2. P. 227–254.
- Netherly P., Dillehay T.D.* 1986. Duality in public architecture in the Upper Zaña Valley, Northern Peru // *Perspectives on Andean Prehistory and Protohistory*. Ithaca: Cornell University. P. 85–114.
- Nieves A.* 2009. More than meets the eye: a study of two Nasca motifs // *Andean Past*. Vol. 9. P. 229–247.
- Nigro L.* 2010. Between the desert and the Jordan. Early urbanization in the Upper Wadi az-Zarqa River — the EB II–III fortified town of Khirbet al-Batrawy // *Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 431–458.
- Nishizawa H.* 2011. Shifting power and prestige in the Ayacucho Valley, Peru's South Central Highlands: materiality of Huarpa and Wari ceramics: Ph.D. thesis. Washington: American University. 429 p.
- Norton P.* 1986. El Señorío de Salamgone y la liga de mercaderes. El cartel Spondylus–balsa // *Miscelánea Antropológica Ecuatoriana*. Vol. 6. P. 131–143.
- Oates J.* 1966. The baked clay figurines from Tell es-Sawwan // *Iraq*. Vol. 28. No. 2. P. 146–153.
- Oates J.* 1987. 'Ubaid chronology // *Chronologies in the Near East*. Oxford: British Archaeological Research International Series. Vol. 379. P. 473–482.
- Oates J.* 1993. Trade and power in the fifth and fourth millennia BC: new evidence from northern Mesopotamia // *World Archaeology*. Vol. 24. No. 3. P. 403–422.
- Oates J., McMahon A., Karsgaard P., Al Quntar S., Ur J.* 2007. Early Mesopotamian urbanism: a new view from the north // *Antiquity*. Vol. 81. No. 313. P. 585–600.
- Oberem U., Wurster W.* 1989. Excavaciones en Cochasquí, Ecuador, 1964–1965. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 264 S.
- Olsen Bruhns K.* 1982. Dating the sculpture of San Agustín: a correlation with Northern Peru // *Pre-Columbian Art History*. Vol. 2. Palo Alto: Peek Publications. P. 193–204.
- Olsen Bruhns K.* 1992. Monumental sculpture as evidence for hierarchical societies // *Wealth and hierarchy in the Intermediate Area*. Washington: Dumbarton Oaks. P. 331–356.
- Olsen Bruhns K.* 1994. *Ancient South America*. Cambridge: Cambridge University Press. 424 p.

- Onuki Y.* 1993. Las actividades ceremoniales tempranas en la cuenca del Alto Huallaga y algunos problemas generales // *Senri Ethnological Studies*. Vol. 37. P. 69–96.
- Onuki Y. (ed.)* 1995. *Kuntur Wasi y Cerro Blanco. Dos Sitios del Formative en el Norte del Perú*. Tokyo: Hokusen Sha. 217 p.
- Onuki Y.* 2013. Formative Period ceremonial centers in the Northern and Central coastal regions // *Chavín. Peru's Enigmatic Temple in the Andes*. Zurich: Museum Rietberg, Verlag Schneider & Speiss. P. 51–61.
- Onuki Y., Inokuchi K.* 1995. *Gemelos Prístinos. El Tesoro del Templo Kuntur Wasi*. Yanacocha: Fondo Editorial del Congreso del Perú, Minería Yanacocha. 157 p.
- Oro de Colombia.* 2005. *Oro de Colombia: chamanismo y orfebrería*. Santiago: Museo Chileno del Arte Precolombino. 112 p.
- Ortloff C.R., Moseley M.E.* 2009. Climate, agricultural strategies, and sustainability in the Precolumbian Andes // *Andean Past*. Vol. 9. P. 277–304.
- Ortloff C.R., Moseley M.E.* 2012. 2600–1800 BCE Caral. Environmental change at a Late Archaic period site in North Central coast Perú // *Ñawpa Pacha*. Vol. 32. No. 2. P. 189–206.
- Oyuela-Caycedo A.* 1987. Implicaciones de las secuencias locales y regionales en los aspectos culturales de los tairona // *Chiefdoms in the Americas*. Lanham, MD; L.: University Press of America. P. 213–229.
- Oyuela-Caycedo A.* 2008. Late Pre-Hispanic chiefdoms of Northern Colombia and the formation of anthropogenic landscapes // *Handbook of South American Archaeology*. N. Y.: Springer. P. 405–428.
- Özkaya V.* 2009. Excavations at Körtik Tepe. A New Pre-Pottery Neolithic A Site in Southeastern Anatolia // *Neo-Lithic*. No. 2. P. 3–8.
- Palomino Flores S.* 1971. La dualidad en la organización socio-cultural de algunos pueblos del area andina // *Actas y Memorias del 39 Congreso Internacional de Americanistas*. Lima. Vol. 3. P. 231–269.
- Parsons E.C.* 1939. *Pueblo Indian Religion*. Chicago: University of Chicago Press. 1275 p.
- Parsons J.R., Hastings C.M.* 1988. The Late Intermediate Period // *Peruvian Prehistory*. Cambridge et al.: Cambridge University Press. P. 190–229.
- Patterson T.C.* 1985. The Huaca La Florida, Rimac Valley, Peru // *Early Ceremonial Architecture in the Andes*. Washington: Dumbarton Oaks. P. 59–69.
- Paulsen A.C.* 1974. The thorny oyster and the voice of God: Spondylus and Strombus in Andean prehistory // *American Antiquity*. Vol. 39. No. 4. P. 597–607.

Pearsall D.M. 2003. Plant food resources of the Ecuadorian Formative: an overview and comparison to the Central Andes // *Archaeology of Formative Ecuador*. Washington: Dumbarton Oaks. P. 213–257.

Pearsall D.M. 2008. Plant domestication and the shift to agriculture in the Andes // *Handbook of South American Archaeology*. N. Y.: Springer. P. 105–120.

Peasnell B., Rothman M.S. 2003. Excavating Tepe Gawra in the archives of the Museum of Pennsylvania Museum // *Expedition*. Vol. 38. No. 3. P. 34–39.

Pedersen A. 1976. El aguar funerario de la tumba de la Huaca Menor de Batán Grande (Lambayeque, Peru) // *Actas del 41 Congreso Internacional de Americanistas (Mexico 1974)*. Vol. 2. P. 60–73.

Peregrine P.N. 2001. Cross-cultural comparative approaches in archaeology // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 30. P. 1–18.

Peregrine P.N. 2003. Atlas of cultural evolution // *Journal of Comparative and Cross-Cultural Research*. Vol. 14. No. 1. P. 2–88.

Peregrine P.N., Ember M. 2000–2003. *Encyclopedia of Prehistory*. N. Y. et al.: Kluwer Academic, Plenum Publishers. Vol. 1–9.

Peregrine P.N., Ember M., Ember C.R. 2004. Predicting the future state of the world using archaeological data: an exercise in archaeomancy // *Cross-Cultural Research*. Vol. 38. P. 133–146.

Peters A.H. 1997. Paracas, Topará and Early Nasca: ethnicity and society on the South Central Andean Coast: Ph.D. thesis. Ithaca: Cornell University. 942 p.

Peterson E. 1984. Morteros ceremoniales: the early development and distribution of a decorated stone bowl tradition in Northwest South America // *Social and Economic Organization in the Prehistoric Andes*. Oxford: British Archaeological Research International Series. Vol. 194. P. 21–31.

Pezzia Assereto A. 1968. Ica y el Perú Precolombino. T. 1. Ica: Impresora editora Ojeda. 295 p.

Phillips S.S. 2009. Warriors, victims and the merely accident prone: fracture patterns in Moche skeletal remains from Northern Coastal Peru: Ph.D. thesis. New Orleans: Tulane University. 218 p.

Pike K.L. 1954. *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior*. Glendale: Summer Institute of Linguistics. 182 p.

Piperno D. 2011. Northern Peruvian Early and Middle Pre-ceramic agriculture in Central and South American contexts // *From Foraging to Farming in the Andes*. Cambridge et al.: Cambridge University Press. P. 275–284.

Piperno D.R., Pearsall D.M. 1998. *The Origin of Agriculture in the Lowland Neotropics*. San Diego et al.: Academic Press. 400 p.

Plazas C. 2007. La metalurgia del Área Intermedia Sur dentro del panorama americano // *International Journal of South American Archaeology*. Vol. 1. P. 33–38.

Pleasant J.G. 2009. Huaca de los Chinos: the Archaeology of a Formative Period Ceremonial Mound in the Moche Valley of Peru: Ph.D. thesis. Chapel Hill: University of North Carolina. 418 p.

Pochettino M.L., Cortella A.R., Ruiz M. 1999. Hallucinogenic snuff from Northwestern Argentina: microscopic identification of *Anadenanthera columbrina* var. *cebil* (Fabaceae) in powdered archaeological material // *Economic Botany*. Vol. 53. No. 2. P. 127–132.

Pollock S. 2010. Practices of daily life in fifth millennium B.C. Iran and Mesopotamia // *Beyond the Ubaid*. Chicago: Oriental Institute. P. 93–112.

Posnansky A. 1945. *Tihuanacu, the Cradle of American Man*. N. Y.: J.J. Augustin; La Paz: Minister of Education. Vol. 1. 158 p.

Pozorski S. 1987. Theocracy vs. militarism: the significance of the Casma valley in understanding early state formation // *The Origin and Development of the Andean State*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 15–30.

Pozorski S., Pozorski T. 1994. Early Andean cities // *Scientific American*. Vol. 270. No. 6. P. 66–72.

Pozorski S., Pozorski T. 2006. Las Haldas. An expanding Initial Period polity of Coastal Peru // *Journal of Anthropological Research*. Vol. 62. P. 27–52.

Pozorski S., Pozorski T. 2008a. Early cultural complexity on the Coast of Peru // *Handbook of South American Archaeology*. N. Y.: Springer. P. 607–631.

Pozorski S., Pozorski T. 2008b. Early cultural complexity on the Coast of Peru. Iowa City: University of Iowa Press. 160 p.

Pozorski T. 1980. The Early Horizon site of Huaca de los Reyes: societal implications // *American Antiquity*. Vol. 45. No. 1. P. 100–110.

Pozorski T. 1983. The Caballo Muerto complex and its place in the Andean chronological sequence // *Annals of Carnegie Museum*. Vol. 52. No. 1. P. 1–40.

Pozorski T., Pozorski S. 1993. Early complex society and ceremonialism on the Peruvian North Coast // *Senri Ethnological Studies*. Vol. 37. P. 45–68.

Pozorski T., Pozorski S. 1996. Ventilated hearth structures in the Casma Valley, Peru // *Latin American Antiquity*. Vol. 7. No. 4. P. 341–353.

Pozzi-Escot D. 1985. Conchopata: un poblado de especialistas durante el Horizonte Medio // *Bulletin de l'Institut Français d'Études Andines*. Vol. 14. No. 3–4. P. 115–129.

Pozzi-Escot D. 1991. Conchopata: A community of potters // *Huari administrative structure: Prehistoric monumental architecture and state government*. Washington: Dumbarton Oaks. P. 81–92.

Proulx D.A. 1983. Tiahuanaco and Huari // Art of the Andes. Pre-Columbian Sculptured and Painted Ceramics from the Arthur M. Sackler Collections. Washington: Arthur M. Sackler Foundation. P. 106–114.

Proulx D.A. 1994. Stylistic variation in Proliferous Nasca pottery // Andean Past. Vol. 4. P. 91–107.

Proulx D.A. 1996. Paracas // Andean Art at Dumbarton Oaks. Vol. 1. Washington D.C.: Dumbarton Oaks. P. 101–105.

Proulx D.A. 1999. The Nasca Culture: an introduction // Nasca: Geheimnisvolle Zeichen im Alten Peru. Zürich: Museum Rietberg Zürich. P. 59–77.

Proulx D.A. 2000. An analysis of Nasca pottery from the department of Arequipa, Peru / Paper presented to the 19th Northeastern Conference on Andean Archaeology and Ethnohistory. Hanover, N.H. 5 p.

Proulx D.A. 2006. A Sourcebook of Nasca Ceramic Iconography. Iowa City: University of Iowa Press. 236 p.

Proulx D.A. 2008. Paracas and Nasca: regional cultures on the South Coast of Peru // Handbook of South American Archaeology. N. Y.: Springer. P. 563–585.

Quilter J. 1991. Late Pre-ceramic Peru // Journal of World Prehistory. Vol. 5. No. 4. P. 387–438.

Quilter J. 2001. Moche mimesis: continuity and change in public art in early Peru // Moche Art and Archaeology in Ancient Peru. Washington: National Gallery of Art. P. 21–45.

Quilter J. 2004. Cobble Circles and Standing Stones. Archaeology of the Rivas Site, Costa Rica. Iowa City: Archaeology of the Iowa Press. 218 p.

Quilter J. 2010. The Moche of Ancient Peru. Media and Messages. Cambridge: Peabody Museum Press. 154 p.

Quilter J. 2013. Moche religion // The Oxford Handbook of the Archaeology of Ritual & Religion. Oxford: Oxford University Press. P. 585–599.

Quilter J., Koons M.L. 2012. The fall of the Moche: a critique of claims for the New World's first state // Latin American Antiquity. Vol. 23. No. 2. P. 127–143.

Quilter K., Ojeda B.E., Pearsall D.M., Sandweiss D.H., Jones J.G., Wing E.S. 1991. Subsistence economy in El Paraíso, an early Peruvian site // Science. Vol. 251. P. 277–283.

Quintanilla I. 2007. Esferas precolombinas de Costa Rica. San José: Fundación Museos Banco Central de Costa Rica. 152 p.

Ravines R.H. 1966. Un depósito de ofrendas en la Sierra Central del Perú // Revista del Museo Nacional. Vol. 34. P. 98–219.

Ravines R. 1975. Garagay. Un viejo templo en los Andes // Textual. Octubre 1975. P. 3–12.

Ravines R.H. 1977. Excavaciones en Ayampata, Huancavelica, Perú // Ñawpa Pacha. Vol. 15. P. 49–100.

Ravines R., Engelstad H., Palomino V., Sandweiss D. 1982. Materiales arqueológicos de Garagay // Revista del Museo Nacional. Vol. 46. P. 135–233.

Ravines R.H., Isbell W.H. 1975. Garagay: sitio ceremonial temprano en el valle de Lima // Revista del Museo Nacional. Vol. 41. P. 253–272.

Reichel-Dolmatoff G. 1975a. Templos kogi // Revista Colombiana de Antropología. Vol. 19. P. 199–243.

Reichel-Dolmatoff G. 1975b. The Shaman and the Jaguar. A Study of Narcotic Drugs among the Indians of Colombia. Philadelphia: Temple University Press. 280 p.

Reichel-Dolmatoff G. 1978. Beyond the Milky Way. Hallucinatory Imagery of the Tukano Indians. Los Angeles: University of California. 159 p.

Reichel-Dolmatoff G. 1985. Los Kogi. Bogotá: Procultura. Vol. 1. 278 p.

Reichel-Dolmatoff G. 1986. Arqueología de Colombia. Bogotá: Funbotánica. 281 p.

Reichert R.X. 1982. Moche iconography — the Highland connection // Pre-Columbian Art History: Selected Readings. Palo Alto: Peek Publications. P. 279–291.

Reid J.W., Jiménez Borja A. 1986. Culturas Precolombinas. Nazca. Lima: Banco de Crédito del Perú. 204 p.

Renfrew C. 1986. Introduction // Peer Polity Interaction and Socio-Political Change. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1–18.

Richardson J. 1994. People of the Andes. Montreal: St. Remy Press; Washington: Smithsonian Institution. 176 p.

Rick J.W. 2013. Religion and authority at Chavín de Huántar // Chavín. Peru's Enigmatic Temple in the Andes. Zurich: Museum Rietberg, Verlag Schneider & Speiss. P. 166–176.

Rios M. 1987. Qonchopata: examen de la metalurgia Wari // Gaceta Arqueológica Andina. Vol. 4. No. 15. P. 1–14.

Roaf M. 1984. Ubaid houses and temples // Sumer. Vol. 43. No. 1–2. P. 80–90.

Roaf M. 1990. Cultural Atlas of Mesopotamia and the Ancient East. Oxford: Equinox; N. Y.: Facts on File. 238 p.

Robinson S.S. 1972. Shamanismo entre los kofan // Actas y Memorias del 39 Congreso Internacional de Americanistas. T. 4. P. 89–93.

Rodriguez C.A. 2007a. Alto y Medio Cauca Prehispánico. Miami: Sillaba Press. 192 p.

Rodriguez C.A. 2007b. Alto Magdalena y Nariño Prehispánico. Miami: Sillaba Press. 124 p.

Rodriguez C.A., Pachajoa H. 2010. Salud y enfermedad en el arte prehispánico de la cultura Tumaco: La Tolita II. Santiago de Cali: Editorial Universidad del Valle. 138 p.

Rollefson G.O. 1983. Ritual and ceremony at Neolithic 'Ain Ghazal (Jordan) // *Paléorient*. Vol. 9. No. 2. P. 29–38.

Rollefson G.O. 1986. Neolithic 'Ain Ghazal (Jordan). Ritual and ceremony // *Paléorient*. Vol. 12. No. 1. P. 45–51.

Rollefson G.O. 1989. The Aceramic Neolithic of the Southern Levant: the view from 'Ain Ghazal // *Paléorient*. Vol. 15. No. 1. P. 135–140.

Rollefson G.O. 1990. The uses of plaster at Neolithic 'Ain Ghazal, Jordam // *Archaeomaterials* 4. No. 1. P. 33–54.

Rollefson G.O., Simmons A.H. 1987. The life and death of 'Ain Ghazal // *Archaeology*. Vol. 40. No. 6. P. 38–45.

Roosevelt A.C. 1999. The development of prehistoric complex societies: Amazonia, a tropical forest // *Complex Politics in the Ancient Tropical World*. Arlington: American Anthropological Association. P. 13–33.

Rosas R.M. 2007. Nuevas perspectivas acerca del colapso Moche en el Bajo Jequetepeque // *Bulletin de l'Institut Français d'Études Andines*. Vol. 36. No. 2. P. 221–240.

Rostworowski de Díez Canseco M. 1970. Mercaderes del valle de Chíncha en la época prehispánica // *Revista Española de Antropología Americana*. Vol. 5. P. 135–177.

Rowe J.H. 1962. Chavin Art. An Inquiry into its Form and Meaning. N. Y.: the Museum of Primitive Art. 23 p.

Rowe J.H. 1963. Urban settlements in ancient Peru // *Ñawpa Pacha*. No. 1. P. 1–27.

Russell N., Düring B.S. 2006. Worthy is the lamb: a double burial at Neolithic Çatalhöyük (Turkey) // *Paléorient*. Vol. 32. No. 1. P. 73–84.

Safar F., Ali Mustafa M., Lloyd S. 1981. Eridu. Baghdad: State Organization of Antiquity. Vol. and Heritage. 360 p.

Salazar E. 2008. Pre-Columbian mound complexes in the Upano River Valley, Lowland Ecuador // *Handbook of South American Archaeology*. N. Y.: Springer. P. 263–278.

Salazar-Burger L., Burger R.L. 1983. La araña en la iconografía del Horizonte Temprano en la Costa Norte del Perú // *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. Bd. 4. P. 213–253.

Salazar-Burger L., Burger R.L. 1996. Cupisnique // *Andean Art at Dumbarton Oaks*. Vol. 1. Washington: Dumbarton Oaks. P. 87–100.

Samaniego L., Vergara E., Bischof H. 1985. New evidence on Cerro Sechín, Casma Valley, Peru // *Early Ceremonial Architecture in the Andes*. Washington: Dumbarton Oaks. P. 165–190.

Sandweiss D.H. 1988. The fishermen of Chíncha // *Economic Prehistory of the Central Andes*. Oxford: British Archaeological Research International Series. Vol. 427. P. 99–118.

Sandweiss D.H. et al. 2007. Mid-Holocene climate and culture change in coastal Peru // *Climate Change and Cultural Dynamics: A Global Perspective on Mid-Holocene Transitions*. San Diego: Academic Press. P. 25–50.

Saville M.H. 1910. The Antiquities of Manabí, Ecuador: Final Report. N. Y.: The Heye Foundation. 284 p.

Saville M.H. 1924. The Gold Treasure of Sigisig, Ecuador. N. Y.: The Heye Foundation. 20 p.

Sayre M.P. 2010. Life across the river: agricultural, ritual, and production practices at Chavín de Huántar, Perú: Ph.D. thesis. Berkeley: University of California. 291 p.

Sayre M.P., Goldstein D., Whitehead W., Williams P.T. 2012. A marked preference: chicha de molle and Huari state consumption practices // *Ñawpa Pacha*. Vol. 32. No. 2. P. 207–230.

Sayre M.P., López N.L. 2009. Exchange at Chavín de Huántar: insights from shell data // *Andean Past*. Vol. 9. P. 340–345.

Scattolin M.C. 2006. Contornos y confines del universo iconográfico precalchaquí del valle de Santa María // *Estudios Atacameños*. Vol. 32. P. 119–139.

Schirmer W. 1990. Some aspects of building at the aceramic Neolithic settlement of Çayönü Tepesi // *World Archaeology*. Vol. 21. No. 3. P. 363–387.

Schmandt-Besserat D. 1992. Before Writing. Austin: University of Texas Press. Vol. 1. From Counting to Cuneform. 269 p.

Schmidt K. 1999. The 1999 campaign at Göbekli Tepe (Southeastern Turkey) // *Neo-Lithics*. Vol. 3. P. 12–15.

Schmidt K. 2001. Göbekli Tepe, Southeastern Turkey. A preliminary report on the 1995–1999 excavations // *Paléorient*. Vol. 26. No. 1. P. 45–54.

Schmidt K. 2003. The 2003 campaign at Göbekli Tepe (Southeastern Turkey) // *Neo-Lithics*. Vol. 2. P. 3–8.

Schreiber K.J. 1992. Wari Imperialism in Middle Horizon Peru. Ann Arbor: University of Michigan. 332 p.

Scott David A. 2011. The La Tolita-Tumaco culture: master metalsmiths in gold and platinum // *Latin American Antiquity*. Vol. 22. No. 1. P. 65–95.

Seki Y., Villanueva J.P., Sakai M., Alemán D., Ordóñez M., Tosso W., Espinoza A., Inokuchi K., Morales M. 2008. Nuevas evidencias del sitio arqueológico de Pacopampa, en la sierra norte del Perú // *Boletín de Arqueología PUCP*. Vol. 12. P. 69–95.

- Serje M. 1987.* Arqueología y urbanismo en la cultura Tairona // Boletín Museo de Oro. Vol. 19. P. 87–96.
- Sevilla Casas E. 2009.* Arte en la necrópolis prehispánica de Tierradentro // Revista Colombiana de Antropología. Vol. 45. No. 2. P. 369–397.
- Sevilla Casas E. 2010.* Shaft-and-chambers tombs in the necropolis of Tierradentro, Colombia // International Journal of South American Archaeology. Vol. 6. P. 36–44
- Shady Solis R. 2006a.* America's first city? The case of Late Archaic Caral // Andean Archaeology III. North and South. N. Y.: Springer Science. P. 28–66.
- Shady Solis R. 2006b.* La civilización Caral: sistema social y manejo del territorio y sus recursos. Su transcendencia en el proceso cultural andino // Boletín de Arqueología PUCP. Vol. 10. P. 59–89.
- Sharp K. 2005.* Iconography for the living or the dead? New perspectives on Moche IV–V ceramic iconography, North Coast Peru: Ph.D. thesis. Denver: Metropolitan State College. 276 p.
- Sherratt A. 1981.* Plough and pastoralism: aspects of the secondary products revolution // Pattern of the Past. Cambridge: Cambridge University Press. P. 261–305.
- Shimada I. 1985.* Reception, procurement, and management of resources: ancient perspective // Andean Ecology and Civilization, Craig Morris (ed.). Tokyo: University of Tokyo Press. P. 357–399.
- Shimada I. 1986.* Batán Grande and cosmological unity in the prehistoric Central Andes // Andean Archaeology. Los Angeles: University of California. P. 163–188.
- Shimada I. 1987.* Horizontal and vertical dimensions of prehistoric states in North Peru // The Origins and Development of the Andean State. Cambridge: Cambridge University Press. P. 130–144.
- Shimada I. 1990.* Cultural continuities and discontinuities on the Northern North Coast of Peru, Middle — Late Horizons // The Northern Dynasties: Kingship and Statecraft in Chimor. Washington: Dumbarton Oaks. P. 297–392.
- Shimada I. 1994.* Pampa Grande and the Mochica Culture. Austin: University of Texas. 323 p.
- Shimada I. 2001.* Late Moche urban craft production: a first approximation // Moche Art and Archaeology in Ancient Peru. Washington: National Gallery of Art. P. 177–205.
- Shimada I., Cavallaro R. 1985.* Monumental adobe architecture of the Late Prehispanic Northern North Coast of Peru // Journal de la Société des Américanistes. Vol. 71. P. 41–78.
- Shimada I., Elera C.G. 1983.* Batán Grande y la emergente complejidad cultural en el Norte del Perú durante el Horizonte Medio: datos y modelos //

- Boletín del Museo Nacional de Arqueología y Antropología. Vol. 8. P. 41–47.
- Shimada I., Griffin J.A. 1994.* Precious metal objects of the Middle Sicán // Scientific American. April 1994. P. 60–67.
- Shimada I., Maguiña A. 1994.* Nueva visión sobre la cultura Gallinazo y su relación con la cultura Moche // Moche. Propuestas y Perspectivas. Lima: Universidad Nacional de la Libertad. P. 31–58.
- Shimada I., Merkel J. 1991.* Copper-alloy metallurgy in Ancient Peru // Scientific American. Vol. 265. No. 1. P. 80–86.
- Shimada I., Shimada M. 1981.* Explotación y manejo de los recursos naturales en Pampa Grande, sitio Moche V // Revista del Museo Nacional. Vol. 45. P. 19–77.
- Sievertsen U. 2010.* Buttress-recess architecture and status symbolism in the Ubaid period // Beyond the Ubaid. Chicago: Oriental Institute. P. 201–224.
- Silverman H. 1988.* Cahuachi: non-urban cultural complexity on the South Coast of Peru // Journal of Field Archaeology. Vol. 15. No. 1. P. 403–430.
- Silverman H. 1993.* Cahuachi in the Ancient Nasca World. Iowa City: University of Iowa Press. 371 p.
- Silverman H. 2002.* Ancient Nasca Settlement and Society. Iowa City: University of Iowa Press. 371 p.
- Silverman H., Proulx D.A. 2002.* The Nasca. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell. Publishers. 339 p.
- Singh O.K. 1983.* A live megalithic culture in Manipur // Recent Advances in the Indo-Pacific Prehistory. Leiden: E.J. Brill. P. 491–496.
- Slovak N.M. 2007.* Examining imperial influence on Peru's Central Coast: isotopic and cultural analyses of Middle Horizon burials at Ancon: Ph.D. thesis. Stanford: Stanford University. 241 p.
- Smith S.C. 2012.* Generative Landscapes: The Step Mountain Motif in Tiwanaku Iconography. Barnardville: Boundary End Archaeology Research Center. 70 p.
- Snarskis M.J. 1987.* The archaeological evidence for chiefdoms in Eastern and Central Costa Rica // Chiefdoms in the Americas. Lanham; L.: University Press of America. P. 105–117.
- Snarskis M.J. 2003.* From jade to gold in Costa Rica: how, why, and when // Gold and Power in Ancient Costa Rica, Panama and Colombia. Washington: Dumbarton Oaks. P. 159–204.
- Spataro M., Fletcher A. 2010.* Centralization or regional identity in the Halaf period? Examining interactions within fine painted ware production // Paléorient. Vol. 36. No. 2. P. 91–116.

Spencer C.S., Gassón R.A., Redmond E.M. 1999. A macroregional view of cycling chiefdoms in the Western Venezuelan Llanos // Complex Politics in the Ancient Tropical World. Arlington: American Anthropological Association. P. 109–129.

Spencer C.S., Redmond E.M. 1983. Archaeological investigation in the Andean Piedmont and High Llanos of Western Venezuela: a preliminary report // Prehistory and Protohistory. Ithaca: Cornell University. P. 137–157.

Spencer C.S., Redmond E.M. 1992. Prehispanic chiefdoms of the Western Venezuelan Llanos // World Archaeology. Vol. 24. No. 1. P. 134–157.

Stahl P.W. 2000. Archaeofaunal accumulation, fragmented forests, and anthropogenic landscape mosaics in the tropical lowlands of Prehispanic Ecuador // Latin American Antiquity. Vol. 11. No. 3. P. 241–257.

Staller J.E. 2001a. Reassessing the developmental and chronological relationships of the Formative of Coastal Ecuador // Journal of World Prehistory. Vol. 15. No. 2. P. 193–256.

Staller J.E. 2001b. The Jelí phase complex at La Emergencia, a Late Valdivia site in Southern El Oro province, Ecuador // Andean Past. Vol. 6. P. 117–174.

Stanish C. 2001. The origin of state societies in South America // Annual Review of Anthropology. Vol. 30. P. 41–64.

Stanish C. 2003. Ancient Titicaca. The Evolution of Complex Society in Southern Peru and Northern Bolivia. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press. 354 p.

Stanish C., Harley K.J. 2004. Power, fairness, and architecture: modeling early chiefdom development in the Central Andes // Archaeological Papers of the American Anthropological Association. Vol. 14. No. 1. P. 53–70.

Stanish C., Levine A. 2012. War and early state formation in the northern Titicaca Basin, Peru // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 108. No. 34. P. 13901–13906.

Stein G. 1994. Economy, ritual and power in 'Ubaid Mesopotamia // Chiefdoms and Early States in the Near East. Madison: Prehistory Press. P. 35–46.

Stein G. 2010a. Tell Zeidan // 2009–2010 Annual Report. Chicago: the Oriental Institute. P. 105–118.

Stein G. 2010b. Modeling regional variations in the Ubaid horizon // Beyond the Ubaid. Chicago: Oriental Institute. P. 23–44.

Stein G., Wattenmaker P. 1990. The 1987 Tell Leilan regional survey: preliminary report // Economy and settlement in the Near East: Analysis of Sites and Materials. Philadelphia: University of Pennsylvania. P. 8–18.

Steward J. 1949. Cultural causality and law: a trial formulation of the development of early civilizations // American Anthropologist. Vol. 51. No. 1. P. 1–27.

Stirling M.W. 1938. Historical and Ethnographical Material on the Jivaro Indians. Washington: Smithsonian Institution. 139 p.

Stordeur D. 2000. New discoveries in architecture and symbolism at Jerf el Ahmar (Syria), 1997–1999 // Neo-Lithics. Vol. 1. P. 1–4.

Stordeur D. 2003. Des crânes surmodelés à Tell Aswad de Damascène (PPNB — Syrie) // Paléorient. Vol. 29. No. 2. P. 109–116.

Stordeur D., Brenet M., Der Aprahamian G., Roux J.-C. 2001. Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syries) // Paléorient. Vol. 26. No. 1. P. 29–44.

Sutter R.C. 2000. Prehistoric genetic and culture change: a bio-archaeological search for pre-Inca Altiplano colonies in the coastal valleys of Moquequa, Peru, and Azapa, Chile // Latin American Antiquity. Vol. 11. No. 1. P. 43–70.

Sutter R.C., Cortez R.J. 2005. The nature of Moche human sacrifice: a bio-archaeological perspective // Current Anthropology. Vol. 46. No. 4. P. 521–549.

Swenson E. 2012. Warfare, gender, and sacrifice in Jequetepeque, Peru // Latin American Antiquity. Vol. 23. No. 2. P. 167–197.

Tello J.C. 1956. Arqueología del Valle de Casma. Lima: Editorial San Marcos. 344 p.

Testart A. 2008. Des crânes et de vautours ou la guerre oublié // Paléorient. Vol. 34. No. 1. P. 33–58.

Thompson D.E., Ravines R. 1973. Tinyash. A Prehispanic village in the Andean Puna // Archaeology. Vol. 26. No. 2. P. 94–100.

Tobler A.J. 1950. Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia: University of Pennsylvania; L.: Oxford University Press. 260 p.

Tochihara K. 2002. The Cupisnique culture in the Formative period world of the Central Andes, Peru: Ph.D. thesis. Urbana: University of Illinois at Urbana-Champaign. 783 p.

Toohy L.J. 2009. Community organization, militarism, and ethno-genesis in late prehistoric Northern Highlands of Peru: Ph.D. thesis. Santa Barbara: University of California. 549 p.

Topic J.R. 1986. A sequence of monumental architecture from Huamachuco // Perspectives on Andean Prehistory and Protohistory. Ithaca: Cornell University. P. 63–83.

Topic J.R. 1998. Ethnogenesis in Huamachuco // Andean Past. Vol. 5. P. 109–127.

Torres C.M. 1986. Tabletas para alucinógenos en Sudamérica: tipología, distribución y rutas de difusión // Boletín del Museo Chileno de Arte Precolombino. Vol. 1. P. 37–53.

Torres C.M. 1987a. The iconography of South American snuff trays and related paraphernalia. Göteborg: Göteborgs Etnologiska Museum. 305 p.

Torres C.M. 1987b. The iconography of the Prehispanic snuff trays from San Pedro de Atacama, Northern Chile // *Andean Past*. Vol. 1. P. 191–245.

Tulato B.A. 2003. Ventana a la prehistoria de América. Bogota: Villegas Editores. 621 p.

Tung T.A. 2007. Trauma and violence in the Wari Empire of the Peruvian Andes: warfare, raids, and ritual fights // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 133. P. 941–956.

Tung T.A. 2008. Dismembering bodies for display: a bioarchaeological study of trophy heads from the Wari site of Conchopata, Peru // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 136. P. 294–308.

Twiss K.C., Russel N. 2009. Taking the bull by the horns: ideology, masculinity, and cattle horns at Çatalhöyük (Turkey) // *Paléorient*. Vol. 35. No. 2. P. 19–32.

Tykot R.H., van der Merwe N.J., Burger R.L. 2006. The importance of maize in Initial Period and Early Horizon Peru // *Histories of maize: multidisciplinary approaches to the prehistory, linguistics, biogeography, domestication, and evolution of maize*. Amsterdam: Academic Press. P. 187–197.

Uceda Castillo S. 2001. Investigations at Huaca de la Luna, Moche Valley: an example of Moche religious architecture // *Moche Art and Archaeology in Ancient Peru*. Washington: National Art Gallery. P. 47–67.

Uceda Castillo S. 2010. Theocracy and secularism // *New Perspectives on Moche Political Organization*. Washington: Dumbarton Oaks. P. 132–158.

Ulloa F.C. 2001. Chiriquí // *Encyclopedia of Prehistory*. Vol. 5: Middle America. N. Y. et al.: Plenum Publishers. P. 54–68.

Urton G. 1993. Moieties and ceremonialism in the Andes: the ritual battles of the carnival season in Southern Peru // *Senri Ethnological Studies*. Vol. 37. P. 117–142.

Valcárcel L.E. 1933. Esculturas de Pikillajta // *Revista del Museo Nacional*. Vol. 2. P.1. P. 19–48.

Valdez F. 1992. Symbols, ideology, and the expression of power in La Tolita, Ecuador // *The Ancient Americas. Art from Sacred Landscapes*. Chicago: The Art Institute of Chicago. P. 229–243.

Valdez L. 1996. Los vecinos de Nasca: entierros de la tradición Huarato del valle de Acari, Perú // *Bulletin de l'Institut Français d'Études Andines*. Vol. 35. No. 1. P. 1–20.

Valdez L. 1998. The Nasca and the Valley of Acari. Cultural Interaction on the Peruvian South Coast during the First Four Centuries A.D.: Ph.D. thesis. Calgary: University of Calgary. 249 p.

Valdez L. 2009. Conflicto y decapitación humana en Amato (Valle de Acari, Perú) // *Bulletin de l'Institut Français d'Études Andines*. Vol. 38. No. 2. P. 177–204.

Valdez L., Vivanco C. 1994. Arqueología de la cuenca de Qaracha, Ayacucho, Perú // *Latin American Antiquity*. Vol. 5. No. 2. P. 144–157.

Vega-Centeno R. 1998. Patronos y convenciones en el arte figurativo del Formativo Temprano en la Costa Norte de los Andes Centrales // *Bulletin de l'Institut Français d'Études Andines*. Vol. 27. No. 2. P. 183–211.

Vega-Centeno R. 2000. Imagen y simbolismo en la arquitectura de Cerro Blanco, costa nor-central peruana // *Bulletin de l'Institut Français d'Études Andines*. Vol. 29. No. 2. P. 139–159.

Vega-Centeno R. 2005. Ritual and architecture in a context of emergent complexity: a perspective from Cerro Lampay, a Late Archaic site in the Central Andes. Ph.D. thesis. Tucson: the University of Arizona. 397 p.

Vega-Centeno R. 2010. Cerro Lampay: architectural design and human interaction in the North Central Coast of Peru // *Latin American Antiquity*. Vol. 21. No. 2. P. 115–145.

Velandia C.A. 1994. San Agustín. Arte, estructura y arqueología. Bogotá: Banco Popular. 124 p.

Velandia C.A. 1999. The archaeological culture of San Agustín // *Archaeology in Latin America*. L.; N. Y.: Routledge. P. 185–219.

Velandia C.A. 2005. Iconografía funeraria de la cultura arqueológica de Santa María — Argentina. Ibagué: Universidad de Tolima. 218 p.

Verano J. 2001. War and Death in the Moche World: Osteological Evidence and Visual discourse // *Moche Art and Archaeology in Ancient Peru*. Washington: National Gallery of Art. P. 111–123.

Verhoeven M. 2013a. The many dimensions of ritual // *The Oxford Handbook of the Archaeology of Ritual & Religion*. Oxford: Oxford University Press. P. 115–132.

Verhoeven M. 2013b. Retrieving the supernatural. Ritual and religion in the prehistoric Levant // *The Oxford Handbook of the Archaeology of Ritual & Religion*. Oxford: Oxford University Press. P. 795–810.

Vértessalji P.P. 1987. The chronology of the Chalcolithic in Mesopotamia (6200–3400 B.C.) // *Chronologies in the Near East*. Oxford: British Archaeological Research International Series. Vol. 379. P. 483–498.

Villanueva J.E. 2007. Las escudillas del rasgo 1 en la Isla de Pariti: Interpretación y consideraciones desde un enfoque iconográfico // *Chachapuma: Revista de Arqueología Boliviana*. Vol. 1. P. 53–63.

Vogel M. 2011. Style and interregional interaction. Ceramics from the Casma capital of El Purgatorio // *Ñawpa Pacha*. Vol. 31. No. 2. P. 201–224.

- Walker J.H.* 2008. The Llanos de Mojo // Handbook of South American Archaeology. N. Y.: Springer. P. 927–939.
- Wallace A.F.* 1956. Revitalization movements // American Anthropologist. Vol. 58. No. 2. P. 264–281.
- Wallace D.T.* 1986. The Topara tradition: an overview // Perspectives on Andean Prehistory and Protohistory. Ithaca: Cornell University. P. 35–47.
- Watanabe S.* 2009. La cerámica caolín en la cultura Cajamarca (Sierra Norte del Perú). P. el caso de la fase Cajamarca Media // Bulletin de l'Institut Français d'Études Andines. Vol. 38. No. 2. P. 205–236.
- Watkins T.* 2010. New light on Neolithic revolution in south-west Asia // Antiquity. Vol. 84. No. 325. P. 613, 621–634.
- Weber R.L.* 1981. An analysis of Santa María urn painting and its cultural implications. Chicago: Field Museum of Natural History. 32 p.
- Weinstein E.* 1999. The Serpent Children: the Iconography of the Late Formative Ceramics of Coastal Ecuador: Ph.D. Thesis. Toronto: University of Toronto. 484 p.
- Weiss E., Kislev M.E., Hartmann A.* 2006. Autonomous cultivation before domestication // Science. Vol. 312. P. 1608–1610.
- Weiss H.* 2000. Beyond the Younger Dryas. Collapse as adaptation to abrupt climate change in Ancient West Asia and the Eastern Mediterranean // Environment Disaster and the Archaeology of Human Response. Albuquerque: Maxwell Museum of Anthropology. P. 75–98.
- Whitten N.E.* 1976. Sacha Runa. Ethnicity and Adaptation of Ecuadorian Jungle Quichua. Urbana: University of Illinois Press. 348 p.
- Wichler W., Seibt U.* 1982. Alt-Ekuatorianische Spinnwirtel und ihre Bildmotive // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 4. S. 315–427.
- Wilbert J.* 1974. The Thread of Life. Symbolism of Miniature Art from Ecuador. Washington: Dumbarton Oaks. 112 p.
- Willey G.R.* 1874. Das Alte Amerika. Berlin: Propyläen Verlag. 393 S.
- Williams León C.* 1980. Complejos de pirámides con planta en U. Patrón arquitectónico de la costa central // Revista del Museo Nacional. Vol. 44. P. 95–110.
- Wilson D.J.* 1989. Prehistoric Settlement Patterns in the Lower Santa Valley, Peru. A regional perspective on the origins and development of complex North Coast society. Washington; L.: Smithsonian Institution Press. 590 p.
- Wright H.T.* 1987. The Susiana hinterlands during the era of primary state formation // The Archaeology of Western Iran. Washington: Smithsonian Institution. P. 141–156
- Wright H.T., Johnson G.A.* 1975. Population, exchange, and early state formation in Southwestern Iran // American Anthropologist. Vol. 77. P. 267–289.

- Write K., Garrard K.* 2003. Social identities and the expansion of stone bead-making in Neolithic Western Asia: new evidence from Jordan // Antiquity. Vol. 77. No. 296. P. 267–284.
- Wurster W.* 1979. Aportes a la reconstrucción de templos sobre las pirámides de Cochasqui, Ecuador // Collectanea instituti athropos. Vol. 21. P. 300–304.
- Wust I., Barreto C.* 1999. The ring villages of Central Brazil: a challenge for Amazonian archaeology // Latin American Antiquity. Vol. 10. No. 1. P. 3–23.
- Yacovleff E., Herrera F.L.* 1935. El mundo vegetal de los antiguos peruanos // Revista del Museo Nacional. Vol. 4. No. 1. P. 31–102.
- Zeidler J.A.* 2008. The Ecuadorian Formative // Handbook of South American Archaeology. N. Y.: Springer. P. 459–488.
- Zeidler J.A., Buck C.T., Litton C.D.* 1998. Integration of archaeological phase information and radiocarbon results from the Jama River valley, Ecuador: a Bayesian approach // Latin American Antiquity. Vol. 9. No. 2. P. 160–179.
- Zeidler J.A., Isaacson J.S.* 2003. Settlement process and historical contingency of the Western Ecuadorian Formative // Archaeology of Formative Ecuador. Washington: Dumbarton Oaks. P. 69–123.
- Zeidler J.A.* 1988. Feline imagery, stone mortars, and Formative Period interaction spheres in the Northern Andean areas // Journal of Latin American Lore. Vol. 14. No. 2. P. 243–283.
- Zevallos Quiñones J.* 1989. Introducción a la cultura Lambayeque // Culturas Precolombinas. Lambayeque. Lima: Banco de Crédito del Perú. P. 15–103.
- Zick M.* 2011. Die Rätselhaften Vorfahren der Inka. Stuttgart: Theiss. 160 S.
- Zucchi A.* 1972. Aboriginal earth structures of the Western Venezuelan Llanos // Caribbean Journal of Science. Vol. 12. No. 1–2. P. 95–106.
- Zuidema T.* 1964. The ceque system of Cuzco: the social organization of the capital of the Inca. Leiden: Brill. 265 p.
- Zuidema T.* 1992. The Tairona of Ancient Colombia // The Ancient Americas. Art from Sacred Landscapes. Chicago: The Art Institute of Chicago. P. 244–257.

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР, ПАМЯТНИКОВ, ЭТНОСОВ, ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ*

- PPNA, см. докерамический неолит А 169, 170
- PPNB, см. докерамический неолит Б 169–172, 174, 178, 191
- Абисео 106–108
- Агуас-буэнас 138
- Айн-Газаль 174–176, 179, 191
- Анимас-Альтас 78, 79
- Арслан-тепе 185
- Асперо 18, 24, 27, 142
- Ашикли-хеюк 175, 176, 191
- Баия 116, 117, 121
- Бандурриа 18, 20, 21, 24
- Баррилес 138, 141
- Батан-Гранде 61, 202
- Беершева 188
- Богота 132
- Буритака-200 130, 131
- Вальдивия 110, 113, 114
- Вентаррон 164
- Вентилья 80
- Викус 54, 56
- Виракочапампа 93, 100
- Гаван 134, 135
- Галиндо 58, 202
- Гальинасо 13, 52–56, 84, 93, 97, 99, 160, 202
- Гарагай 26, 29, 199
- Гёбекли-тепе 169–175, 177, 178, 206
- Гилат 187, 188
- Гуаябо [Гуаябó] 140, 141
- Джейтунская культура 204
- Докерамический неолит А 169
- Докерамический неолит Б 169
- Дуитама 132
- Жерф-эль-Ахмар 169, 170, 173–175
- Иерихон 179
- Илама 44, 126, 127, 144
- Илгынлы-депе 204
- Ингуапи 115
- Инки 14, 63, 64, 71, 97, 98, 100, 105, 106, 122, 150, 154, 165, 168
- Йотоко 126–128, 144, 161
- Кабальо-Муэрто 29, 30, 51
- Каласасая 88
- Кампанаюк-Руми 50
- Каньяри 122
- Караль 21, 28, 39, 142
- Каранги 122, 123
- Карахан 173
- Кардаль 26, 29
- Карибы 112, 129
- Касма 18, 23, 25–27, 30–33, 35–39, 42, 48, 49, 52, 64, 98, 99, 156, 160, 163, 165, 166
- Кауачи 78, 80, 85, 160, 166, 202
- Кахамарка 65–67
- Кёртик-тепе 172, 173
- Койюр 65
- Кокле 44, 137, 138, 163
- Колья 167
- Кончопата 91, 94
- Котош 23, 24, 154–156
- Кочаски 122, 123
- Куисманку 67
- Кунтур-Уаси 42–44
- Куписнике 22, 39, 42, 43, 47, 51, 52, 56, 116
- Куско 71, 100, 101, 104–106, 167, 200
- Куэлап 106
- Ла-Гальгада 22, 24, 36
- Лагуна-де-лос-Кондорес 107, 108
- Ламбайеке, см. сикан 53–55, 58, 61, 63, 98, 153, 154, 163, 164
- Лас-Альдас 26, 32, 33, 34, 36, 37, 160
- Лас-Анимас, см. Анимас-Альтас 78
- Лас-мерседес 141
- Ла-Флорида 25–27, 32, 52, 202
- Ла-Эмерхенсиа 113
- Лима 18, 25, 52, 64, 75, 99, 121, 144, 160, 166, 199, 202
- Лупака 167
- Малагана 43, 126, 144, 192
- Манта, см. Хокай 116, 117
- Мантеньо 117–121, 128, 159, 163
- Манчан 25, 32, 34, 160
- Маркауамачуко 69, 71, 72, 74, 200, 202
- Медиа-Луна 78
- Милагро-кеведо 121, 194
- Мина-Пердида 26
- Мито 23–25
- Монте-Альбан 14, 87
- Мохеке, Пампа-де-лас-Льямас — Мохеке 25, 30, 31, 33, 34, 36, 37, 160
- Моче, см. мочика 28–30, 36, 43, 51–61, 65, 78, 97, 165, 166
- Мочика 14, 34, 39, 40, 42–45, 51, 52, 54–60, 63, 65, 67, 69, 85–88, 93, 97–99, 107, 116, 118–120, 154, 156–158, 164, 166, 195
- Муиски 132, 133
- Мунбата 179
- Мундуруку 81, 198, 201
- Мурсьелаго 139
- Нага 197
- Нанчок 143
- Наска 34, 42, 44, 60, 65, 75, 78, 80–82, 85–87, 99, 107, 120, 144, 154, 160, 166
- Нахаль-Кана 187, 188
- Нахаль-Мишмар 187
- Невали-Чори 169, 173
- Ниппур 186
- Норте-Чико 18–22, 25, 27, 28, 165
- Нуликуандекуэ 130
- Ньявинпукио 91, 92
- Палька 36
- Пампа-Гранде 58–63, 144, 151, 160, 161, 202
- Паньямарка 51, 60
- Паракас 34, 42, 54, 60, 75, 77–79, 151
- Паукартамбо 200
- Пашаш 67–70
- Песседжик-депе 204
- Пикильякта 101, 102, 104
- Пирамиде 130
- Пукара 84, 85, 160, 202
- Пукара Пантильихлья 105
- Пуэблито 130, 131
- Реаль-Альто 110, 112, 113, 142
- Рекуай 42, 65–67, 69, 70–72, 99, 107, 144, 154, 163
- Ривас 139
- Салангоме 117–119

* При совпадении названий культур и долин указания на страницы относятся только к культурам.

- Салинар 52, 54, 56, 118
 Самагольи 124
 Самарра 178–180
 Сан-агустин 127–129, 144, 151, 158, 159, 161, 162
 Сан-Исидро 113
 Санта 24, 27, 36, 54, 67, 75
 Санта-мария 154, 156
 Санта-Роса 75, 160, 166, 202
 Сантарем 153, 154
 Сан-Хасинто 26, 32, 52
 Сан-Хосе-де-Моро 202
 Серро-Бауль 90
 Серро-Бланко 36
 Серро-де-Охас 120
 Серро-Ореха 29, 53
 Серро-Сечин 33–35
 Серро-Хабонсильо 118–120
 Сечин-Альто 26, 30, 32–34
 Сечин-Бахо 18
 Сикан 61, 63, 98, 121, 151
 Сину 130, 134, 137, 159
 Сипан 40, 43, 44, 55
 Согамосо 132
 Сора 106
 Сузиана 202
 Сузы 183, 193
 Тайрона 44, 130–135, 137, 159
 Тахауана 78, 79
 Тель эс-Савван 178–180
 Тель-Брак 184–186, 192, 203
 Тель-Зейдан 181
 Тепе-Гавра 185
 Тиуанако 42, 84, 85–91, 93, 95, 97–99, 105, 160, 164, 165, 167, 195, 196, 201, 207
 Тиньяш 108, 109, 201
 Толита 42–44, 54, 114–116, 118, 121, 122, 126, 127, 144, 161, 163
 Топара 75–78, 160, 165
 Тукуме 61, 64, 202
 Тумако, см. толита 114, 144
 Тунха 132
 Тьеррадентро 129, 151, 152, 158, 159, 162
 Уака-де-ла-Луна 51, 54, 60
 Уака-де-лос-Рейес 29, 30, 34, 36
 Уака-де-лос-Чинос 43
 Уака-дель-Соль 33, 54, 58, 62
 Уака-де-Сото 75
 Уака-Кортада 29
 Уака-Лоро, подпись к рисунку на обложке 2
 Уака-Мохеке, см. Мохеке 30
 Уака-Приета 22
 Уакас-де-Моче 29, 51, 54, 57–61, 116, 160, 202
 Уака-Форталеса 33, 58, 60, 62
 Уамачуко 65, 66, 68, 71, 73, 74, 92, 97, 106
 Уандо, см. Сан-Хасинто 26
 Уанкавилъка 118
 Уарато 81
 Уари 42, 45, 61, 64, 65, 67, 69, 71, 74, 81, 85, 86, 90, 91–101, 103–107, 144, 150, 154, 158, 160, 161, 164, 165, 167, 195, 196, 200–202
 Уари-Каян 77, 78
 Уарпа 91–93
 Убейд 179, 180, 186
 Упано 122–125, 194
 Ур 26, 27
 Урук 10, 14, 184, 186, 187, 192, 205
 Халаф 179, 180, 188
 Хама-коаке 121
 Хамукар 185, 186, 192
 Хараппская культура 204
 Хатанка 54
 Хиваро 81, 119, 120, 201
 Хокай 117, 119
 Чавин-де-Уантар (Чавин) 22, 38, 40, 41, 44–48, 95, 116, 160, 198

- Чагыллы-депе 204
 Чанка 26, 106
 Чанкильо 48, 49
 Чан-Чан 29, 61, 106, 121, 202
 Чатал-хеюк 174, 176–179, 188, 191, 192, 204
 Чачапоя 106–108
 Чаюню-тепеси 173
 Чибча 129
 Чимор 45, 61, 63, 64, 100, 106, 121, 158, 163, 166
 Чиму 42, 107, 158
 Чинчауас 69
 Чирики 138, 140
 Чирипа 86, 167
 Чога-Миш 182
 Чонгос 75
 Чорнанкап 158
 Чоррера 114, 121
 Чота-кутерво 107, 108, 109, 121, 201
 Шингуано 113
 Эйи-Геди 188
 Эль-Кастильо 71, 72, 200
 Эль-Параисо 25, 26
 Эль-Порвенир 143
 Эль-Пургаторио, см. Тукуме 61, 64
 Эль-Силенсио 24
 Эстерос 116, 117
 Юри 199

Yuri E. Berezkin

**BETWEEN THE COMMUNITY AND THE STATE
THE MIDDLE-RANGE SOCIETIES OF NUCLEAR AMERICA AND
THE NEAR EAST IN HISTORICAL DYNAMICS**

The economic, technological and demographic parameters of the middle-range and early state societies in Nuclear America, on one side, and in the Middle East, on the other side, were much less distinct than their sociopolitical characteristics. The predominant approach to the study of all these societies (with the important exception of K. Makowski's) is to apply to them notions and terms elaborated on the base of ethnographic materials and visualized as universal and suitable for any region and time. However, the precise reconstruction of prehistoric sociopolitical systems using the archaeological data alone is hardly possible. It is more reliable to follow a purely "etic" approach and not to compare the archaeologically visible evidence of complexity with the data of anthropology, but to analyze the differences between the archaeological materials themselves, according to epochs and regions. Among recognized categories of archaeological data that can be taken as proxies for sociopolitical complexity are the corporate architecture, big settlements, rich burials and three or four levels in settlement patterns, either alone or in any combination. The precise parameters, like a particular volume of monumental structures, or a particular size of settlements can be established only provisionally. The most important factor is the general trajectory of their change. An overview of the evidence in favor of sociopolitical complexity for Nuclear America from Costa Rica to Bolivia (ca. 3000 cal. B.C. – A.D. 1500) and for Mesopotamia, the Levant and part of Anatolia (ca. cal. 9500 B.C. – 3000 B.C.) is suggested. Among the traits that make the American societies so different from the Near Eastern ones are the size of monumental constructions and the value of burial goods. These are disproportionately large in relation to their assessed demographic parameters. In America the number of known prehistoric objects decorated with figurative representations is hundreds if not thousands of times greater than their number for the Near Eastern cultures before 3000 cal. B.C. The use of

strong hallucinogens by the high elite and trophy heads in the hands of warriors are important icons of American art completely unknown in the prehistoric Near East. It is supposed that in America the major tools used by the elites to consolidate their power were control over the distribution of prestige goods ("wealth finance") and over esoteric knowledge, while in the Near East it was mostly control over production and distribution of staples ("staple finance"). Some Near Eastern societies (first of all Göbekli Tepe and the pre-Uruk IV Susiana) seem to better fit the American than the Near Eastern patterns but they have remained exceptions for their region. The peculiarities demonstrated by the American complex societies can be related to the existence of dual organization, the "return of the ancestors" rituals and possibly to the feasts of merit. All these social institutions can function both in chiefdoms or in states and in small communities with social inequality based exclusively on gender and age. The ways of the sociopolitical development in Nuclear America and in the Near East had to have diverged long before the first evidence of complexity becomes visible, possibly even before the ancestors of the American natives migrated to the New World.

Научное издание

Юрий Евгеньевич Березкин

МЕЖДУ ОБЩИНОЙ И ГОСУДАРСТВОМ
Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки
и Передней Азии в исторической динамике

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор *Т. В. Никифорова*
Корректор *Е. З. Чикадзе*
Компьютерный макет *Н. И. Пашиковской*

Подписано в печать 2013.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonPS. Усл. печ. л. 15. Уч.-изд. л. 16.
Тираж 300 экз. Заказ № .

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
izd_lemma@mail.ru